

ГЕРОДОТ

ИСТОРИЯ

КНИГА ПЕРВАЯ

КЛИО

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

THE
HISTORIES

HERODOTUS
OF HALICARNASSUS

ГЕРОДОТ

ИСТОРИЯ

В ДЕВЯТИ КНИГАХ

Перевод и примечания
Г.А.Стратановского

Под общей редакцией
С.Л.Утченко

Редактор перевода
Н.А.Мещерский

Издательство «НАУКА»
Ленинградское отделение
ЛЕНИНГРАД

1972

Редакционная коллегия серии
«Памятники исторической мысли»

П.М.Баткин (учёный секретарь), Б.Г.Вебер, М.Я.Гефтер,
А.А.Губер (председатель), А.В.Гулыга, В.М.Далин,
А.И.Данилов, И.С.Кан, М.В.Нечкина, С.А.Токарев,
С.О.Шмидт, Е.М.Штаерман.

Секретарь серии:
Е.М.Михина

Ответственный редактор
С.Л.Утченко

От редакционной коллегии

Настоящим изданием открывается новая академическая серия, в которой будут представлены труды, сыгравшие существенную роль в развитии исторической мысли.

Перевод «Истории» Геродота был подготовлен для «Литературных памятников», а затем перешел «по наследству» в нашу серию. Мы принимаем его с большой признательностью, так как получили возможность начать наши издания с «отца истории» и с труда, лежащего еще на трудноразличимой грани между мифом и историческим повествованием.

В дальнейшем, однако, мы не предполагаем придерживаться строгой хронологической последовательности. Так, за Геродотом последует сочинение, которое сразу перенесет нас вперед через два тысячелетия – в эпоху Ренессанса: это «История Флоренции» Макиавелли. Готовятся к изданию исторические статьи из «Энциклопедии» Дидро и Даламбера, книга Петра Кропоткина «Великая французская революция 1789–1793 гг.», работа французского историка Марка Блока «Апология истории, или Ремесло историка». Далее на очереди «Идеи философии истории человечества» Гердера, философско-исторические труды Гегеля, «Письма об изучении истории» Боллингброка, «Первобытное

общество» Моргана, сочинения Саллюстия, Августина и Пселла.

Таков наш план на ближайшее время.

Естественно, мы считаем необходимым и переиздание ставших библиографической редкостью некоторых марксистских работ, начиная с Франца Меринга и кончая первыми шагами советской исторической науки.

Подготавливая к изданию труды, отражающие движение западноевропейской и русской исторической мысли, мы надеемся в дальнейшем достойно представить в серии историческую мысль и народов других континентов.

В серии найдут место книги, уже известные читателю, но давно ставшие малодоступными или нуждающиеся в новых переводах, а также произведения, впервые переводимые на русский язык.

Подготовка текста, построение научного аппарата будут аналогичны тем, которые приняты и с успехом испытаны в серии «Литературные памятники». Однако принципы отбора произведений в нашей серии, естественно, иные.

Некогда историческое повествование было частью литературы в широком смысле слова (поэтому, кстати, сочинения Плутарха, Ксенофона, Светония, на которые может претендовать наша серия, с неменьшим правом уже нашли себе место среди изданий серии «Литературные памятники»). Да и после того, как произошло четкое разделение разных сфер творчества и мысли, многие историки и философы, размышлявшие над проблемами истории, умели писать с поистине художественным блеском. Однако литературные достоинства могут послужить лишь дополнительным аргументом в пользу включения того или иного сочинения в нашу серию. Не исходим мы и из тех качеств, которые делают произведение, принадлежащее прошлому, ценным источником

исторических сведений. В названии «Памятники исторической мысли» акцент делается на последнем слове.

Наша серия призвана развернуть перед читателем многовековую панораму раздумий над соотношением прошлого, настоящего и будущего – над «связью времен», над движением истории. Не всегда это было теоретизирование в прямом значении слова: то, как люди ощущали историю и свою включенность в нее, могло найти выражение как в хронике или эпическом описании, так и в философском трактате или в публицистическом произведении на злобу дня. В том же свете, как необходимая часть исторической мысли, должна быть представлена в серии и профессиональная историческая наука, произведения, принадлежащие к её важнейшим школам и направлениям.

Нелегко, конечно, отделить историческую мысль от историографии в собственном смысле. Критерии такого отделения довольно условны. Очевидно всё же, что понятие «Историческая мысль» шире понятия «историческое исследование». Пытается ли тот или другой автор охватить ту или иную эпоху и даже всю историю человечества, или он занят изучением сравнительно частного, специального вопроса, его в этом случае отличает в первую очередь интерес к смыслу истории в целом.

С этих позиций только и может решаться вопрос о «современности» или «устарелости» того или иного произведения. Своеобразие и самостоятельность мышления автора, целостность и масштабность его миропонимания, связь рассматриваемых им проблем с теми, к которым в наше время вновь обращается историческая мысль, являются здесь главными критериями.

Очевидно, что задачи серии не могут не быть воспитательными, связанными с борьбой мировоззрений и в этом смысле остро современными. Именно поэтому и круг отбираемых трудов для серии

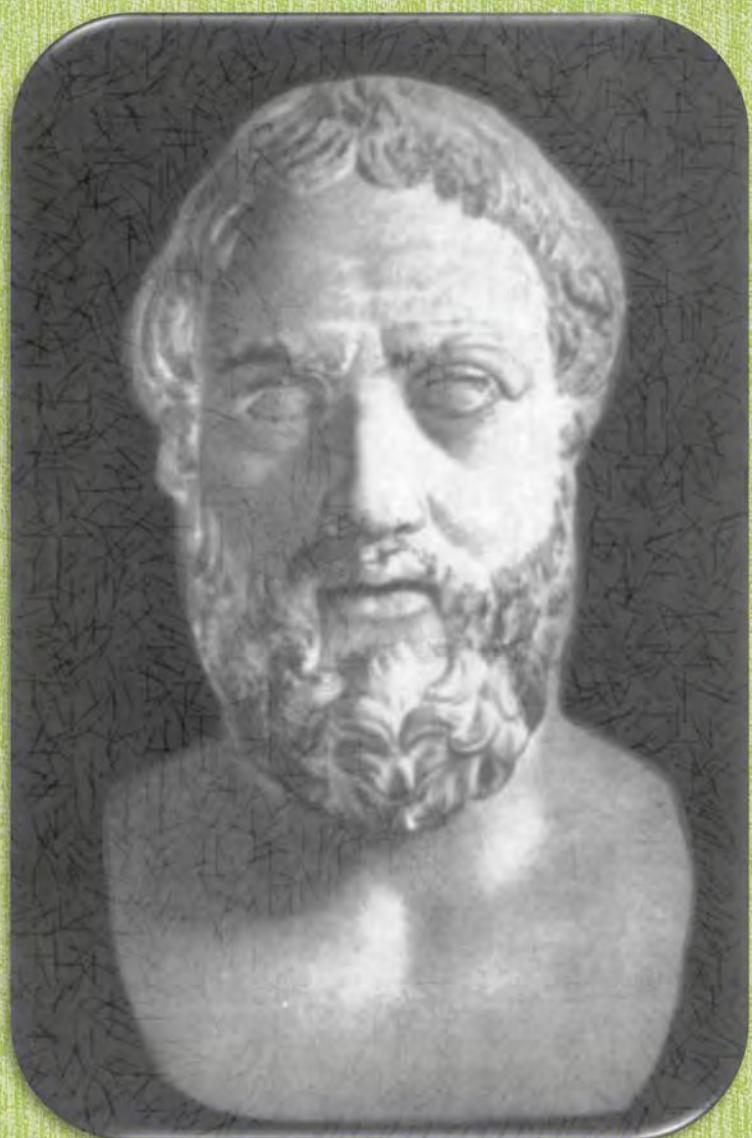
должен быть максимально объективен и широк. Собираясь и в будущем издавать классические сочинения, отбор которых надежно произведен историей, мы не хотели бы ограничиться только этими призванными вехами развития исторической мысли. Без Геродота нет историографии античности, без Августина нет всей тысячелетней христианской историографии; однако нечто сходное можно сказать и о некоторых сочинениях философов и историков конца XIX-первой половины XX в., подчас противоречивых и требующих весьма критических комментариев, но также необходимых тому, кто хочет самостоятельно судить по первоисточникам о современном положении в мировой исторической науке.

Таким образом, мы широко понимаем, как рамки нашей серии, так и её будущую читательскую аудиторию. Настоящий памятник исторической мысли – это нечто живое, не оставляющее нас безразличными, неустранимо присутствующее в памяти каждого человека, думающего в наши дни над проблемами истории. К этому – то читателю, независимо от его профессии, и обращена наша серия.

Первому тому нашей серии суждено увидеть свет уже после внезапной и горестной для всей советской исторической науки кончины председателя редколлегии «Памятников исторической мысли» Александра Андреевича Губера. Без усилий и поддержки Александра Андреевича серия вряд ли могла бы начать свое существование. Пусть настоящее издание останется связанным в сознании читателей с его именем.

Редколлегия серии
«Памятники исторической мысли»

БЮСТ ГЕРОДОТА

МУЗЕЙ В НЕАПОЛЕ

484 ♂ Н.Э. - 426 ♂ Н.Э.

ИСТОРИЯ

В ДЕВЯТИ КНИГАХ

Клио («дарующая славу») — муз истории в древнегреческой мифологии. Дочь Зевса и богини памяти Мнемозины. Её атрибуты — свиток пергамента или скрижаль (доска с письменами). Клио напоминает о том, чего может достичь человек, помогает найти своё предназначение. Согласно Диодору, получила имя оттого, что воспевание в поэзии даёт восхваляемым великую славу (克莱ос). Одна из девяти олимпийских муз.

КНИГА ПЕРВАЯ
КАИО

ГЕРОДОТ

ИСТОРИЯ

Книга Первая

КЛИО

Геродот из Галикарнасса собрал и записал эти сведения(1), чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные действия(2) как эллинов, так и варваров не остались в безвестности, в особенности же то, почему они вели войны друг с другом.

1. По словам сведущих среди первых людей, виновниками раздоров между эллинами и варварами были финикияне. Последние прибыли от так называемого Красного моря к Нашему морю(3) и поселились в стране, где и теперь еще живут(4). Финикияне тотчас же пустились в дальние морские путешествия. Перевозя египетские и ассирийские товары во многие страны, они, между прочим, прибыли и в Аргос. Аргос же в те времена был самым значительным городом в стране, которая теперь называется Элладой. Когда финикияне

прибыли как раз в упомянутый Аргос(5), то выставили свой товар на продажу. На пятый или шестой день по их прибытии, когда почти все товары уже были распроданы, на берег моря среди многих других женщин пришла и царская дочь. Ее имя было Ио, дочь Инаха; так же называют ее и эллины. Женщины стояли на корме корабля и покупали наиболее приглянувшиеся им товары. Тогда финикияне по данному знаку набросились на женщин. Большая часть женщин, впрочем, спаслась бегством, Ио же с несколькими другими они успели захватить. Финикияне втащили женщин на корабль и затем поспешно отплыли в Египет(6).

2. Так то, говорят персы, Ио попала в Египет. Эллины же передают это иначе. Событие это послужило первой причиной вражды. Затем, рассказывают они далее, какие-то эллины (имя они не могут назвать) прибыли в Тир Финикийский и похитили царскую дочь Европу(7). Должно быть, это были критяне(8). Этим они только отплатили финикиям за их проступок. Потом эллины все-таки снова нанесли обиду варварам. На военном корабле они прибыли в Эю в Колхиде и к устью реки Фасиса. Завершив там все дела, ради которых прибыли, эллины затем похитили царскую дочь Медею. Царь колхов отправил тогда в Элладу посланца с требованием пени за похищенную и возвращения дочери. Эллины, однако, дали такой ответ: так как они сами не получили пени за похищение аргивянки Ио, то и царю ничего не дадут.

3. Затем в следующем поколении, говорят они, Александр, сын Приама, который слышал об этом похищении, пожелал умыканием добить для себя женщину из Эллады. Он был твердо уверен, что не понесет наказания, так как и эллины тогда ничем не поплатились. После того как Александр таким образом похитил Елену, эллины сначала решили отправить посланцев, чтобы возвратить Елену и

потребовать пени за похищение. Троянцы же в ответ бросили им упрек в похищении Медеи. Тогда ведь, говорили они, сами эллины не дали никакой пени и не возвратили Медеи, а теперь вот требуют пени от других.

4. До сих пор происходили только временные похищения женщин. Что же до последующего времени, то, несомненно, тяжкая вина лежит на эллинах, так как они раньше пошли походом в Азию, чем варвары в Европу. Похищение женщин, правда, дело несправедливое, но стараться мстить за похищение, по мнению персов, безрассудно. Во всяком случае, мудрым является тот, кто не заботится о похищенных женщинах. Ясно ведь, что женщин не похитили бы, если бы те сами того не хотели. По словам персов, жители Азии вовсе не обращают внимания на похищение женщин, эллины же, напротив, ради женщины из Лакедемона собрали огромное войско, а затем переправились в Азию и сокрушили державу Приама. С этого времени персы всегда признавали эллинов своими врагами. Ведь персы считают Азию и живущие там варварские племена своими, Европа же и Эллада для них – чужая страна.

5. Таков, говорят персы, был ход событий, и взятие Илона, думают они, послужило причиной вражды к эллинам. О похищении же Ио финикияне рассказывают иначе, чем персы, вот что. Именно, по их словам, они вовсе не увозили Ио насильно в Египет, так как она уже в Аргосе вступила в любовную связь с хозяином корабля. Когда же почувствовала себя беременной, то от стыда перед родителями добровольно уехала с финикиянами, чтобы скрыть свой позор. Так рассказывают персы и финикияне. Что до меня, то я не берусь утверждать, случилось ли это именно так или как-нибудь иначе. Тем не менее, я хочу назвать человека, который, как мне самому известно, положил начало враждебным действиям против эллинов(9).

Затем в продолжение моего рассказа я опишу сходным образом как малые, так и великие людские города. Ведь много когда-то великих городов теперь стали малыми, а те, что в мое время были могущественными, прежде были ничтожными. А так как я знаю, что человеческое счастье изменчиво, то буду одинаково упоминать о судьбе тех и других.

6. Крез, родом лидиец⁽¹⁰⁾, сын Алиатта, был владыкой народов по эту сторону реки Галиса (Галис течет с юга на север между землями сирийцев⁽¹¹⁾ и пафлагонцев и впадает в море, называемое Евксинским Понтом). Этот Крез, насколько я знаю, первым из варваров покорив часть эллинов, заставил платить себе дань; с другими же он заключил союзные договоры. Покорил же он ионян, эолийцев и азиатских дорийцев⁽¹²⁾, а с лакедемонянами вступил в союз. Однако до владычества Креза все эллины были свободными. Ведь нашествие киммерийцев⁽¹³⁾, которые еще до времен Креза дошли до Ионии, не было длительным завоеванием, а скорее простым набегом для захвата добычи.

7. Власть, принадлежавшая ранее дому Гераклидов, перешла к роду Креза (этот род зовется Мермнадами)⁽¹⁴⁾. Произошло это таким образом: Кандавл, которого эллины называют Мирсилом, был мираном Сард. Он был потомком Алкея, сына Геракла. Первым царем Сард из дома Гераклидов стал Агрон, сын Нина, внук Бела, правнук Алкея. Кандавл же, сын Мирса, был их последним царем. Цари, управлявшие этой страной до Агриона, были потомками Лида, сына Атиса, того лидийца, от которого весь нынешний народ (прежде называемый меонами) получил имя лидийцев. От них, по предсказанию оракула, получили власть Гераклиды. Последние вели свой род от Геракла и рабыни Иардана и правили в течение 22 людских поколений⁽¹⁵⁾, 505 лет, причем всегда сын у них наследовал власть от отца вплоть до Кандавла, сына Мирса.

8. Этому Кандавл был очень влюблен в свою жену и, как влюбленный, считал, что обладает самой красивой женщиной на свете. Был у него среди телохранителей некий Гигес(16), сын Даскила, которого он особенно ценил. Этому то Гигесу Кандавл доверял самые важные дела и даже расхваливал красоту своей жены. Вскоре после этого (ведь Кандавлу предречен был плохой конец) он обратился к Гигесу с такими словами: “Гигес, ты, кажется, не веришь тому, что я говорил тебе о красоте моей жены (ведь ушам люди доверяют меньше, чем глазам), поэтому постарайся увидеть ее обнаженной”. Громко вскрикнув от изумления, Гигес отвечал: “Что за неразумные слова, господин, ты говоришь! Ты велишь мне смотреть на обнаженную госпожу? Ведь женщины вместе с одеждой совлекают с себя истыд!(17) Давно уже люди узнали правила благопристойности и их следует усваивать. Одно из них главное: всякий пусть смотрит только за своим. Я верю, что она красивее всех женщин, но все же прошу: не требуй от меня ничего, противного обычаям”.

9. Так говорил Гигес, пытаясь отклонить предложение царя в страхе попасть из-за этого в беду. Кандавл же возразил ему такими словами: “Будь спокоен, Гигес, и не бойся: я сказал это не для того, чтобы испытать тебя, и моя жена тебе также не причинит никакого вреда. Я подстрою сначала все так, что она даже и не заметит, что ты ее увидел. Тебя я поставлю в нашем спальном покое за закрывающейся дверью. За мной войдет туда и жена, чтобы возвлечь на ложе. Близко от входа стоит кресло, куда жена, раздеваясь, положит одну за другой свои одежды. И тогда ты сможешь спокойно ею любоваться. Если же она направится от кресла к ложу и повернется к тебе спиной, то постарайся выйти через дверь, чтобы она тебя не увидела”.

10. Тогда Гигес уже не мог уклониться от такого предложения и выразил свою готовность. Когда Кандавл решил, что настала пора идти ко сну, то провел Гигеса в спальный покой, куда затем тотчас же пришла и жена. И Гигес любовался, как она вошла и сняла одежду. Как только женщина повернулась к нему спиной, Гигес постарался, незаметно ускользнув, выйти из покоя. Тем не менее женщина видела, как он выходил. Хотя, она поняла, что все это подстроено ее мужем, но не закричала от стыда, а, напротив, показала вид, будто ничего не заметила, в душе же решила отомстить Кандавлу. Ведь у лидийцев и у всех прочих варваров считается великим позором, даже если и мужчину увидят нагим.

11. Как ни в чем ни бывало женщина хранила пока что молчание. Но лишь только наступил день, она велела своим самым преданным слугам быть готовыми и позвать к ней Гигеса. Гигес же пришел на зов, уверенный, что ей ничего не известно о происшествии, так как и прежде он обычно приходил всякий раз, как царица его призывала к себе. Когда Гигес предстал перед ней, женщина обратилась к нему с такими словами: "Гигес, перед тобой теперь два пути; даю тебе выбор, каким ты пожелал бы идти. Или ты убьешь Кандавла и, взяв меня в жены, станешь царем лидийцев, или сейчас же умрешь, для того чтобы ты, как верный друг Кандавла, и в другое время не увидел, что тебе не подобает. Так вот, один из вас должен умереть: или он, соблазнивший тебя на этот поступок, или ты, который совершил непристойность, увидев мою наготу". Пораженный ее словами, Гигес сначала не знал, что ответить, а затем стал молить царицу не вынуждать его к такому страшному выбору. Гигесу не удалось все же убедить ее. Тогда, видя, что выбор неизбежен — или убить своего господина, или самому пасть от руки палачей, — он избрал себе жизнь и обратился к царице с таким вопросом: "Так как ты заставляешь меня против воли убить моего господина, то

скажи же, как мы с ним покончим?”. На это царица дала такой ответ: “Мы нападем на него на том самом месте, откуда он показал тебе меня обнаженной, и ты убьешь его во время сна”.

12. Обдумав совместно этот коварный план, Гигес с наступлением ночи проник в спальный покой вслед за женщиной (ведь она не отпустила Гигеса; выход ему был отрезан, и предстояло или самому умереть, или умертвить Кандавла). Тогда царица дала ему кинжал и спрятала за той же дверью. Когда же Кандавл заснул, Гигес, крадучись, пробрался к нему и, заколов его, овладел таким образом его женой и царством. Об этом рассказывает также Архилох из Пароса, который жил в то время, в ямбическом тридакне.

13. Так-то Гигес овладел царством, и дельфийский оракул подтвердил его право на престол изречением. Лидийцы же после убийства Кандавла в негодовании взялись за оружие, но приверженцы Гигеса договорились с остальными лидийцами о том, что Гигес останется их царем, если только оракул признает его. Оракул же изрек признание, и таким образом Гигес стал царем. Впрочем, Пифия добавила еще я такое изречение: Гераклиды получат возмездие в пятом потомке Гигеса. Однако лидийцы и их царь вовсе не придали значения этому оракулу, пока он не исполнился.

14. Так Мерннады завладели царской властью, которую они отняли у Гераклидов. Гигес же, вступив на престол, отоспал в Дельфы немалое число посвящительных даров (большинство серебряных вещей в Дельфы посвятил он)(18). А кроме серебра, он посвятил еще несметное количество золота; среди прочих вещей, достойных упоминания, там 6 золотых кратеров весом в 30 талантов. Стоят они в сокровищнице коринфян. В действительности же это не сокровищница государства коринфян, а Кипсела, сына Этиона. Этому Гигес был, насколько я знаю, первым изварваров (после

Мидаса(19), сына Гордия, царя Фригии), который посвятил дары в Дельфы. Ведь Мидас также принес дары, именно свой царский трон, восседая на котором он творил суд. Этот достопримечательный трон стоит на том же месте, где и Гигесовы кратеры. А эти золотые и серебряные сосуды, посвященные Гигесом, дельфийцы называют Гигадами, по имени посвятителя. После воцарения Гигес выступил походом на Милет и Смирну и завоевал город Колофон. Впрочем, за свое 38 летнее царствование Гигес(20) не совершил ничего великого, и так как мы уже много рассказали о нем, то можем теперь перейти к его потомкам.

15. Я упомяну Ардиса, сына Гигеса, который царствовал после него. Ардис завоевал Приену и пошел войной на Милет(21). В его правлении в Сардах киммерийцы(22), изгнанные из своих обычных мест обитания скифами кочевниками(23), проникли в Азию и захватили Сарды (кроме акрополя).

16. После 49 летнего царствования Ардиса престол перешел по наследству к его сыну Садиатту, который царствовал 12 лет. Садиатту же наследовал Алиатт. Последний начал войну с Киаксаром (внуком Деиока) и с мидийцами. Затем он изгнал киммерийцев из Азии, завоевал Смирну, колонию Колофона, и пошел войной на Клазомены. От Клазомен ему пришлось вернуться не так, как он бы хотел, но с большим уроном.

17. Из других деяний его царствования вот наиболее достойные упоминания. Продолжая войну, начатую еще его отцом, он воевал с милетянами. Выступив в поход, он действовал при осаде Милета так. Он начинал поход с войском против Милета в пору созревания хлеба на полях. Шел он под звуки свирелей, пектид(24) и мужских и женских флейт. Прибыв в землю милетян, он не стал разрушать и сжигать дома на полях и взламывать двери, но оставлял в

неприкосновенности. Только деревья он срубил и уничтожил хлеб на полях, а затем возвратился домой. Осаджать город было бесполезно, так как милемяне господствовали на море. Дома же лидийский царь не разрушал для того, чтобы милемяне могли, живя в них, оттуда снова засеять и вспахать свои поля и чтобы сам он, когда они вновь обработают землю, мог при следующем набеге опять опустошить их.

18. Так вел войну лидийский царь одиннадцать лет подряд. За эти годы милемяне дважды понесли большие поражения: на их собственной земле при Лименее и в долине Меандра. Шесть из этих одиннадцати лет относятся еще к эпохе правления над лидийцами Садиатта, сына Ардиса, который в это время воевал с милемянами (ведь это Садиатт начал войну). Пять последних лет войну вел Алиатт, сын Садиатта, который, как я упомянул выше, принял ее от отца, ревностно продолжал. Милемянам в этой войне не помогал ни один ионийский город, кроме одних хиосцев, которые в отплату пришли им на помощь. Прежде ведь милемяне вели войну вместе с хиосцами против эрифрейцев.

19. Когда же на двенадцатый год войны войско лидийцев вновь сожгло нивы, произошло вот что. Лишив только запылали нивы, огонь, подхваченный ветром, перекинулся на храм Афины по прозвищу Ассесии(25). Объятый пламенем, храм сгорел. Сначала лидийцы этому событию не придали никакого значения. По возвращении же войска в Сарды Алиатт занемог. Болезнь между тем затянулась, и царь отправил послов в Дельфы – посоветовал ли ему кто-нибудь или же сам он решил – вопросить оракула о болезни. По прибытии послов в Дельфы Пифия дала ответ, что бог не даст им прорицания, пока они не восстановят сожженный храм Афины, что у Ассеса в земле милемян.

20. Такой рассказ я сам слышал в Дельфах. Милетяне же добавляют к этому еще вот что. Периандр, сын Кипсела, близкий друг Фрасибула, тогдашнего тирана Милета, узнал о данном Алиатту оракуле. Он послал к Фрасибулу вестника с сообщением об оракуле, чтобы тот заранее принял свои меры. Так передают милетяне.

21. Алиатт же, говорят милетяне, получив ответ Пифии, тотчас послал глашатая в Милет заключить перемирие с Фрасибулом и милетянами на время, пока он не отстроит храма. Так вот, царский глашатай прибыл в Милет. Фрасибул же, заранее уведомленный обо всем и зная намерения Алиатта, придумал такую хитрость. Он приказал весь хлеб, что был в городе (и его собственный, и отдельных граждан), снести на рыночную площадь и велел милетянам по данному знаку начинать веселые пирушки с песнями.

22. А это Фрасибул сделал и отдал такое приказание для того, чтобы глашатай из Сард, увидев огромные кучи хлеба, наваленные на площади, и людей, живущих в свое удовольствие, сообщил об этом Алиатту. Так действительно и случилось. Вестник увидел все это и затем, передав поручение лидийского царя Фрасибулу, возвратился в Сарды. И, как я узнал, мир был заключен не по какой-либо иной причине, а только из-за его сообщения. Алиатт ведь рассчитывал на то, что в Милете сильный голод и что измученный народ дошел до предела несчастья. Теперь же он услышал по возвращении глашатая из Милета сообщение, прямо противоположное тому, что он ожидал. После этого был заключен мир, по которому они вступили в дружбу и союз друг с другом. Алиатт же воздвиг в Ассесе вместо одного храма Афине два и исцелился от своего недуга. Так обстояло у Алиатта с войной против милетян и Фрасибула.

23. Периандр, который сообщил Фрасибулу упомянутое изречение оракула, был сыном Кипсела. Периандр был тираном Коринфа. С ним то, как говорят коринфяне (и этот рассказ подтверждают также лесбосцы), приключилось в жизни величайшее диво. Арион из Мефимны был вынесен на дельфина из моря у Тенара. Это был несравненный кифаред своего времени и, насколько я знаю, первым стал сочинять дифирамб(26), дал ему имя и обучил хор для постановки в Коринфе.

24. Этому же Арион большую часть времени своей жизни провел у Периандра и затем решил отплыть в Италию и Сикелию. Там он нажил великое богатство, потом пожелал возвратиться назад в Коринф. Он отправился в путь из Таранта и, так как никому не доверял большие коринфяне, нанял корабль у коринфских мореходов. А корабельщики задумали [злое дело]: в открытом море выбросить Ариона в море и завладеть его сокровищами. Арион же, догадавшись об их умысле, стал умолять сохранить ему жизнь, предлагая отдать все свои сокровища. Однако ему не удалось смягчить корабельщиков. Они велели Ариону либо самому лишить себя жизни, чтобы быть погребенным в земле, либо сейчас же броситься в море. В таком отчаянном положении Арион все же упросил корабельщиков (раз уж таково их решение) по крайней мере позволить ему спеть в полном наряде певца, став на скамью гребцов. Он обещал, что, пропев свою песнь, сам лишит себя жизни. Тогда корабельщики перешли с кормы на середину корабля, радуясь, что им предстоит услышать лучшего певца на свете. Арион же, облачясь в полный наряд певца, взял кифару и, стоя на корме, исполнил торжественную песнь(27). Окончив песнь, он, как был во всем наряде, ринулся в море. Между тем корабельщики отплыли в Коринф, Ариона же, как рассказывают, подхватил на спину дельфин и вынес к Тенару. Арион вышел на берег и в своем наряде певца отправился в Коринф. По прибытии туда он рассказал все, что с ним случилось. Периандр же

не поверил рассказу и велел заключить Ариона под стражу и никуда не выпускать, а за корабельщиками внимательно следить. Когда же те прибыли в Коринф, Периандр призвал их к себе и спросил, что им известно об Арионе. Корабельщики отвечали, что Арион живет и здравствует где-то в Италии и они де оставили его в Таранте в полном благополучии. Тогда внезапно появился Арион в том самом одеянии, в каком он бросился в море. Пораженные корабельщики не могли уже отрицать своей вины, так как были уличены. Так рассказывают коринфяне и лесбосцы. А на Тенаре есть небольшая медная статуя – жертвенный дар Ариона, изображающая человека на дельфине.

25. По окончании войны с милемянами лидиец Алиатт скончался. Царствовал он 57 лет. Исцелившись от своего недуга, царь (вторым из этого царского дома) принес посвятительные дары в Дельфы: большую серебряную чашу для смешивания вина с водой на железной инкрустированной подставке – одно из самых замечательных приношений в Дельфах работы Главка хиосца (он первый из людей изобрел искусство инкрустировать(28) железо).

26. После кончины Алиатта царство перешло к его сыну Крезу(29), которому было тогда 35 лет от роду. Первым эллинским городом, на который он канал, был Эфес. Когда Крез осадил Эфес, эфесцы посвятили свой город Артемиде и протянули канат от храма богини к городской стене. Расстояние же между старым городом, который был тогда осажден, и храмом было 7 стадий. Так вот, Крез сначала выступил в поход на эфесцев, а затем по очереди на всех ионян и эолийцев. При этом царь выставлял каждый раз все новые поводы для нападения. Если можно было подыскать важную причину, то выдвигал и более серьезные обвинения, в других же случаях довольствовался даже ничтожными поводами.

27. Покорив азиатских эллинов, Крез заставил их платить дань. Затем он задумал построить флот и напасть на островитян. Когда все уже было готово для постройки кораблей, прибыл в Сарды Биант из Приены (другие же говорят, что Питтак(30) из Митилены). Крез спросил пришельца: "Что нового в Элладе?". А тот ответил вот что (чем и отклонил Креза от постройки кораблей): "О царь! Островитяне закупают множество коней, собираясь в поход на Сарды против тебя". Крез думал, что Биант говорит правду и сказал ему: "О если бы боги только внушили островитям эту мысль идти на конях против сынов лидийцев". Биант же, прервав его, сказал: "Царь! Ты, конечно, страстно желаешь, чтобы островитяне со своей конницей попали в твои руки на материке, и к этому у тебя есть все основания. Что же, ты думаешь, желают островитяне, узнав, что ты намерен построить флот против них? Ничего другого, как захватить лидийцев на море и отомстить за порабощение материковых эллинов". Эти слова очень обрадовали Креза. Он нашел заключение вполне правильным и велел прекратить постройку флота(31). Так-то Крез вступил в дружбу с ионийскими островитянами.

28. С течением времени Крезу удалось подчинить почти все народности по сю сторону реки Галиса, потому что все остальные, кроме киликийцев и ликийцев, были подвластны Крезу. Вот имена этих народностей: лидийцы, фригийцы, мисийцы, мариандины, халибы, пафлагонцы, фракийцы в Финны и Вифинии, карийцы, ионяне, дорийцы, эолийцы и памфилы(32).

29. После того как Крез покорил все эти народности и присоединил их к лидийскому царству, в богатые и могущественные Сарды стали стекаться все жившие тогда в Элладе мудрецы (каждый из них – по самым различным побуждениям). Прибыл, между прочим, и афинянин

Солон, который дал афинянам по их желанию законы и затем на десять лет уехал из страны. Отплыл Солон якобы с целью повидать свет, а на самом деле для того, чтобы его не вынудили изменить законы. Ведь сами афиняне, связанные торжественными клятвами десять лет хранить данные Солоном законы, не могли их изменить.

30. По этой же причине, а быть может, и для того, чтобы повидать чужие страны, Солон уехал в Египет к Амасису, а затем – в Сарды к Крезу(33). В Сардах Крез принял Солону радушный прием в своем дворце. А потом на третий или четвертый день слуги по приказанию Креза провели гостя по царским сокровищницам и показали ему все огромные царские богатства. После осмотра и любования всем, что заинтересовало гостя, Крез обратился к Солону с таким вопросом: “Гость из Афин! Мы много уже наслышаны о твоей мудрости и странствованиях, именно, что ты из любви к мудрости и чтобы повидать свет объездил много стран. Теперь я хочу спросить тебя: «Встретил ли ты уже счастливейшего человека на свете?»”. Царь задал этот вопрос в надежде, что гость объявит его самого счастливейшим человеком. Солон же нисколько не желал льстить Крезу и сказал правду: “Да, царь, я видел самого счастливого человека. Это – афинянин Телл”. Крез очень удивился такому ответу и с нетерпением спросил: “Почему это ты считаешь Телла самым счастливым?”. Солон ответил: “Этот Телл жил в цветущее время родного города, у него были прекрасные и благородные сыновья, и ему довелось увидеть, как у всех них также родились и остались в живых дети. Это был по нашим понятиям зажиточный человек. К тому же ему была суждена славная кончина. Во время войны афинян с соседями он выступил в поход и при Элевсине обратил врагов в бегство, но и сам пал доблестной смертью. Афиняне же устроили ему погребение на

государственный счет на месте гибели, оказав этим высокую честь”.

31. Рассказ Солона о великом счастье Телла возводил дальнейшее любопытство Креза, и царь спросил его: “Кто же самый счастливый после Телла?”, совершенно уверенный, что уж по крайней мере на втором месте Солон укажет его. Но Солон сказал: “После Телла самые счастливые – Клеобис и Битон. Родом из Аргоса, они имели достаточно средств к жизни и к тому же отличались большой телесной силой. Помимо того, что оба они были победителями на атлетических состязаниях, о них рассказывают еще вот что: у аргосцев есть празднество в честь Геры Аргосской. Их мать, [жрицу богини], нужно было обязательно привезти на повозке в святилище богини. Однако быки их не успели вернуться с поля. Медлить было нельзя, и юноши сами впряженлись в ярмо и потащили повозку, в которой ехала их мать. 45 стадий пробежали они и прибыли в святилище. После этого подвига, совершенного на глазах у всего собравшегося на праздник народа, им суждена была прекрасная кончина. И божество дало ясно этим понять, что смерть для людей лучше, чем жизнь. Аргосцы, обступив юношей, восхваляли их силу, а женщины – их мать за то, что она обрела таких сыновей. Мать же, возрадовавшись подвигу сыновей и народной молве о них, стала перед кумиром богини и молилась даровать ее сыновьям Клеобису и Битону, оказавшим ей столь великий почет, высшее благо, доступное людям. После этой молитвы и жертвоприношения и пиршества юноши заснули в самом святилище и уже больше не вставали, но нашли там свою кончину. Аргосцы же велели поставить юношам статуи и посвятить в Дельфы за то, что они проявили высшую доблесть”.

32. Когда Солон объявил этих юношей на втором месте по счастью, Крез в гневе сказал ему: "Гость из Афин! А мое счастье ты так ни во что не ставишь, что даже не считаешь меня наравне с этими простыми людьми". Солон отвечал: "Крез! Меня ли, который знает, что всякое божество завистливо и вызывает у людей тревоги, ты спрашиваешь о человеческой жизни? За долгую жизнь многое можно увидеть и многое пережить. Пределом человеческой жизни я считаю 70 лет. Эти 70 лет составляют 25200 дней без вставного месяца. Но если к каждому второму году прибавлять еще по месяцу, чтобы времена года (в соответствии с календарными месяцами) наступали в свое надлежащее время, то за 70 лет вставных месяцев наберется 35, а дней получается из этих месяцев 1050. И из всех дней, приходящихся на 70 лет, т.е. из 26250 дней, нет ни одного совершенно похожего на другой: каждый день несет новые события. Итак, Крез, человек – лишь игралище случая. Я вижу, что ты владеешь великими богатствами и повелеваешь множеством людей, но на вопрос о твоем счастье я не умею ответить, пока не узнаю, что жизнь твоя окончилась благополучно. Ведь обладатель сокровищ, не счастливее (человека), имеющего лишь дневное пропитание, если только счастье не сопутствует ему и он до конца жизни не сохранит своего богатства. Поэтому многие даже очень богатые люди, несмотря на их богатство, несчастливы, и, наоборот, много людей умеренного достатка счастливы. Богатый, но несчастливый человек имеет лишь два преимущества перед счастливцем умеренного достатка, а этот последний превосходит его во многом: один в состоянии легче удовлетворять свои страсти и скорее перенесет тяжкие удары судьбы, а другой хотя и не может одинаково с ним терпеть невзгоды, но все же превосходит его в следующем: именно, что счастье оберегает его, так как он человек, лишенный телесных недостатков и недугов, беспорочный, счастливый

в своих детях и благообразный. Если же, кроме того, ему еще предназначена судьбой блаженная кончина, то это и есть том, о ком ты спрашивавши, — человек, достойный именоваться блаженным. Но пока человек не умрет, воздержись называть его блаженным, но [называй его] лучие удачливым. Однако одному человеку получить все эти блага зараз невозможно: так же как и никакая земля не производит всего, что необходимо, но одна — только одно, а другая — другое; самая же лучшая земля — это та, что обладает наибольшими благами. Так и ни одно человеческое тело не производит все из себя, потому что одно [достоинство] у нас есть, а другого не хватает. Но том, что постоянно обладает наибольшим количеством благ и затем счастливо окончит жизнь, том, царь, в моих глазах, вправе называться счастливым. Впрочем, во всяком деле нужно иметь в виду его исход, чем оно кончается. Ведь уже многим божество (на миг) даровало блаженство, а затем окончательно их погубило”.

33. Эти слова Солона были, как я думаю, не по душе Крезу, и царь отпустил афинского мудреца, не обратив на его слова ни малейшего внимания. Крез счел Солона совершенно глупым человеком, который, пренебрегая счастьем настоящего момента, всегда советует ждать исхода всякого дела.

34. Вскоре после отъезда Солона страшная кара божества постигла Креза, вероятно, за то, что тот считал себя самым счастливым из смертных. Крез заснул, и тотчас предстало ему сновидение, которое провозвестило беду его сыну. А было у Креза два сына: один из них был калека, глухонемой; другой же по имени Атис(34) далеко превосходил своих сверстников (добротой). Сновидение предсказало Крезу, что Атис погибнет, пораженный насмерть железным копьем. Когда Крез, пробудившись, пришел в себя, то в ужасе от

сновидения решил, женив сына, впредь никогда больше не отпускать в поход, хотя обычно на войне тот был во главе лидийцев. Царь приказал также вынести из мужского покоя дротики, копья и другое подобное оружие и сложить во внутренних женских покоях, чтобы никакое висящее (на стене) оружие не упало на сына.

35. Когда Крез был занят свадьбой сына, прибыл в Сарды некий фригиец, царского рода. Его постигла страшная беда; а именно он заимнал себя кровопролитием. Пришелец явился во дворец Креза и просил очистить его (от скверны) по местному обычаю очистительным обрядом. И Крез очистил его. Этому очистительный обряд у лидийцев такой же, как у эллинов(35). После очищения Крез спросил чужестранца, кто он и откуда, сказав: "Чужестранец! Кто ты и из какого места Фригии пришел искать защиты к моему очагу? Кого убил ты, мужчину или женщину?". А том отвечал: "Царь! Я – сын Гордия, сына Мидаса, а зовут меня Адрастом. Я нечаянно убил своего брата; мой отец изгнал меня, и вот теперь я прихожу к тебе лишенный всего". А Крез отвечал ему так: "Ты – потомок друзей и пришел к друзьям. Оставайся у нас, и у тебя не будет ни в чем нужды. И чем легче ты будешь переносить твое несчастье, тем будет лучше для тебя". Так-то чужеземец остался жить во дворце Креза.

36. В то время на Мисийском Олимпе обитал огромный вепрь. Он спускался с этой горы и опустошал нивы мисийцев. Мисийцы то и дело устраивали охоту на зверя, но не могли причинить ему вреда, и им самим даже приходилось еще терпеть от него. Наконец, к Крезу пришли вестники от мисийцев и сказали так: "Царь! В нашей земле появился огромный вепрь, который опустошает наши нивы. При всем старании мы не можем его поймать. Поэтому просим послать твоего сына к нам с отборным отрядом воинов и сворой собак и

избавить нашу землю от этой напасти". Так они просили, а Крез, помня о вещем сне, ответил им: "О сыне моем вы и не помышляйте: я не могу отпустить его с вами, он ведь новобрачный и теперь у него медовый месяц. Но все же я отправлю с вами отборный отряд мисийцев со сворой охотничьих собак и велю им постараться избавить вашу землю от этого зверя".

37. Так отвечал им Крез, и мисийцы остались довольны. Тогда пришел сын Креза, услышав о просьбе мисийцев. Когда царь отказался отпустить сына, то юноша сказал отцу так: "Отец! Самым высшим и благородным удовольствием прежде было для меня и для тебя отличиться в походе или на охоте. А теперь ты запрещаешь мне и то и другое, хотя никогда ты не замечал во мне ни трусости, ни малодушия. Какими глазами будут глядеть на меня люди, когда я пойду в народное собрание и оттуда домой? Что подумают обо мне сограждане и что станет думать моя молодая жена о человеке, с которым ей предстоит жить? Поэтому или позволь мне идти на охоту, или по крайней мере приведи разумные доводы, что так поступить будет действительно лучше для меня". Крез же отвечал сыну так.

38. "Сын мой! Я поступаю так не оттого, что заметил за тобой трусость или какой-либо другой неблаговидный поступок. Явились мне сновидение и предрекло, что ты будешь недолговечен и погибнешь от железного копья. Из-за этого то сновидения я и поспешил с твоей свадьбой и теперь запрещаю тебе участвовать в подобных предприятиях, чтобы избавить тебя от таких опасностей, по крайней мере [хоть на время], пока я жив. Ведь ты у меня единственный сын (второго сына, глухонемого калеку, я не считаю)".

39. Юноша же отвечал: "Я не хочу, отец, винить тебя, что ты из-за этого видения оберегаешь меня. Но ты неверно понял сон, и я

должен тебе объяснить его. Ты говоришь, что сновидение предсказало тебе мою кончину от железного копья. А разве у вепря есть руки или железное копье, которое тебя страшит? Ведь если бы было предсказано, что я погибну от клыков вепря или от чего-либо подобного, тогда ты поступил бы правильно. Но сновидение говорит – от копья. И так как мы теперь идем не против людей, то отпусти меня!”.

40. Крез отвечал: “Сын мой! Твои слова о сновидении меня как-то убедили, и я отпускаю тебя на охоту”.

41. Затем царь велел призвать фригийца Адраста и сказал ему так: “Адраст! Я очистил тебя от тяжкой беды, в которую ты попал, за что я не упрекаю тебя, принял в свой дом, и обеспечил всем необходимым. Поэтому твой долг отплатить мне добром за добро, которое я тебе сделал. Я прошу тебя ныне быть стражем моего сына, который отправляется на охоту, чтобы разбойники внезапно по дороге не напали на погибель вам. Кроме того, тебе также следует отправиться в этот поход, чтобы добить себе славу. Ведь у тебя жажда славы от предков, и к тому же ты полон юношеской силы”.

42. Адраст отвечал: “Царь! При других обстоятельствах я не стал бы участвовать в таком трудном предприятии. Ведь мне, испытавшему столь ужасное несчастье, не подобает искать общения со счастливыми сверстниками. У меня нет даже стремления к этому, и я по разным соображениям удерживал себя от такого общения. А теперь, раз уж ты настаиваешь и мне приходится тебе угодждать (ведь мой долг отплатить тебе за добро), я готов сделать это. Сын твой, которого ты доверяешь мне охранять, возвратится к тебе здравым и невредимым, поскольку это зависит от меня как защитника”.

43. После этого они выступили на охоту с отборными воинами и сворами (охотничьих) псов. Прибыв к горе Олимпу, охотники принялись высматривать зверя. Найдя затем вепря, они окружили его и стали метать свои дротики. Тут метнулся копье в вепря и чужеземец Адраст, который только что был очищен от пролития крови, но промахнулся и попал в Крезова сына. Юноша был поражен копьем: так-то исполнилось пророчество венчего сна. Тотчас же был послан вестник в Сарды сообщить Крезу о случившемся, и по прибытии в Сарды он рассказал царю о борьбе с вепрем и об участии сына.

44. А Крез был глубоко опечален смертью сына. Особенно же горько было царю то, что сына убил именно тот человек, кого он сам очистил от пролития крови. Подавленный горем, царь начал призывать Зевса Катарсия в свидетели причиненного ему чужеземцем страдания. Он взывал также к Зевсу Эфестию и Зевсу Этерию (Крез призывал одного и того же бога, именуя его то Эфестием, потому что принял в свой дом чужеземца, не подозревая в нем убийцу своего сына, то Этерием, потому что тот, кого он поставил стражем сына, оказался злейшим врагом).

45. Затем прибыли лидийцы с телом покойного сына Креза. За ними последним шел убийца. Адраст остановился перед телом и отдал себя во власть Креза. Простирая перед руки, он требовал заколоть его как жертву над телом покойного. По его словам, после первой своей беды теперь, когда он погубил еще и сына своего очистителя, жизнь ему стала больше невыносимой. Крез услышал это и почувствовал жалость к Адрасту, хотя его собственное горе было тяжело. Он сказал ему: "Чужеземец! Я получил от тебя полное удовлетворение: ведь ты сам осуждаешь себя на смерть. Не ты виноват в моем несчастье, поскольку ты невольный убийца, а какой-

то бог, который давно уже предвозвестил мне определенное роком". Затем Крез предал тело своего сына погребению по местным обычаям. Адраст же, сын Гордия, внук Мидаса, убийца собственного брата и затем убийца (сына) своего очистителя, когда (близкие покойного разошлись) и у могилы воцарилось спокойствие, заколол себя на могильном кургане: он чувствовал себя самым несчастным из всех людей, которых ему пришлось знать.

46. Два года Крез глубоко скорбел, опечаленный потерей сына. После этого Кир, сын Камбиса, сокрушил царство Астиага, сына Киаксара. Возышение персидской державы положило конец печали Креза и внушило ему тревожные думы, нельзя ли как-нибудь сломить расступающую мощь персов, пока они не стали слишком могущественны. Для этого Крез тотчас стал испытывать оракулы в Элладе и Ливии, рассыпая послов по разным местам. Одних он отправил в Дельфы, других в Абы, что в Фокиде, третьих в Додону; иные были посланы также к Амфиараю и к Трефонию и, наконец, в Бранхиды в Милемской области. Это были эллинские прорицальщица, куда Крез послал вопросить оракулов. Впрочем, он отправил послов также к оракулу Амона в Ливии. Царь хотел сначала испытать проницательность оракулов. Затем если обнаружится их правдивость, то полагал снова отправить послов с вопросом: "Идти ли мне войной на персов?".

47. Итак, царь послал лидийцев для испытания оракулов с таким приказанием: со дня отправления из Сард они должны отсчитывать время и на сорый день вопросить оракулы: "Что теперь делает царь лидийцев Крез, сын Алиатта?". Ответы каждого оракула на этот вопрос послы должны записать и доставить ему. Об ответах прочих оракулов ничего не сообщается. По прибытии же лидийцев в Дельфы они вошли в священный покой, чтобы вопросить бога о

том, что им было велено. А Пифия изрекла им такой ответ стихами в шестистопном размере:

Числю морские песчинки и ведаю моря просторы,

Вняты глухого языка и слышны мне речи немого.

В грудь мою запах проник облеченной в доспех черепахи,

В медном котле меж кусками бараньего мяса.

Медь распростерта под ней и медною ризой покрыта.

48. Это изречение Пифии лидийцы записали и затем возвратились в Сарды. Когда же прибыли и остальные послы с изречениями оракулов, Крез развернул свитки и стал читать. Ни одно прорицание, однако, не удовлетворило царя, и только, услышав ответ дельфийского оракула, Крез отнесся к нему с благоговейным доверием. По словам царя, единственно правдивый оракул – это дельфийский, так как он угадал, чем он, Крез, был занят тогда один, без свидетелей.

Отправив послов к оракулам, царь выждал назначенный день и замыслил вот что (его выдумку никак нельзя было открыть или о ней догадаться). Он разрубил черепаху и ягненка и сам сварил их вместе в медном котле, а котел накрыл медной крышкой.

49. Таково было дельфийское прорицание Крезу. Что до ответа оракула Амфиарая, то я не могу сказать, что именно изрек лидийцам этот оракул, когда те прибыли к его святилищу и по обычай вопросили (об этом ведь ничего не сообщается). Мне известно только, что Крез признал правдивым прорицание и этого оракула.

50. После этого Крез стал умилостивлять дельфийского бога пышными жертвами. Так, он приказал принести в жертву 3000 голов отборного скота каждой породы и затем, воздвигнув огромный костер, сжечь на нем выложенные золотом и серебром ложа,

серебряные чаши и пурпурные одежды. Этим царь надеялся добиться большие милостей у бога. (На этом костре) царь также повелел всем лидийцам приносить жертвы из своего имущества. Затем Крез приказал переплавить несметное количество золота и изготовить из него слитки (в виде) полукирпичей, 6 ладоней в длину, шириной в 3 ладони, высотой же в 1 ладонь. (Общее) число полукирпичей было 117; из них 4 – из чистого золота, весом 21/2 таланта каждый; другие полукирпичи – из сплава с серебром, весом 2 таланта. После этого царь велел отлить из чистого золота статую льва весом в 10 талантов. Впоследствии во время пожара святилища в Дельфах лев этот упал с (подставки из) полукирпичей, на которых он был установлен. И поныне еще стоит этот лев в сокровищнице коринфян, но вес его теперь только 61/2 талантов, так как 31/2 таланта расплавились при плавке.

51. После изготовления Крез отоспал эти предметы в Дельфы и вместе еще несколько других, а именно: две огромные чаши для смешивания вина – золотую и серебряную. Золотая чаша стояла в святилище как войдешь направо, а серебряная – налево. После пожара чаши были также переставлены на другое место. Золотая чаша стоит теперь в сокровищнице клазоменян (вес ее 81/2 талантов и 12 мин), а серебряная в углу в притворе храма. Вмещает она 600 амфор. Чашу эту дельфийцы наполняют вином с водой на празднике Феофаний. Как утверждают в Дельфах, чаша эта – изделие Феодора из Самоса. И я тоже так думаю, так как она, видимо, на редкость чудесной работы. Потом царь отоспал в Дельфы 4 серебряных сосуда, которые стоят (ныне) в сокровищнице коринфян, и 2 кропильницы – золотую и серебряную. На золотой кропильнице начертана надпись, гласящая: “Посвятительный дар лакедемонян”. Это, однако, неверно: ведь эти кропильницы – посвятительный дар Креза. Надпись же на ней вырезал какой-то дельфиец, желая угодить

лакедемонянам. Я знаю имя этого человека, но не хочу называть. Только (статуя) мальчика, через руку которого течет вода (в кропильницы) – приношение лакедемонян, но ни та, ни другая из кропильниц. Вместе с этими Крез послал много и других даров без надписей. Среди них круглые чаши для возлияний, а также золотая статуя женщины в 3 локтя высотой (по словам дельфийцев, она изображает женщину, выпекавшую царю хлеб)(36). Крез пожертвовал также ожерелья и пояса своей супруги.

52. Эти же дары Крез послал в Дельфы; Амфиараю же, о деяниях и судьбе которого ему пришлось слышать, царь посвятил в дар щит целиком из золота и копье, древко и наконечник которого были также из чистого золота. Эти оба предмета еще и поныне находятся в Фивах в святилище Аполлона Исмения.

53. Затем Крез повелел лидийцам, отвозившим дары в святилища, вспросить оракулы, следует ли ему идти войной против персов и искать для этого союзников. По прибытии же в святилище послы передали приношения и затем вспросили оракул в таких словах: “Крез, царь лидийцев и других народов, считая, что здесь он получил единственно правдивые на свете прорицания, послал вам эти дары как достойное вознаграждение за то, что вы разгадали его замысел. Теперь царь спрашивает вас: выступать ли ему в поход на персов и искать ли для этого союзников”. Так вспрошли послы, а оба оракула дали одинаковый ответ и объявили Крезу: если царь пойдет войной на персов, то сокрушим великое царство. Оракулы также советовали царю отыскать самый могущественный эллинский город и заключить с ним союз(37).

54. А Крез, получив прорицания оракулов и узнав их содержание, чрезвычайно обрадовался. Теперь царь твердо уповал, что сокрушим царство Кира. Затем Крез вновь отправил посольство в Пифо с

дарами всему дельфийскому народу, узнав его численность: каждый дельфиец получил по 2 золотых статера. За это дельфийцы предоставили Крезу и лидийцам право первыми вопрошать оракул, свободу от пошлин и налогов и почётные места (на Пифийских играх) и, кроме того, каждый лидиец получил еще право гражданства в Дельфах на вечные времена(38).

55. Одарив дельфийцев, Крез в третий раз обратился к оракулу (ведь царь убедился теперь в правдивости оракула и стал даже слишком часто вопрошать его). На этот раз Крез спросил, долго ли будет существовать его держава. Пифия же изрекла ему вот какой ответ:

Коль над мидянами мул царем когда-либо станет,
Ты, нежноногий лидиец, к обильному галькою Герму
Тут то бежать торопись, не стыдясь малодушным казаться.

56. Когда эти слова сообщили Крезу, царь весьма обрадовался. Он полагал, что никогда, конечно, вместо человека мул не будет царствовать над мидянами и поэтому власть навсегда останется в его доме. Затем Крез принял разыскивать самое могущественное эллинское племя, чтобы вступить с ним в союз. Из расспросов же царь узнал, что самые выдающиеся из эллинов – это лакедемоняне и афиняне. Первые – среди дорийского племени, а вторые – среди ионийского. Это были два наиболее значительных тогда эллинских племени. Так, ионяне первоначально были пеласгийского происхождения, а дорийцы – эллинского. Ионийское племя никогда не покидало своей земли, дорийское же – очень долго странствовало. Ибо во времена царя Девкалиона оно обитало в земле Фтиомида, а затем при Доре, сыне Эллина, – у подошвы Оссы и Олимпа, в области под названием Гистиеомида. После изгнания из

Гистиеотиды кадмейцами дорийцы поселились у Пидна и назывались теперь македнами. Отсюда это племя снова переселилось в Ариопиду, а оттуда прежде всего в Пелопоннес, где и приняло имя дорийцев.

57. На каком языке говорили пеласги, я точно сказать не могу. Если же судить по теперешним пеласгам, что живут севернее тирсенов в городе Крестоне (они некогда были соседями племени, которое ныне называется дорийцами, и обитали тогда в стране, теперь именуемой Фессалиотида), и затем – по тем пеласгам, что основали Плакию и Скиллак на Геллеспонте и оказались соседями афинян, а также и по тем другим городам, которые некогда были пеласгическими, а позднее изменили свои названия. Итак, если, скажу я, из этого можно вывести заключение, то пеласги говорили на Варварском языке. Если, стало быть, и все пеласгическое племя так говорило, тогда и аттический народ, будучи пеласгическим по происхождению, также должен был изменить свой язык, когда стал частью эллинов. Ведь еще и ныне жители Крестона и Плакии говорят на другом языке, не похожем на язык соседей. Это доказывает, что они еще и теперь сохраняют своеобразные черты языка, который они принесли с собой после переселения в эти края.

58. Что до эллинского племени, то оно, по-моему, с самого начала всегда говорило на одном и том же языке. До своего объединения с пеласгами эллины были немногочисленны. Из такого довольно скромного начала они численно возросли и включили в себя множество племен, главным образом оттого, что к ним присоединились пеласги и много других чужеземных племен. Итак, по крайней мере до соединения с эллинами, как я думаю, племя пеласгов, пока оно было Варварским, так никогда и не стало значительной народностью.

59. Из этих двух народов, как я узнал, аттический народ был расколот и подавлен междоусобными смутами. Писистрат, сын Гиппократа, в то время был тираном в Афинах. Этому то Гиппократу, когда он как простой гражданин присутствовал на Олимпийских играх, было явлено великое знамение: при жертвоприношении стоявшие там котлы с мясом и водой закипели без огня и вода полилась через край. Лакедемонянин Хилон, как раз случившийся при этом и видевший знамение, дал совет Гиппократу прежде всего не брать себе в дом жену, рожающую детей. А если он уже женат, то отпустить жену; если даже у него есть сын, — то отказаться от сына. Гиппократ же отверг совет Хилона. После этого у него родился сын — упомянутый выше Писистрат. У афинян же шли в то время распри между обитателями побережья (предводителем их был Мегакл, сын Алкмеона) и равнинными жителями (во главе с Ликуртом, сыном Аристолаида). Писистрат, тогда уже помышлявший о тирании, создал третью партию. Он набрал приверженцев и, открыто став вождем партии гиперакриев⁽³⁹⁾, придумал вот какую хитрость. Он изранил себя и своих мулов и затем въехал на повозке на рыночную площадь, якобы спасаясь от врагов, которые хотели его избить, когда он ехал по полю. Писистрат просил народ дать ему охрану. Он уже ранее отличился как полководец в войне с мегарцами, завоевав Нисею и совершив другие замечательные подвиги. Народ же афинский позволил себя обмануть, предоставив ему телохранителей из числа горожан: они были у Писистрата не копьеносцами, а дубинниками, сопровождая его с деревянными дубинами. Во главе с Писистратом они-то и восстали и захватили акрополь. Тогда Писистрат стал владыкой афинян. Он не нарушил, впрочем, порядка государственных должностей и не изменил законов, но управлял городом по

существующим законоустановлениям, руководя государственными делами справедливо и дальновидно.

60. Вскоре, однако, после этого приверженцы Мегакла(40) и Ликурга объединились и изгнали Писистрата. Таким-то образом Писистрат в первый раз овладел Афинами, и так лишился своей тирании, которая еще не глубоко укоренилась. Между тем враги Писистрата, изгнавшие его, вновь начали распри между собой. Попав в затруднительное положение, Мегакл послал вестника к Писистрату. Он предложил ему свою дочь в жены и в приданое – тиранию.

Писистрат принял предложение, согласившись на эти условия. Для возвращения Писистрата они придумали тогда уловку, по-моему, по крайней мере весьма глупую. С давних пор, еще после отделения от варваров, эллины отличались большим по сравнению с варварами благородством и свободой от глупых суеверий, и все же тогда эти люди (Мегакл и Писистрат) не постыдились разыграть с афинянами, которые считались самыми хитроумными из эллинов, вот какую штукку(41). В Пеонийском доме(42) жила женщина по имени Фия ростом в 4 локтя без трех пальцев и вообще весьма пригожая. Этую же женщину в полном вооружении они поставили на повозку и, показав, какую она должна принять осанку, чтобы казаться благопристойной, повезли в город. Затем они отправили вперед глашатаев, которые, прибыв в город, обращались по их приказанию к горожанам с такими словами: “Афиняне! Примите благосклонно Писистрата, которого сама Афина почитает превыше всех людей и возвращает теперь из изгнания в свой акрополь!”. Так глашатаи кричали, обходя улицы, и тотчас по всем демам прошел слух, что Афина возвращает Писистрата из изгнания. В городе все верили, что эта женщина действительно богиня, молились смертному существу и приняли Писистрата.

61. Придя таким образом снова к власти, Писистрат по уговору с Мегаклом взял себе в жены его дочь. Но так как у него были уже взрослые дети, а род Алкмеонидов, к которому принадлежал Мегакл, как считали, был поражен проклятием, то Писистрат не желал иметь детей от молодой жены(43) и потому общался с ней неестественным способом. Сначала жена скрывала это обстоятельство, а потом рассказала своей матери (в ответ на ее вопросы или же по собственному почину), а та – своему мужу. Мегакл же пришел в страшное негодование за то, что Писистрат так его обесчестил. В гневе он снова примирился со своими (прежними) сторонниками. А Писистрат, узнав, что затевается против него, удалился из города и вообиде из Аттики(44). Прибыв в Эретрию, он стал совещаться со своими сыновьями. Верх одержало мнение Гиппия о том, что следует попытаться вновь овладеть верховной властью. Тогда они (Писистрат и сыновья) стали собирать добровольные даяния от городов, которые были им чем-либо обязаны. Многие города предоставили Писистрату большие суммы денег, но фиванцы превзошли всех денежными дарами. Одним словом, через некоторое время после этого все было готово для их возвращения в Афины. И действительно, из Пелопоннеса прибыли аргосские наемники, из Наксоса также приехал добровольно ревностный приверженец (Писистрата) по имени Лигдамид с деньгами и людьми.

62. Так вот, Писистрат и его сторонники выступили из Эретрии и на одиннадцатом году своего изгнания снова прибыли в Аттику(45). Первое место, которое они захватили там, был Марафон. Во время их стоянки (в Марафоне) к ним присоединились не только сторонники из (самого) города Афин, но также стали стекаться и другие люди из демов, которым тирания была больше по душе, чем теперешняя свобода. Так (тиран и его сторонники) собирали свои

силы. Афиняне же в городе вовсе не думали о Писистрате, пока тот только собирал средства, и даже после занятия Марафона. Услышав о выступлении Писистрата из Марафона на Афины, только теперь горожане двинулись против него. Все городское ополчение вышло против возвратившихся изгнанников. Когда Писистрат со своими людьми, выйдя из Марафона, напал на Афины, оба войска сошлись у святилища Афины Паллены и там расположились станом друг против друга. Тут то предстал Писистрату прорицатель Амфилит(46) из Акарнании и по божественному внушению изрек ему в шестистопном размере следующее пророчество:

Брошен уж невод широкий, и сети раскинуты в море,

Кинутся в сети тунцы среди блеска лунного ночи.

63. Такое предсказание изрек вдохновенный прорицатель. А Писистрат понял смысл изречения и, объявив, что принимает оракул(47), повел свое войско на врага. Афинские же горожане как раз в это время дня завтракали, а после завтрака одни занялись игрой в кости, а другие легли спать. Тогда Писистрат с войском напал на афинян и обратил их в бегство. Когда противники убежали, Писистрат придумал хитрый способ, чтобы воспрепятствовать бегущим вновь собраться и чтобы заставить войско рассеяться. Он велел своим сыновьям скакать на конях вперед. Наспигая бегущих, сыновья Писистрата предлагали от имени отца ничего не бояться и разойтись всем по домам.

64. Афиняне так и сделали. Таким-то образом Писистрат в третий раз завладел Афинами. Он упрочил свое господство сильными отрядами наемников и денежными сборами как из самих Афин, так и из области на реке Стримоне(48). Он взял затем заложниками сыновей тех афинян, которые сопротивлялись и не сразу бежали, и переселил их на Наксос (Писистрат завоевал Наксос

и отдал его во владение Лигдамиду). Кроме того, он “очистил” по повелению оракула остров Делос. А сделал Писистрат это вот как: он велел выкопать всех покойников, погребенных в пределах видимости, из храма и перенести отсюда в другую часть Делоса(49). И Писистрат стал тираном в Афинах; что же до афинян, то одни [его противники] пали в борьбе, а другим вместе с Алкмеонидами пришлось уйти в изгнание из родной земли.

65. Таково было в то время положение дел в Афинах. Напротив, лакедемоняне, как узнал Крез, избежали великих бедствий и теперь уже одолели тегейцев. Ведь при спартанских царях Леонте и Гегесикле лакедемоняне побеждали во всех других войнах, но только в одной войне с тегейцами терпели поражение. Прежде у лакедемонян были даже почти что самые дурные законы из всех эллинов, так как они не общались ни друг с другом, ни с чужеземными государствами. Свое теперешнее прекрасное государственное устройство они получили вот таким образом. Ликург, знаменитый спартанец, прибыл в Дельфы вопросить оракул. Когда он вошел в святилище, Пифия тотчас же изрекла ему вот что:

Ты притех, о Ликург, к дарами обильному храму,
Зевсу любезный и всем на Олимпе обитель имущим,
Смертный иль бог ты? Кому изрекать прорицанье должна я?
Богом скорее, Ликург, почитать тебя нужно бессмертным.

По словам некоторых, Пифия, кроме этого предсказания, предрекла Ликургу даже все существующее ныне спартанское государственное устройство. Не, как утверждают сами лакедемоняне, Ликург принес эти нововведения [в государственный строй] Спарты из Крита. Он был опекуном своего племянника Леобома, царя Спарты. Как только Ликург стал опекуном царя, то изменил все законы и строго следил,

чтобы их не преступали. Затем он издал указы о разделении войска на энномии(50), установил триакады(51) и сисситии(52). Кроме того, Ликург учредил должность эфоров(53) и основал совет старейшин (геронтов)(54).

66. Так-то лакедемоняне переменили свои дурные законы на хорошие, а после кончины Ликурга воздвигли ему храм и ныне благоговейно его почитают. Так как они жили в плодородной стране с многочисленным населением, то скоро достигли процветания и изобилия. И действительно, они уже больше не довольствовались миром: убедившись в превосходстве над аркадцами, лакедемоняне вопросили дельфийский оракул: могут ли они завоевать всю Аркадскую землю. Пифия же изрекла им в ответ вот что:

Просишь Аркадию всю? Не дам тебе: многого хочешь!

Желудоядцев-мужей обитает в Аркадии много,

Кои стоят на пути. Но похода все ж не возбраняю.

Дам лишь Тегею тебе, что ногами истоптана в пляске,

Чтобы плясать и поля ее тучные мерить веревкой.

Лакедемоняне, услышав такой (ответ) оракула, оставили все другие города Аркадии и пошли войной на тегейцев. С собой они взяли оковы в упованиях хотя и на двусмысленный (ответ) оракула, так как твердо рассчитывали обратить в рабство тегейцев. В битве, однако, лакедемоняне потерпели поражение, и на тех, кто попал в плен к врагам, были наложены (те самые) оковы, которые они принесли с собой: пленники, как рабы, должны были, отмерив участок поля тегейцев мерной веревкой, обрабатывать его. Оковы же эти, наложенные на (лакедемонских) пленников, еще до сего дня сохранились в Тегее и висят на стенах храма Афины Алеи.

67. Так вот, в прежних войнах с тегейцами лакедемоняне постоянно терпели неудачи. Однако во времена Креза, когда царями Лакедемона были Анаксандрид и Аристон(55), спартанцы наконец одержали верх над ними, и вот как это произошло(56). Из-за своих постоянных поражений лакедемоняне отправили послов в Дельфы вопросить (оракул), какое божество им следует умилостивить для победы над тегейцами. Пифия дала ответ: они должны перенести в Спарту останки Ореста, сына Агамемнона, (и тогда) одолеют тегейцев. Однако спартанцы не могли отыскать могилы Ореста, и [им пришлось] вновь отправить послов в Дельфы вопросить бога: “Где погребен Орест?” На вопрос послов Пифия ответила вот что:

Есть в Аркадии град Тегея на низкой равнине.

Всюот там ветры (их два), гонимые силой могучей.

(Слышен) удар, отраженный ударом, и беда возлежит над бедою...

Сын там Атрида сокрыт земли жизнепворной на лоне.

Прах его перенесешь и станешь владыкой Тегеи.

Однако и после этого ответа оракула лакедемоняне все-таки не могли найти могилы, несмотря на все усилия, пока не нашел ее Лих, один из так называемых агатоергов(57) в Спарте. Эти то агатоэрги – старейшие граждане числом пять – ежегодно выходят из сословия всадников. В течение того года, когда они выходят из всаднического сословия, они должны быть наготове постоянно выполнять обязанности послов в разных местах для Спарты.

68. Среди этих то людей был некто Лих. Он и отыскал в Тегее (могилу Ореста), отчасти случайно, отчасти хитростью. В то время у лакедемонян с тегейцами было перемирие. Лих зашел в кузницу посмотреть, как куют железо, и дивился искусству (кузнеца). Кузнец заметил его удивление и, прекратив работу,

сказал: “Друг лаконец! Ты дивишься, как искусно обрабатывают железо. Но вот если бы тебе довелось увидеть то же, что мне, то как бы ты сильно удивился! Я хотел выкопать у себя во дворе колодец, и, копая, наткнулся на гроб 7 локтей длины. Не веря, однако, чтобы люди когда-нибудь были больше нынешних ростом, я открыл гроб и увидел, что покойник действительно был одинаковой величины с гробом. Измерив гроб, я снова засыпал его землей”. Так передавал ему кузнец то, что видел, а Лих обдумал эти слова. Ему пришло на мысль, что это и есть останки Ореста, о которых говорил оракул. Рассудил же Лих вот как: рассматривая два раздуваемых меха кузнеца, он решил, что это ветры, о которых говорил оракул; наковальня же и молот – это удар и ответный удар, а беда, возлежащая на беде, – выковываемое железо (это потому, думал он, что железо изобретено на беду человеку). Так рассуждая, Лих возвратился в Спарту и рассказал все, что случилось с ним. Лакедемоняне же обвинили его для вида в вымышленном преступлении и изгнали из города. Тогда Лих опять прибыл в Тегею и рассказал кузнецу о своей беде. Затем он просил отдать ему в наем двор, но кузнец, сначала не соглашался. В конце концов Лиху удалось уговорить кузнеца. Он поселился потом на этом дворе, раскопал могилу и собранные кости привез в Спарту. С этого времени и всякий раз, когда дело доходило до столкновения, лакедемоняне неизменно оказывались гораздо сильнее (тегейцев). И они покорили, таким образом, уже большую часть Пелопоннеса.

69. Все это Крез узнал и отправил послов в Спарту с дарами и предложением союза. Царь указал послам, что они должны говорить, а те по прибытии в Спарту сказали вот что: “Прислал нас Крез, царь лидийцев и других народов, и говорит вам так: «Лакедемоняне! Бог возвестил мне через оракул, чтобы я заключил союз с элинами. Вы же, как я слышу, – самые могущественные люди в Элладе.

Поэтому то я по повелению оракула и обращаюсь к вам и желаю быть вашим другом и союзником без коварства и обмана»». Это Крез приказал объявить через своих послов, а лакедемоняне, которые уже слышали о прорицании, данном Крезу, обрадовались приезду лидийцев и заключили с ним освященный клятвой договор о дружбе и союзе, тем более что уже раньше Крез оказывал им некоторые услуги. Так, когда лакедемоняне послали с Сарды купить золото для статуи Аполлона, которая ныне стоит в Форнаке в Лаконии, Крез отдал им золото в дар(58).

70. Ради этого то (а также и потому, что Крез предпочел их в качестве союзников всем прочим эллинам) лакедемоняне и заключили этот союз. Сами же они не только приняли предложение царя, но даже хотели сделать Крезу ответный подарок, если бы он того потребовал. Так лакедемоняне изготавлили медную чашу для смешивания вина, украшенную снаружи по краям всевозможными узорами, огромных размеров, вместимостью на 300 амфор. Впрочем, эта чаша так и не попала в Сарды по причинам, о которых рассказывают двояко. Лакедемоняне передают, что на пути в Сарды чаша оказалась у острова Самоса. Самосцы же, узнав об этом, подплыли на военных кораблях и похитили ее. Сами же самосцы, напротив, утверждают: лакедемоняне, везущие чашу, прибыли слишком поздно и по пути узнали, что Сарды взяты (персами), а Крез пленен. Тогда они будто бы предложили продать эту чашу на Самосе, и несколько (самосских) граждан купили ее и посвятили в храм Геры. Возможно также, что люди, действительно продавшие чашу, по прибытии в Спарту объявили там, что их ограбили самосцы.

71. Так-то обстояло дело с чашей для смешивания вина. Крез же неправильно истолковал оракул и выступил в поход на Каппадокию,

надеясь низвергнуть Кира и сокрушить персидскую державу. Во время приготовлений к походу на персов один лидиец дал царю такой совет (этот лидиец – имя его было Санданис – и прежде слыл благоразумным, а благодаря этому совету он и подавно прославился у лидийцев)(59): “Царь! Ты собираешься в поход на людей, которые носят кожаные штаны и другую одежду из кожи; едят же они не столько, сколько пожелают, а сколько у них есть пищи, так как обитают в земле суровой. Кроме того, они не пьют вина, довольствуясь лишь водой. Нет у них ни смокв и никаких других полезных плодов. Если ты и одолеешь их, то что возьмешь у народа, лишенного всех благ? С другой стороны, подумай о том, чего ты можешь лишиться в случае поражения. Ведь, вкусив прелестей нашей жизни, они так привяжутся к нам, что мы не сможем уже их изгнать [из нашей страны]. Я благодарю богов за то, что они не внушают персам мысль воевать с лидийцами!”. Эти слова, впрочем, не убедили Креза. Я рассказываю это потому, что до покорения Лидии персы действительно вовсе не знали ни роскоши, ни богатства.

72. Каппадокийцев эллины называют сирийцами. А сирийцы эти до персидского владычества были подвластны лидийцам, а потом (подчинились) Киру. Границей же мидийского и лидийского царств была река Галис, текущая с Арменского горного (хребта) через Киликию; затем она протекает справа по области матиенов, а с левой стороны – по земле фригийцев. Минуя Фригию, река поворачивает на север и затем образует границу между сирийскими каппадокийцами на правом берегу и пафлагонцами – на левом. Таким образом, река Галис рассекает почти всю нижнюю часть Азии от моря, лежащего против Кипра, до Евксинского Понта. Это самое узкое место всей страны, и хороший пешеход пройдет этот путь за 5 дней.

73. А начал Крез Войну с Каппадокией вот почему: во-первых, из страсти к земельным приобретениям (он стремился присоединить и эту область к своим владениям), а главным образом потому, что, доверяя изречению оракула, желал отомстить Киру за Астиага(60). Кир, сын Камбиса, победил Астиага, сына Киаксара, царя мидян и шуриня Креза. Астиаг же стал шурином Креза вот как. Орда мятежных скифов кочевников переселилась в Мидийскую землю. Царем же мидян в то время был Киаксар, сын Фраорта, внук Дениока. Царь сначала дружественно принял этих скифов, так как они пришли просить убежища, и даже отдал им своих сыновей в обучение искусству стрельбы из лука. Однако по прошествии некоторого времени вышло так, что скифы, которые постоянно занимались охотой и всегда добывали дичь, ничего не убили. Когда они вернулись с пустыми руками, Киаксар (человек, очевидно, вспыльчивый) обошелся с ними весьма сурово и оскорбительно. Получив такое незаслуженное оскорбление от Киаксара, скифы решили разрубить на куски одного из мальчиков, бывших у них в обучении. Затем, выпотрошив, как обычно потрошат дичь, подали на стол Киаксару как охотничью добычу. После этого скифы хотели немедленно бежать в Сарды к Алиатту, сыну Садиатта. Так это и произошло: Киаксар и его гости отведали этого мяса, а скифы отдались под защиту Алиатта.

74. Так как Алиатт, несмотря на требования Киаксара, не захотел выдать скифов, то у лидийцев с мидянами началась война. Пять лет длилась эта война, причем верх одерживали то мидяне, то побеждали лидийцы и однажды – даже в какой-то ночной битве. Так с переменным успехом продолжалась эта затяжная война, и на шестой год во время одной битвы внезапно день превратился в ночь. Это солнечное затмение предсказал ионянам Фалес Милетский и даже точно определил заранее год, в котором оно и наступило(61).

Когда лидийцы и мидяне увидели, что день обратился в ночь, то прекратили битву и поспешно заключили мир. Посредниками (при этом) были киликиец Сиеннесий и вавилонянин Лабинет. Они-то и добились, чтобы лидийцы и мидяне принесли клятву примирения и скрепили ее заключением брака. Они убедили Алиатта выдать замуж свою dochь Ариенис за Астиага, сына Киаксара. Ведь без таких родственных уз мирные договоры обычно непрочны. Скрепленные же клятвой договоры эти народы заключают так же, как и эллины, и, кроме того, слегка надрезают кожу на руке и слизывают друг у друга [выступившую] кровь.

75. Этого то Астиага, своего деда по матери, Кир низложил. Причины этого я расскажу в последующем рассказе. За это Крез упрекал Кира и послал вопросить оракул: идти ли ему войной на персов. И, даже получив двусмысленный ответ, Крез истолковал его в свою пользу и пошел войной на персидские владения. Подойдя к реке Галису, Крез, как я по крайней мере думаю, переправил свое войско по существующему теперь мосту. Эллины же обычно рассказывают, что переправил войско Креза через реку Фалес Милетский. (Как передают эллины), царь был в затруднении, как ему перевести войско через реку, потому что теперешнего моста в то время еще не существовало. Фалес же, который, как говорят, находился в стане Креза, сумел сделать так, что река потекла не только с левой стороны войска, но и с правой. Устроил же Фалес это так: он велел прокопать выше стока глубокий канал в виде полумесяца так, чтобы река обходила стан с тыла. Отклоняясь этим путем по каналу от старого русла, река затем снова проходила мимо стана и потом опять возвращалась в старое русло. Таким образом, после разделения реки на два рукава оба они стали проходимыми. Некоторые даже утверждали, что старое русло тогда совершенно пересохло, чему я,

Впрочем, не верю. Как же тогда на обратном пути они снова могли перейти реку?

76. Так вот, Крез, перейдя с войсками Галис, прибыл в так называемую Птерию в Каппадокии⁽⁶²⁾ (Птерия – весьма сильно укрепленное место в этой стране – лежит приблизительно около Синопы, города на Евксинском Понте). Там царь разбил свой стан и начал опустошать поля сирийцев. Город птерийцев он захватил, а жителей продал в рабство. Он взял также все окрестные города, а ни в чем не повинных жителей сирийцев изгнал. А Кир собрал свое войско, присоединив к нему воинов всех народностей, через земли которых он проходил, и пошел в поход на Креза. Еще до своего выступления Кир послал вестников к ионянам побудить их к отпадению от Креза. Ионяне, однако, отказались. Когда Кир с войском прибыл, он разбил свой стан против [стана] Креза. Здесь, на Птерийской земле, персы и лидийцы померялись своими силами. Сеча была жестокой, и с обеих сторон пало много воинов. В конце концов ни той, ни другой стороне не удалось одержать победы, и с наступлением ночи противники разошлись.

77. Так сражались оба войска друг с другом. Крез же считал свое войско слишком малочисленным (и действительно, оно значительно уступало численностью войску Кира). На следующий день Кир не возобновил битвы, и Крез с войском отступил к Сардам. Он хотел призвать на помощь своих союзников египтян (с Амасисом, царем Египта, Крез заключил союз еще раньше, чем с лакедемонянами). Крез собирался отправить послов и к вавилонянам, также бывшим с ним в союзе (царем Вавилона был тогда Лабинет). Наконец, Крез велел сообщить лакедемонянам, чтобы те явились на помощь в установленное время. Собрав все эти вспомогательные боевые силы и объединив их со своим войском, Крез по окончании зимы, в начале

весны, намеревался выступить против персов. Таковы были его замыслы. По прибытии в Сарды царь послал вестников к союзникам, предлагая собраться на пятый месяц в Сарды. Войско же свое, состоявшее из наемников, которое сражалось с персами, он распустил по домам. Крез ведь вовсе не ожидал, что Кир после столь нерешительной битвы пойдет (прямо) на Сарды.

78. Пока Крез обдумывал эти свои замыслы, все окрестности города внезапно наполнились змеями. С появлением змей кони бросили настбница и поедали змей. Это явление Крез счел божественным знамением, как это и было в действительности. Тотчас царь отправил послов к тельmessским толкователям знамений. Послы прибыли к тельmessцам и узнали смысл этого чудесного знамения. Но им не пришлось уже передать ответ Крезу: ибо не успели они отплыть в Сарды, как Крез был уже взят в плен. Тельmessцы же истолковали знамения так: Крезу следует ожидать нападения чужеземного войска на свою страну. Войско это придет и истребит туземных жителей. Ведь змея, говорили они, — дитя родной земли, конь же — нечто враждебное и чуждое ей. Такой ответ дали тельmessцы (послам) Креза, вовсе ничего не ведая о Сардах и об участии самого Креза, бывшего тогда в плену.

79. А Кир, лишь только узнал после битвы при Птерии об отступлении Креза и о том, что тот намерен распустить свое войско, то решил как можно скорее идти на Сарды, пока лидийцы не успели снова собрать войска. Этому свой замысел Кир быстро привел в исполнение. Он совершил вторжение с войском в Лидию и сам явился вестником к Крезу. Крез оказался в весьма затруднительном положении, так как ход событий оказался совершенно иным, чем он предполагал. Тем не менее царь повел своих лидийцев в бой. В то время не было в Азии народа, сильнее и отважнее лидийцев. Они

сражались верхом на конях(63), вооруженные копьями, и были прекрасными наездниками.

80. Так вот, оба войска сошлись на большой, лишенной растительности равнине перед городом Сардами. Через эту равнину протекало много рек, и среди них Гилл(64), владающий в самую большую реку под названием Герм. Герм берет начало со священной горы Матери Диндимены и впадает в море у города Фокеи. Тут Кир, увидев, что лидийцы стоят в боевом порядке, готовые к бою, в страхе перед их конницей по совету мидянина Гарнага поступил вот так: всех выночных и нагруженных продовольствием верблюдов, следовавших за войском, Кир велел сгнать, разгрузить и посадить на них воинов в одежде всадников. Затем он поставил верблюдов впереди войска против конницы Креза, пехоте же приказал следовать за верблюдами, а позади пехотинцев расположил все остальное войско. После того как все заняли свои места, Кир отдал приказ умерщвлять без пощады всех попадавшихся лидийцев, только самого Креза не убивать, даже если тот будет защищаться при захвате в плен. Таково было приказание Кира, а верблюдов он велел поставить против неприятельской конницы потому, что кони боятся верблюдов и не выносят их вида и запаха. Эта хитрость была придумана для того, чтобы сделать бесполезной именно ту самую конницу, которой лидийский царь рассчитывал блеснуть. Битва началась, и лишь только кони почуяли верблюдов и увидели их, то повернули назад и надежды Креза рухнули. Но все же лидийцы и тут не потеряли мужества. Когда они заметили произшедшее, то соскочили с коней и стали сражаться с персами пешими. Наконец после огромных потерь с обеих сторон лидийцы обратились в бегство. Персы оттеснили их в акрополь и начали осаждать (Сарды).

81. Так-то лидийцы были осаждены, а Крез, рассчитывая на долгую осаду, отправил из города новых послов к своим союзникам. Прежние послы были посланы к союзникам с приказанием собраться в Сарды на пятый месяц, а на этот раз они просили немедленной помощи, так как Крез был в осаде.

82. Среди других союзников Крез отправил послов также и в Лакедемон. В это время у самих спартанцев была война с аргосцами за область под названием Фирея. Эта Фирея, собственно, была частью Арголиды, но лакедемоняне завладели ею. Аргосцам принадлежали также материковая область на запад вплоть до Малеев, затем остров Кифера и другие острова. Аргосцы прибыли на защиту своей земли, захваченной [спартанцами]. Здесь они вступили в переговоры со спартанцами и сошлись на том, что с каждой стороны вступят в бой по 300 воинов. Спорная же область останется за победителями. Остальные бойцы обеих сторон должны были возвратиться домой и не участвовать в битве, для того чтобы в случае поражения своих они не вмешались в схватку. Условившись так, оба войска удалились, а оставшиеся отборные бойцы вступили в схватку. Однако силы противников оказались настолько равными, что после боя из всех 600 воинов осталось в живых только трое: у аргосцев Алкенор и Хромий, а у лакедемонян — Офириад. Этих только и заспала в живых наступившая ночь. Тогда двое аргосцев, считавшие себя победителями, поспешили в Аргос, а лакедемонянин Офириад снял с павших аргосцев доспехи и отнес их в стан спартанцев, а затем оставался на поле битвы, как бы удерживая свое место (в строю). На следующий день оба войска прибыли на поле боя узнать об исходе битвы. Сначала победу приписывали себе обе стороны: одни говорили, что у них осталось больше людей в живых, другие же объявляли противников беглецами, (утверждая), что их воин не покинул поля битвы и даже снял доспехи

с павших противников. Наконец, после долгих споров они вновь бросились в рукопашную схватку. Несмотря на огромные потери с обеих сторон, победителями все же остались лакедемоняне. С этого времени аргосцы стали коротко стричь себе волосы (прежде, по обычаям, они отращивали длинные волосы). Они даже ввели закон и изрекли проклятие, чтобы ни один аргосец не смел отращивать себе длинные волосы и ни одна женщина – носить золотых украшений, пока Фирея не будет отвоевана. Лакедемоняне же, напротив, установили законом отныне носить длинные волосы (до этого они коротко стригли их). Передают, что единственный, оставшийся в живых из 300 лакедемонян, Офриад, стыдясь возвратиться в Спарту, так как все его соратники пали, лишил себя жизни в Фирее.

83. Таковы в то время были дела у спартанцев, когда прибыл к ним посол из Сард с просьбой о помощи Крезу. Выслушав посла, лакедемоняне все же решили отправить помочь царю. Но когда все уже было готово и корабли снаряжены к отплытию, пришло другое известие о том, что город лидийцев взят и сам Крез захвачен в плен. Это великое несчастье заставило лакедемонян отложить поход.

84. Сарды же были взяты первыми вот как(65). На четырнадцатый день осады Кир отправил всадников к своему войску и объявил, что щедро наградит первого взошедшего на стену города. После неудачного первого приступа, когда все остальные воины уже отступились, некий мэр по имени Гиреад сделал попытку подняться на стену в том единственном месте акрополя, которое не охранялось. С этой стороны нельзя было когда-нибудь опасаться штурма, так как здесь скала акрополя круто спускалась вниз и была совершенно неприступной. Только в одном этом месте древний царь Сард Мелес не обнес льва(66), которого ему родила наложница (хотя

тельмессцы предсказали ему, что Сарды будут неприступны, если льва обнесут вокруг стен). Мелес же приказал обнести льва вокруг остальной стены, где крепость была легко уязвимой для нападения. Это же место он оставил незащищенным, так как оно было неприступное и обрывистое [по природе]. Эта часть города обращена к Тмолу. Этот то мард Гиреад увидел накануне, как какой-то лидиец спустился здесь с акрополя за упавшим шлемом и поднял его наверх. Гиреад заметил это место и затем сам поднялся здесь на стену, а за ним и другие персы. После того как большой отряд воинов оказался на стене, Сарды были взяты и весь (нижний) город разрушен.

85. Самого Креза постигла вот какая участь: был у него еще сын, о котором я упоминал уже раньше, весьма одаренный юноша, но немой. Прежде, в счастливую пору своей жизни, Крез сделал все возможное для исцеления ребенка. Так, пытаясь помочь сыну, царь, между прочим, отправил послов в Дельфы вспросить оракул о сыне. Пифия дала ему вот какой ответ:

Многих народов властитель, о мидянин, Крез неразумный!

Не пожелай ты услышать вожделенного лепета сына

В доме твоем: лучше б навеки устам его быть неотверстым!

В оный ведь день, для тебя роковой, возгласит он впервые!

При взятии акрополя какой-то перс, не узнав Креза, бросился на царя и хотел уже умертвить его. Крез заметил нападающего, но тяжкое горе сделало его равнодушным к смерти. Когда же глухонемой сын увидел перса, устремившегося на отца, он вдруг обрел от страха и горя дар речи и произнес: “Человек, не убивай Креза!”. Это были первые слова, сказанные юношей, и затем уже до конца жизни он мог говорить.

86. Так-то персы овладели Сардами и самого Креза взяли в плен живым(67). Царствовал же Крез 14 лет, и 14 дней продолжалась осада (столицы), и, как предсказал оракул, он разрушил свою великую державу. Пленного Креза персы отвели к Киру. А Кир повелел сложить огромный костер и на него возвести Креза в оковах, а с ним “дважды семь сынов лидийских”(68). Быть может, Кир хотел принести их в жертву как победный дар некоему божеству или же исполнить данный обет. Быть может, наконец, так как Киру было известно благочестие Креза, Кир возвел лидийского царя на костер, желая узнать, не спасет ли его от сожжения заживо какое-нибудь божество. Так поступил Кир, (по словам лидийцев). А Крез, стоя на костре, все же в своем ужасном положении вспомнил вдохновенные божеством слова Солона о том, что никого при жизни нельзя считать счастливым. Когда Крезу пришла эта мысль, он глубоко вздохнул, застонал и затем после долгого молчания трижды произнес имя Солона. Кир услышал это и приказал переводчикам узнать у Креза, кого это он призывает, и те, подойдя, спросили его. Крез некоторое время хранил молчание, но затем, когда его заставили (говорить), сказал: “Я отдал бы все мои сокровища, лишь бы все владыки могли побеседовать с тем, кого я призываю”. Так как ответ Креза был непонятен, то переводчики опять стали настаивать, (чтобы пленник объяснил свои слова). Наконец, в ответ на настойчивые просьбы Крез рассказал о том, как однажды прибыл в его царство афинянин Солон. Он осмотрел все царские сокровища и презрел их. Крез передал затем Киру, как все сказанное Солоном сбылось. Солон ведь говорил это не столько о самом Крезе, сколько вообще о человеческой жизни, и именно о людях, которые сами себя почитают счастливыми. Так рассказывал Крез, а костер между тем загорелся и уже пылал. А Кир, услышав от переводчиков рассказ Креза, переменил свое решение. Царь подумал, что и сам он все-

таки только человек, а хочет другого человека, который до сих пор не менее его был обласкан счастьем, живым предать огню. К тому же, опасаясь возмездия и рассудив, что все в человеческой жизни непостоянно, Кир повелел как можно скорее потушить огонь и свести с костра Креза и тех, кто был с ним. Однако попытки потушить костер оказались тщетными.

87. И вот (так передают лидийцы), когда Крез заметил раскаяние Кира и увидел напрасные старания всех потушить пламя костра, он громко воззвал к Аполлону. Крез молил бога: если богу были угодны его (Креза) жертвоприношения, то пусть он придет на помощь и спасет от настоящей беды. Так Крез слезно молил, призывая Аполлона. И вот тотчас средь ясного неба и полного безветрия внезапно сгустились тучи и разразилась буря с сильным ливнем, которая и потушила костер(69). Тогда-то Кир понял, что Крез – человек, любезный богам и благочестивый. Он повелел Крезу сойти с костра и обратился к пленнику с такими словами: “Крез! Кто из людей убедил тебя идти войной на мою землю и стать мне врагом вместо друга?”. А Крез отвечал: “Я поступил так, царь, тебе во благо и на горе себе. Виновник же этого эллинский бог, который побудил меня к войне. Ведь нет (на свете) столь неразумного человека, который предпочитает войну миру. В мирное время сыновья погребают отцов, а на войне отцы – сыновей. Впрочем, такова, должно быть, воля богов”.

88. Так говорил Крез, а Кир повелел снять с него оковы, усадил рядом с собой, оказывая (пленнику) величайшую честь. При этом и сам Кир, и вся его свита смотрели на Креза с удивлением. Крез же, погруженный в раздумье, молчал. Затем он оглянулся и, увидев, как первы разоряют город, сказал: “Царь! Надо ли ныне поведать тебе мои думы или я должен молчать?”. Кир приказал пленнику смело

говорить, что хочет. Тогда Крез спросил царя: “Что делает здесь эта орда (воинов) с такой яростью?”. Кир отвечал: “Они грабят город и расхищают твои сокровища”. Крез же возразил на это: “Нет! Не мой город и не мои сокровища они грабят. Нет у меня большие ничего: они расхищают твое достояние”.

89. Слова Креза внушили Киру беспокойство. Царь приказал свите удалиться и обратился с вопросом к пленнику: “Какую опасность Крез видит для него, Кира, в происходящем?”. Крез отвечал: “Боги сделали меня твоим рабом, и я считаю долгом сказать тебе нечто такое, что другие не замечают. Персы, будучи по натуре непокорными, бедны. Если ты позволишь им грабить и овладеть великими сокровищами, то вот что из этого выйдет: кто из них больше всего награбит, тот (ты можешь ожидать этого) поднимет против тебя восстание. Если тебе угодно послушаться меня, то поступи так: поставь у всех ворот стражу по несколько твоих телохранителей; пусть они отнимают добычу у тех, кто ее выносит, говоря, что десятую часть следует посвятить Зевсу. Тогда они не только не возненавидят тебя за то, что ты силой отнимаешь у них добычу, но, признав справедливость твоих действий, даже добровольно отадут ее”.

90. Услышав это, Кир весьма обрадовался, так как совет показался ему превосходным. Осыпав Креза похвалами, царь приказал телохранителям исполнить совет и затем обратился к пленнику с такими словами: “Крез, ты умеешь говорить и действовать, как подобает царственному мужу. Проси у меня какой хочешь милости, и я тотчас же окажу тебе ее”. Крез отвечал: “Владыка! Ты окажешь мне величайшее благодеяние, позволив послать эллинскому богу, которого я чтил превыше всех других богов, вот эти оковы и спросить его: неужели у него в обычай обманывать своих друзей?”.

Кир спросил, в чем же Крез упрекает бога, обращаясь к нему (Киру) с такой просьбой. Тогда Крез снова рассказал все свои замыслы (о войне с персами) и ответ оракула, особенно упомянув о своих дарах богу. Затем поведал, как он по побуждению оракула пошел войной на персов. Рассказ свой Крез опять закончил просьбой позволить ему укорить божество. Кир же со смехом отвечал: "Я исполню, Крез, и эту твою просьбу, и все, о чем бы ты меня ни попросил". Услышав эти слова, Крез отправил лидийских послов в Дельфы с приказанием возложить его оковы на пороге святилища и спросить, не стыдно ли было богу побуждать Креза прорицаниями к войне с персами, чтобы сокрушить державу Кира, отчего и получились такие вот "победные дары", и показать при этом на оковы. Послы должны были вопросить (бога) об этом, а также и о том, в обычай ли у эллинских богов проявлять неблагодарность.

91. Прибыв в Дельфы, лидийцы выполнили поручение. А Пифия, как передают, дала им вот какой ответ: "Предопределенного Роком(70) не может избежать даже бог. Крез ведь искупил преступление предка в пятом колене. Этот предок, будучи телохранителем Гераклидов, соблазненный женским коварством, умертвил своего господина и завладел его (царским) саном, вовсе ему не подобающим. Локсий же хотел, чтобы падение Сард случилось по крайней мере не при жизни самого Креза, а при его потомках. Но бог не мог отвратить Рока. Впрочем, все, что позволили богини Судьбы(71), Аполлон сделал и offered услугу Крезу: бог ведь на три года отложил завоевание Сард; пусть Крез знает, что он попал в плен третя годами позднее времени, предопределенного (Судьбой). Во второй раз бог оказал Крезу помощь, когда тот горел (на костре). Так же и на данное ему предсказание Крез жалуется несправедливо. Ведь Локсий предсказал: если Крез пойдет войной на персов, то разрушит великое царство. Поэтому, если бы Крез желал принять правильное

решение, то должен был отправить послов вновь вопросить оракул: какое именно царство разумеет бог – его, Креза, или Кира. Но так как Крез не понял изречения оракула и вторично не спросил его, то пусть винит самого себя. И смысл последнего изречения Локсия о мule Крез также не понял. Ведь этим мулом и был именно Кир, так как происходил от двух разных народов – от матери, более знатной, чем отец. Мать его была мидянкой, дочерью мидийского царя Астиага, а отец – перс, подвластный мидянам, будучи ниже ее во всех отношениях, взял супругой свою госпожу". Таков был ответ Пифии лидийцам, а те отнесли его в Сарды и объявили Крезу. Тогда Крез, выслушав изречение оракула, понял, что это его собственная вина, а не (вины) бога.

92. Такова история владычества Креза и первого покорения Ионии. Есть в Элладе еще и много других (кроме упомянутых) посвятительных даров Креза. Так, в Фивах в Беотии находится золотой треножник, посвященный Крезом Аполлону Исмению; в Эфесе – известные золотые коровы и большинство колонн (в храме) от него же; в храме Пронии(72), что в Дельфах, – большой золотой щит. Эти дары сохранились еще и по сей день, другие же пропали. Что до посвятительных даров Креза в Бранхидах в Милемской области, то они, как я слышал, одинакового веса и похожи на те, что в Дельфах. Дары Креза в Дельфы и в храм Амфиарая были его личным достоянием и составляли лучшую долю его отеческих сокровищ. Остальные принадлежали к имуществу его врага, против которого Крез боролся еще до вступления на престол, так как тот ревностно помогал Пантелеймону захватить власть над лидийцами. Этому Пантелеймону также был сыном Алиатта и братом Креза, но не единогубранным. Крез ведь был сыном Алиатта от жены кариянки, а Пантелеймон – от ионянки. Когда Крез по воле отца стал царем, то приказал умертвить своего соперника, терзая его

на "чесальном гребне"(73). Имущество же его, которое Крез еще раньше обещал посвятить богам, Крез по воцарении принес в дар вышеуказанным образом в упомянутые храмы. О приношениях сказано достаточно.

93. Природными достопримечательностями, как другие страны, Лидия совсем не обладает, кроме, быть может, золотого песка, приносимого (течением) реки Тмола. Есть, правда, в Лидии одно сооружение, далеко превосходящее величиной все другие (помимо построек египтян и вавилонян). Это – могильный памятник Алиатта, отца Креза. Его основание состоит из огромных каменных плит, остальная же часть памятника – земляной курган(74). Рыночные торговцы, ремесленники и девушки, "занимающиеся своим ремеслом на дому", соорудили этот памятник. На верху памятника помещены каменные плиты числом пять, существующие и поныне, с высеченными на них надписями, (гласящими), какая часть работы выполнена каждым из этих разрядов людей. При измерении оказалось, что большая часть работы произведена девушками. Молодые девушки у лидийцев все занимаются развратом, зарабатывая себе приданое(75). Делают же они это, пока не выйдут замуж, причем сами же выбирают себе мужа. Объем кургана составляет 6 стадий и 2 илефра, диаметр же 13 илефров. К кургану примыкает большое озеро, которое, по словам лидийцев, никогда не высыхает. Называется оно Гигесовым. Таково это замечательное сооружение.

94. Нравы и обычаи лидийцев одинаковы с эллинскими, за исключением того, что лидийцы разрешают молодым девушкам заниматься развратом. Первыми из людей они, насколько мы знаем, стали чеканить и ввели в употребление золотую и серебряную монету и впервые занялись мелочной торговлей. Сами лидийцы утверждают,

что и игры, которые ныне в ходу у них и у эллинов, – их изобретение. Лидийцы изобрели эти игры именно в то самое время, как говорят, когда выселились в Тирсению(76). О себе они рассказывают так: при царе Атисе, сыне Манеса, во всей Лидии наступил сильный голод (от недорода хлеба). Сначала лидийцы терпеливо переносили нужду, а затем, когда голод начал все более и более усиливаться, они стали искать избавления, придумывая разные средства. Чтобы заглушить голод, они поступали так: один день все время занимались играми, чтобы не думать о пище, а на следующий день ели, прекращая игры. Так лидийцы жили 18 лет. Между тем бедствие не стихало, а еще даже усиливалось. Поэтому царь разделил весь народ на две части и повелел бросить жребий: кому оставаться и кому покинуть родину. Сам царь присоединился к оставшимся на родине, а во главе переселенцев поставил своего сына по имени Тирсен. Те же, кому выпал жребий уезжать из своей страны, отправились к морю в Смирну. Там они построили корабли, погрузили на них всю необходимую утварь и отплыли на поиски пропитания и [новой] родины. Миновав много стран, переселенцы прибыли в землю омбриков и построили там город, где и живут до сей поры. Они переименовались, назвав себя по имени сына своего царя (Тирсена), который вывел их за море, тирсенами. Лидийцы же на родине были порабощены персами.

95. Отныне речь у нас пойдет о Кире – кто был этот человек, разрушивший державу Креза, – и о том, как персы стали владыками Азии. Я буду описывать деяния Кира так, как передавали мне некоторые персы, желавшие не слишком восхвалять его, но рассказывать только правду. Я, впрочем, знаю, что о Кире и его деяниях существуют также и другие рассказы, а именно три. Ассирийское владычество над Верхней Азией продолжалось 520 лет(77). Первыми от ассирийцев отпали мидяне. В освободительной

борьбе они, мне думается, проявили доблесть и, свергнув рабство, обрели свободу. Примеру мидян последовали затем и прочие народности(78).

96. Едва, однако, все народности этого материка обрели независимость, как были снова порабощены. Произошло же это вот как. Жил в Мидии мудрый человек по имени Деиок(79), сын Фраорта. Этот то Деиок страстно желал стать царем и сумел выполнить это свое желание вот как: мидяне жили тогда по деревням, и Деиок в своем (родном) селении уже и раньше пользовался уважением, а теперь старался еще усерднее соблюдать справедливость, отправляя правосудие. И так он поступал в то время, когда во всей Мидии царило великое беззаконие, хотя и знал, что кривда правде – всегда враг. Видя такие его качества, односельчане выбрали его судьей. И именно потому то Деиок и был честным и праведным судьей, что стремился к царской власти. Этим он и заслужил у односельчан изрядную похвалу, и даже жители других селений (прежде ставшие жертвой несправедливости), просыпав, что Деиок – единственно праведный судья, с радостью приходили к нему для разбора своих тяжб, пока в конце концов не стали доверяться только ему одному.

97. Между тем (число) приходящих к Деиоку людей все увеличивалось, так как люди слышали, что он выносил справедливые приговоры. Тогда-то Деиок решил, что (теперь) все в его руках и отказался восседать (на судейском кресле), на котором он прежде судил народ. Он заявил, что вообще больше не будет творить суд, так как ему не выгодно, пренебрегая собственными делами, по целым дням разбирать чужие тяжбы. Между тем грабежи и беззакония в селениях пошли еще сильнее прежнего. Тогда мидяне собрались в одном месте для совещания о положении дел. При этом, как я думаю,

приверженцы Деиока говорили примерно вот как(80): “Не можем мы больше жить так, как (живем) ныне! Давайте изберем себе царя. Тогда в земле нашей воцарятся закон и порядок, и сами мы сможем вернуться к обычным делам, и беззаконие не заставит нас покинуть родину”. Такими речами в общем они убедили друг друга и решили избрать царя.

98. Когда затем начали совещаться, кого же выбрать царем, то все стали настоятельно восхвалять и предлагать Деиока, пока наконец единодушно не избрали его на царство. Тогда Деиок повелел построить дворец, подобающий его царскому достоинству, и дать ему телохранителей. Мидяне же повиновались и воздвигли на указанном им самим месте большой и непрступный дворец (замок) и позволили набирать телохранителей по всей Мидии. По воцарении Деиока заставил мидян построить один [новый] город и защищать его; остальные же города покинуть на произвол судьбы. Мидяне исполнили и это его повеление, и Деиок воздвиг большой укрепленный город – нынешние Акбатаны, в котором одна стена кольцом охватывала другую. Крепостные стены были построены так, что одно кольцо (стен) выдавалось над другим только на высоту бастиона. Местоположение города на холме благоприятствовало такому устройству (стен), однако местность была еще немного изменена искусственно. Всех колец стен было семь; внутри последнего кольца находятся царский дворец и сокровищница. Длина наибольшего кольца стен почти такая же, что и у кольцевой стены Афин. Бастионы первого кольца стен белые, второго – черные, третьего – желто красные, четвертого – темно синие, пятого – сандраракового цвета(81). Таким образом, бастионы всех этих пяти колец пестро окрашены. Что же до двух последних колец, то бастионы одного были посеребренные, а другого – позолоченные.

99. Такие-то стены воздвиг Деиок вокруг своего дворца. Прочему же народу он повелел поселиться около стен. По окончании строительства (дворца) Деиок первым делом ввел вот какой порядок (дворцового церемониала): никто не должен иметь непосредственного доступа к царю, но по всем делам сноситься с ним через слуг (вестников), лицезреть же самого царя (не дозволяется) никому. Кроме того, для всех без исключения считалось непристойным смеяться или плевать в присутствии царя. Таким величием Деиок окружил себя, чтобы оградиться от сверстников и друзей юности, происходивших из знатных семейств и не уступавших ему в доблести. Не видя его, они не будут завидовать или посягать на его жизнь, но, как он думал, будут считать его высшим существом.

100. Когда Деиок установил такие порядки и упрочил свою царскую власть, то строго соблюдал законность. Жалобы подавались царю в письменном виде. Он рассматривал их и отсыпал обратно. Так поступал он с жалобами; в других же случаях царь завел вот какой порядок. Сыща о каком-нибудь преступлении, Деиок призывал к себе виновников и наказывал по заслугам. По всей стране были у него соглядатаи и наушники.

101. Так-то Деиок объединил мидийский народ и царствовал над всей Мидией. Племена мидян следующие: бусы, паретакены, струхаты, аризанты, будии и маги. Вот сколько мидийских племен(82).

102. У Деиока был сын Фраорт. После 53 летнего царствования Деиок скончался, и царство унаследовал Фраорт. Получив власть, Фраорт не удовольствовался владычеством над мидянами, но пошел войной на персов. Персы первыми подверглись его нападению и первыми подчинились мидянам. Властвую над этими двумя и к тому же могущественными народами, Фраорт затем начал покорение Азии народ за народом. Наконец, он выступил в поход на ассирийцев

(именно на тех, что владели Нином и прежде были владыками всей Азии, а теперь после отпадения своих союзников остались одни; у себя дома, впрочем, они были еще довольно могущественны). В этом то походе пал и сам Фраорт после 22 летнего царствования, и погибла большая часть его войска.

103. После кончины Фраорта царство перешло к его сыну, внуку Дениока, Киаксару. Этот Киаксар, по рассказам, был еще гораздо воинственнее своих предшественников и первым разделил азиатское войско на (боевые) отряды по родам оружия и каждому отряду – копьеносцам, лучникам и всадникам – приказал действовать самостоятельно. До этого все (войско) было перемешано в беспорядке. Это был тот самый Киаксар, который сражался с лидийцами, когда во время битвы день внезапно стал ночью. Всю Азию по ту сторону Галиса он присоединил к своей державе. Со всеми подвластными народами Киаксар выступил против Нина, чтобы отомстить за отца и разрушить город. Тут то, когда он уже одолел ассирийцев и начал осаду Нина, в пределы его царства вторглись огромные полчища скифов(83) во главе с царем Мадиесом, сыном Протофиа. Скифы вытеснили киммерийцев из Европы и преследовали их в Азии, а теперь вторглись в Мидийскую землю.

104. От озера Меотиды до реки Фасиса и страны колхов 30 дней пути для пешехода налегке. А от Колхиды до Мидии – не дальше, только между этими странами живет одна народность – саспирь. Минуя их, можно попасть в Мидию. Скифы во всяком случае вступили в Мидию не этим путем, но, свернув с прямой дороги, пошли верхним путем, гораздо более длинным, оставляя при этом Кавказские горы справа. Здесь то и произошла битва мидян со скифами. Мидяне потерпели поражение, и их могущество было сломлено. Скифы же распространили свое владычество по всей Азии.

105. Затем скифы пошли на Египет. На пути туда в Сирии Палестинской скифов встретил Псамметих, египетский царь, с дарами и просьбами склонил завоевателей не идти дальше. Возвращаясь назад, скифы прибыли в сирийский город Аскалон. Большая часть скифского войска прошла мимо, не причинив городу вреда, и только несколько отсталых воинов разграбили святилище Афродиты Урании(84). Как я узнал из расспросов, это святилище – самое древнее из всех храмов этой богини. Ведь святилище на Кипре основано выходцами оттуда, как утверждают сами кипriotы, а храм в Кифере воздвигли финикияне, жители Сирии Палестинской. Грабителей святилища в Аскалоне и всех их потомков богиня наказала, поразив их навеки “женским” недугом. И не только сами скифы утверждают такое происхождение их болезни, но и все посещающие Скифию могут видеть страдания так называемых энареев(85).

106. 28 лет владычествовали скифы в Азии и своей наглостью и бесчинством привели все там в полное рассстройство. Ведь, помимо того, что они собирали с каждого народа установленную дань, скифы еще разъезжали по стране и грабили все, что попадалось. Тогда Киаксар и мидяне пригласили однажды множество скифов в гости, напоили их допьяна и перебили. Так мидяне восстановили прежнее величие своей державы и еще завоевали Нин (как они завладели городом, я расскажу в другой части моего труда)(86) и покорили ассирийцев(87), за исключением Вавилонской области. После этого скончался Киаксар. Царствовал он 40 лет (считая и годы скифского владычества).

107. Наследовал ему сын Астиаг. У Астиага родилась дочь, которую звали Манданой. Астиагу приснился сон, что дочь его испустила столь огромное количество мочи, что затопила его столицу и всю

Азию. Царь Вопросил снотолкователей магов (о смысле) сновидения. Когда маги точно разъяснили ему (значение) сна, царь понял и устрашился. Затем, когда пришла пора Мандане выходить замуж, Астиаг не хотел отдавать ее в жены ни одному мидянину равного происхождения. В страхе от сновидения царь выдал дочь замуж за перса по имени Камбис, выбрав его из-за знатного происхождения и спокойного нрава, хотя и считал его (по знатности) гораздо ниже среднего мидянина.

108. Как раз в первый же год после женитьбы Камбиса на Мандане Астиаг опять увидел сон: ему приснилось на этом раз, что из чрева его дочери выросла виноградная лоза и эта лоза разрослась затем по всей Азии. Об этом видении царь опять сообщил снотолкователям и затем повелел послать в Персию за своей дочерью, вскоре ожидавшей ребенка. По прибытии дочери Астиаг приказал держать ее под стражей и хотел погубить новорожденного младенца(88).

Снотолкователи маги объяснили ему сон так: сын его дочери будет царем вместо него. Желая избежать этого, Астиаг призвал после рождения (младенца) Кира Гарнага, своего родственника, самого преданного человека среди мидян, управителя в его царстве, и обратился к нему с такими словами: "Гарнаг! Я даю тебе важное поручение. Выполнни его тщательно. Но не обманывай меня, предпочитая интересы других моим, чтобы не погибнуть потом по своей вине. Возьми младенца, которого родила Мандана, принеси в свой дом и умертви. Потом похорони его как тебе угодно". Гарнаг же отвечал: "Царь! Никогда и прежде у тебя не было повода быть недовольным мною, и впредь я буду остерегаться в чем-нибудь провиниться перед тобой. Если такова твоя воля, то мой долг усердно ее выполнить".

109. Так ответил Гарнаг. Когда же ему передали младенца, уже обряженного в погребальную одежду, он с плачем вернулся домой. Там он передал жене все слова Астиага. Жена спросила: "Что же ты теперь будешь делать?". Гарнаг отвечал: "Я, конечно, не собираюсь выполнять приказания Астиага, и даже если царь будет еще более безрассуден и ослеплен безумием, чем теперь, то я все-таки не исполню его поручения и не буду соучастником столь ужасного убийства. По разным причинам я не хочу губить ребенка. Прежде всего потому, что младенец мне родственник, затем – Астиаг уже старик и нет у него мужского потомства. Если после кончины царя престол перейдет к его дочери, сына которой он теперь приказывает мне умертвить, то разве нам не грозит смертельная опасность? Впрочем, безопасности ради надо умертвить этого младенца, но убить его должен кто-нибудь из людей Астиага, но не мои люди".

110. Так сказал Гарнаг и тотчас же послал вестника к одному пастуху волопасу Астиага, который, как он знал, пас коров на горных пастбищах, где много диких зверей. Звали пастуха Митрадат. Жил он там с женой, которая также была рабыней Астиага. Имя ее на эллинском языке было Кино, а по-мидийски Спако ("собака" по-мидийски спако). Пастбища же, где пас свои стада этот пастух, находились у подножья горы к северу от Акбатан по направлению к Евксинскому Понту. Только в одном месте, именно поблизости от земли саспиров, Мидийская земля покрыта высокими горами и густым лесом, вся же остальная Мидия – плоская равнина. Когда пастух поспешил прибыл на зов, Гарнаг сказал ему вот что: "Астиаг приказал тебе взять этого младенца и оставить в самом диком месте в горах, чтобы он там как можно скорее погиб. При этом царь велел сказать тебе еще вот что: «Если ты не умертишь ребенка, а как-нибудь его спасешь, то тебя

ожидает самая лютая казнь». Смотреть же за тем, что младенец, действительно подкинут, поручено мне”.

111. Выслушав приказ, пастух взял на руки ребенка и тем же путем вернулся в свою хижину. В это время жена его, со дня на день ожидавшая разрешения от бремени, по воле случая родила как раз тогда, когда муж ушел в город. Оба тревожились друг за друга: муж страшился (исхода) родов жены, а жена беспокоилась (о том), зачем это Гарнаг послал за ее мужем (чего никогда раньше не бывало). Когда же муж, возвратившись, подошел к ней, то первый вопрос жены, неожиданно увидевшей его, был: зачем так поспешно вызывал его к себе Гарнаг? А муж отвечал: “Жена! Придя в город, я увидел и услышал то, что мне не следовало бы видеть и чего не должно было никогда случиться у наших господ. Весь дом Гарнага оглашался рыданиями. В испуге я все же вошел в дом. А лишь только я вступил туда, как увидел младенца, трепещущего и кричащего. На ребенке были золотые украшения, и одет он был в расшитое разноцветными узорами одеяние. Завидев меня, Гарнаг велел тотчас же взять с собой ребенка и оставить в горах, где полно диких зверей. Гарнаг добавил, что таково повеление Астиага, присовокупив страшные угрозы, если я не выполню царского приказа. Я взял ребенка на руки и понес, думая, что это дитя кого-нибудь из слуг. Ведь я никогда бы не догадался, чей это ребенок на самом деле. Я дивился только золотым украшениям и роскошной одежде младенца. Да и громкий плач и стенания в доме Гарнага поразили меня. Впрочем, по дороге я тотчас же узнал всю правду от слуги, который провожал меня из города и передал младенца. Слуга рассказал мне, что это дитя Манданы, дочери Астиага, и ее супруга Камбиса, сына Кира, и что Астиаг приказал убить младенца. Смотри, вот он!”.

112. С этими словами пастух распеленал младенца и показал жене. А жена, лишь только увидела, какой это рослый и миловидный ребенок, в слезах бросилась к ногам мужа, заклиная его никоим образом не оставлять младенца. Муж, однако, ответил, что не может поступить иначе: ведь придут соглядатаи Гарнага проверить и за ослушание царского приказа его предадут мучительной смерти. Не убедив мужа, жена на худой конец решила снова обратиться к нему с такими словами: "Я не могу уговорить тебя не оставлять ребенка, но уж если людям обязательно нужно видеть, что ребенок брошен, то сделай вот так: я ведь также родила, но мертвого ребенка. Его то ты возьми и выставь на съедение диким зверям, а младенца дочери Астиага давай воспитаем, как нашего родного сына. Таким образом, и тебя не уличат в ослушании, и нам от этого будет неплохо. Ведь наше умершее дитя будет погребено по-царски, а живое останется в живых".

113. Пастух решил, что жена в данном случае совершенно права и тотчас последовал ее совету. Осужденного на смерть младенца, которого принес с собою, он отдал жене, а своего собственного мертвого ребенка положил в корзину, в которой нес царского младенца. Затем, обрядив мертвого в одежды царского младенца, пастух отнес его в самое уединенное место в горах и там оставил. Спустя три дня пастух отправился в город, оставив на месте сторожить одного из своих подпасков. Придя в дом Гарнага, он сказал, что может показать труп ребенка. А Гарнаг послал туда осмотреть труп младенца своих самых верных телохранителей и затем велел похоронить дитя пастуха. Его то и похоронили, а другого ребенка, впоследствии названного Киром, взяла на воспитание жена пастуха и дала ему какое-то другое имя, а не Кир.

114. Когда мальчику исполнилось десять лет, то его истинное происхождение обнаружилось вот как. Ребенок играл как раз в том селении, где стояли в своих хлевах быки. Играли же он с другими сверстниками на дороге. И мальчики во время игры выбрали царем этого мнимого сына Волопаса. А он назначил одних строить дома, других быть телохранителями. Одному мальчику велел быть "оком царя" (89), другому приказал сообщать царю новости: каждому он поручил особую должность. Один из ребят – участников игры (сын знатного мидянина Артембара) не выполнил приказания. Тогда Кир велел другим схватить его. Дети повиновались, и Кир обошелся с виновным весьма сурово, наказав плетьью. Лишь только виновного отпустили, он в сильном негодовании за недостойное, как ему казалось, с ним обращение прибежал в город к своему отцу с жалобой на побои, нанесенные Киром (конечно, не называя его Киром, так как ведь тогда он еще не носил этого имени, а "сыном Астиагова Волопаса"). Раздраженный Артембар пришел к Астиагу жаловаться на неслыханное обращение с его сыном. "Царь, – сказал он, – вот как с ним жестоко поступил твой раб, сын Волопаса!". И при этом он показал плечи своего сына (со следами побоев).

115. Астиаг, услышав это и увидев (следы побоев), приказал послать за Волопасом и его сыном (из уважения к Артембару царь хотел дать удовлетворение его сыну). Когда оба они пришли, Астиаг, посмотрев на Кира, сказал: "Так это ты, сын столь ничтожного человека, осмелился так страшно оскорбить сына высокоуважаемого Артембара?". Мальчик же ответил так: "Господин! Я поступил с ним так, по справедливости. Ведь ребята из нашей деревни (а среди них был и этот мальчик) во время игры поставили меня над ними царем; они решили, что я больше всех достоин такого звания. Прочие мальчики подчинялись мне, а этот был непослушным и не

обращал внимания (на приказы), пока за это его не наказали. Если за это я заслуживаю наказания, то вот я в твоей власти!".

116. После этих слов Астиаг тотчас же узнал мальчика. Чертые лица ребенка казались похожими на его собственные, и ответ был слишком гордым и откровенным для (сына) раба. Да и время, когда был выброшен (на съедение диким зверям) его внук, по-видимому, совпадало с возрастом мальчика. От ужаса Астиаг некоторое время оставался безмолвным. Едва прия наконец в себя, царь объявил, что желает допросить пастуха с глазу на глаз и для этого отоспал Артембара. "Артембар, — сказал он, — я постараюсь дать тебе и твоему сыну полное удовлетворение". Так царь отпустил Артембара, а Кира по его приказанию слуги ввели во внутренние покои дворца. Оставшись наедине с пастухом, Астиаг спросил, откуда у него мальчик и кто его передал ему. Пастух сказал, что это его ребенок, мать которого еще и теперь живет при нем. Астиаг отвечал пастуху, что было бы неразумно ему подвергаться страшным пыткам, и тотчас же подал знак телохранителям схватить пастуха. Под пыткой пастуху пришлось сознаться во всем. Он сначала правдиво рассказал, как это произошло, и закончил мольбами о милости и прощении.

117. После признания пастуха Астиаг перестал обращать на него внимание, но, перенеся теперь свой яростный гнев на Гарнага, велел телохранителям призвать его. Когда Гарнаг предстал перед ним, царь сказал: "Гарнаг! Как ты тогда умертвил младенца — сына моей дочери, которого я тебе передал?". Гарнаг же заметил, что пастух находится во дворце, и (потому) не пошел на ложь (из страха) быть уличенным, но сказал вот что: "Царь! Когда я взял младенца, я начал обдумывать, как исполнить твою волю, оставаясь перед тобой невиновным, и не стать убийцей в глазах твоей дочери и

перед тобой самим. Поэтому я поступил так: я призвал сюда этого пастуха и отдал ему ребенка, сказав, что ты велел его умертвить. И эти мои слова, конечно, были чистой правдой. Ведь таково было твое повеление. При этом я отдал младенца с приказанием оставить его на пустынной горе и сторожить там, пока дитя не умрет. Я грозил пастуху страшными карами за ослушание. Пастух повиновался; а когда ребенок умер, я послал самых преданных мне слуг евнухов проверить (исполнение приказа) и затем похоронил его с их помощью. Таковы, царь, обстоятельства этого дела и такой смертью умер младенец”.

118. Так-то Гарнаг пошел на откровенное признание. Астиаг же, затаив свой гнев, сообщил ему сначала все, что узнал от пастуха, и в заключение добавил, что ребенок остался жив и что сам же он рад, что все обошлось благополучно. “Я очень страдал, — сказал, между прочим, царь, — из-за того, что причинил этому мальчику, и мне было нелегко выносить ненависть (ко мне) собственной дочери. А теперь, так как все сложилось к лучшему, пришли твоего сына (поиграть) к нашему «новопришедшему»⁽⁹⁰⁾ внуку. Сам же ты приходи ко мне на пир, так как я хочу принести за спасение ребенка благодарственную жертву богам, которым подобает эта честь”.

119. Услышав эти слова, Гарнаг пал к ногам царя. Он был на верху блаженства оттого, что, несмотря на его провинность, все обошлось так благополучно и ради такого радостного события он даже приглашен на пир. Затем Гарнаг поспешил домой и тотчас же послал во дворец к Астиагу сына (его единственному сыну было что-то около 13 лет от роду) и велел ему исполнить все приказания царя. Сам же он с великой радостью рассказал жене обо всем происшедшем. Между тем, лишь только сын Гарнага пришел (во дворец) к Астиагу, тот велел умертвить мальчика и рассечь

(труп) на куски. Часть мяса царь приказал поджарить, а часть сварить, и это хорошо приготовленное блюдо держать наготове. Когда же наступило время пира, среди других приглашенных явился и Гарнаг. Прочим гостям и самому Астиагу были поставлены столы с бараниной, Гарнагу же подали мясо его собственного сына (все остальные куски, кроме головы и конечностей – рук и ног. Эти части лежали отдельно в закрытой корзине). Когда Гарнаг, по-видимому, насытился, Астиаг спросил, понравилось ли ему это кушанье. Гарнаг отвечал, что получил от него большое удовольствие. Тогда слуги, на которых было возложено это поручение, принесли закрытую корзину с головой, руками и ногами мальчика и приказали Гарнагу открыть (ее) и взять оттуда все, что пожелает. Гарнаг повиновался и, открыв корзину, увидел останки своего сына. Такое зрелище, однако, не смущило Гарнага, и он не потерял самообладания. Тогда Астиаг спросил, знает ли он, какой дичи он отведал. Гарнаг отвечал, что знает и что все, что ни сделает царь, ему (должно быть) мило. С такими словами он собрал остальные куски мяса и отправился домой. Быть может, он хотел собрать останки сына и предать их земле.

120. Так-то Астиаг наказал Гарнага. Затем царь призвал на совет об участии Кира тех же самых магов, которые прежде истолковали ему сновидение. Маги явились, и Астиаг вновь спросил их о значении сна. Они же повторили сказанное ими в первый раз: если бы мальчик преждевременно не умер, а остался в живых, то безусловно стал бы царем. Астиаг же возразил им: “Мальчик не умер, он жив. Когда он жил в деревне, то деревенские ребята выбрали его царем. При этом он вел себя совершенно так, как настоящие цари, окружив себя телохранителями, привратниками, вестниками и прочими служами, как и подобает царю. Что же это предвещает, по вашему мнению?”. Маги отвечали: “Если мальчик жив и даже стал царем вовсе без

умысла (так что никто и не подозревал этого), то не страшись и не беспокойся: ведь во второй раз он уже не будет царем. Даже некоторые прорицания оракулов (иногда) сводятся к пустякам и всевозможные сны подчас вовсе не имеют значения". Астиаг же отвечал так: "Я, маги, такого же мнения: раз мальчик (однажды) уже (хотя и по имени только) был царем, то сновидение сбылось и мне уже больше нечего опасаться. Но все же прошу вас хорошо обдумать и посоветовать мне, что следует делать для безопасности моего дома и вашей". На это маги ответили так: "Царь! И для нас ведь весьма важно, чтобы престол остался за тобой. Если же он перейдет к этому персидскому мальчику, то попадем в чужие руки, и мы, мидяне, станем рабами, а персы будут нас презирать, как чужеземцев. Но пока царем остаешься ты, наш единоплеменник, и мы также участвуем в правлении и в великом почете у тебя. Поэтому то у нас все основания стоять за тебя и за твою власть. И если бы мы предвидели грозящую тебе опасность, то все бы откровенно высказали. Но так как сновидение оказалось пустяковым, то мы теперь и сами ничего не страшимся и тебе советуем оставить страхи. Убери этого мальчика с глаз долой и отправь к родителям в Персию".

121. Услышав такой совет магов, обрадованный Астиаг призвал Кира и сказал ему вот что: "Дитя! Я обидел тебя из-за (ложного сновидения), которое не исполнилось, но велением Рока ты остался жив. Теперь здравым отправляйся в Персию, а я дам тебе провожатых. Там ты найдешь отца и мать – не таких, как волопас Митрадат и его жена".

122. С этими словами Астиаг отпустил Кира. А когда Кир возвратился в дом Камбиса, родители приняли его и, узнав, (откуда и кто он),сыпали поцелуями (они ведь думали, что он тогда сразу

же был умерщвлен). Затем они стали расспрашивать сына, каким образом он остался в живых. А он рассказал им, что прежде ничего не знал (о своем происхождении) и даже имел о нем ложные представления. Только по дороге сюда он узнал всю свою горькую участь: сам же он считал себя сыном Астиагова пастуха, но в пути спутники рассказали ему все; воспитала его, по его словам, жена пастуха. Рассказывая свою историю, Кир непрестанно восхвалял ее: он только и говорил, что о Кино. Родители же подхватили это имя и, для того чтобы спасение сына казалось персам еще более чудесным, распространяли слух, что подброшенного Кира вскоромила собака(91). От этой то Кино и пошло это сказание.

123. Между тем Кир возмужал и сделался самым доблестным среди своих сверстников. Все любили его. И Гарнаг, который горел желанием отомстить Астиагу, также старался войти в доверие к Киру. Он посыпал Киру подарки за подарками, подстрекая к мщению. Гарнаг понимал, что один он, будучи простым гражданином, не может отомстить Астиагу. Поэтому, видя, что Кир уже подрастает, Гарнаг выбрал юношу в союзники, так как Кир ведь претерпел одинаковые с ним несчастья. Сперва Гарнаг поступил так: он завязал отношения со всеми знатными мидянами, побуждая их свергнуть царя (Астиаг ведь был суровым владыкой мидян) и поставить царем Кира. Когда Гарнагу удалось склонить (знать) на свою сторону и все было готово, он решил сообщить свой замысел Киру. Кир же находился в Персии, и так как все дороги охранялись, а иным путем нельзя было передать весть, то Гарнаг придумал вот какую хитрость. Он искусно приготовил зайца, а именно распорол ему живот, не повредив шкуры, и затем вложил туда грамоту, в которой объяснил свой замысел. Потом он снова зашил живот зайца и послал зверя в Персию с одним из самых преданных слуг, дав ему охотничью сеть, как охотнику. На словах же

он велел передать, чтобы Кир вскрыл живот зайца собственноручно и без свидетелей.

124. Слуга выполнил это приказание Гарнага, и Кир, получив зайца, распорол ему живот. Там Кир нашел послание, взял его и начал читать. А в послании говорилось так: “Сын Камбиса! Боги хранят тебя. Иначе ведь они не уготовали бы тебе такой счастливой доли. Отомсти же Астиагу, твоему убийце! Ведь его то умыслом ты был предан смерти и только по воле богов и благодаря мне остался жив. О своих собственных несчастьях ты, я думаю, конечно, уже давно узнал, и не только о том, что Астиаг причинил тебе, но также и мне за то, что я не умертвил тебя, а отдал пастуху. Теперь же, если ты только меня послушаешь, вся Астиагова держава будет твоей. Убеди персов восстать и выступай в поход на мидян. И если Астиаг в войне против тебя поставит меня военачальником или другого кого-нибудь из знатных мидян, то ты достигнешь желанной цели. Ведь они первыми перейдут на твою сторону и будут стараться низложить Астиага. Итак, здесь все готово, и поэтому послушайся моего совета и действуй поспешно”.

125. Прочтя вслух это послание, Кир стал обдумывать способ, как бы похитрее склонить персов к измене Астиагу. Обдумывая же, он решил, что лучше всего сделать так: записав то, что он задумал, в послании, он созвал народное собрание персов. Затем он раскрыл послание, прочитал его, объявив персам, что Астиаг назначил его военачальником. В своей речи Кир, между прочим, сказал: “Теперь, персы, я призываю всем вам явиться, вооружившись серпом”. Так приказывал Кир. Племен персидских много. Кир собрал часть из них и убедил отложитьсь от мидян. Вот эти племена, от которых зависят все остальные: персы, пасаргады, марафии, маспии. Из них самые благородные – пасаргады, к которым принадлежит также род

Ахеменидов (откуда произошли персидские цари). Другие персидские племена – это панфиалии, дерусиес, германии. Все упомянутые племена занимаются земледелием, прочие же – даи, марды, дропики – кочевники(92).

126. Когда все они явились с упомянутым серпом, то Кир приказал за день расчистить определенный участок земли (известная часть Персидской земли площадью приблизительно 18 или 20 стадий была покрыта колючим кустарником). По окончании этой тяжелой работы Кир приказал на следующий день явиться снова, предварительно вымывшись. Между тем Кир велел собрать в одно место всех коз, овец и коров своего отца, заколоть их и приготовить угощение для персидского войска. Кроме того, он заготовил большое количество вина и хлеба. На следующий день, когда персы явились, Кир предложил им, расположившись на лугу, угощаться. После пиршества Кир спросил персов: какой день им больше понравился – вчерашний или сегодняшний. “Между этими днями есть, конечно, большое различие, – отвечали они, – ведь вчерашний день принес нам только невзгоды, а сегодня – все прекрасно”. Подхватив эти слова, Кир открыл персам все свои замыслы и сказал: “Персидские воины! Дело обстоит вот как: если вы пожелаете следовать за мною, то у вас будут и эти блага, и еще в тысячу раз большие. Если же не захотите, то вас ожидает бесконечный подобный вчерашнему тяжкий труд. Поэтому следуйте за мною и обретете свободу. Я рожден, как я верю, по воле богов взять на себя дело вашей свободы. Я думаю, что вы ничуть не уступаете мидянам во всем прочем и в особенности как воины. Поэтому вам следует как можно скорее отложитьсь от Астиага”.

127. Отныне персы обрели вождя и были рады избавлению от мидийского ига. Уже давно ведь мидийское владычество было им

ненавистно. Астиаг же, когда узнал о таких приготовлениях Кира, отправил к нему вестника с приказанием явиться к себе. А Кир велел вестнику объяснить царю, что прибудет к нему раньше, чем тому будет угодно. Услышав такой ответ, Астиаг призвал весь мидийский народ к оружию и назначил военачальником Гарнага (бог ведь помрачил ум царя, и он предал забвению все, что сам причинил Гарнагу). Когда мидяне выступили в поход и начали битву с персами, то сражалась лишь одна часть войска, не причастная к заговору, другая добровольно перешла на сторону персов, большинство же воинов, изменив своему долгу, трусливо обратилось в бегство.

128. Так-то мидийское войско позорно рассеялось. Астиаг же, узнав о поражении, грозно воскликнул: «Все равно! Несдобровать же Киру!». Затем царь велел сначала посадить на кол сномолкователей магов, которые убедили его пощадить Кира, а потом велел, чтобы все оставшиеся в городе мидяне – стар и млад – взялись за оружие. С этим войском Астиаг сам выступил против персов, но в битве потерпел поражение. Сам царь был при этом взят в плен, а мидийское войско уничтожено(93).

129. Тогда Гарнаг подошел к пленному Астиагу и стал злорадно издеваться над несчастным. Обращаясь к пленнику с язвительными словами, между прочим, спросил его: что такое для него потеря владычества по сравнению с тем пиром, когда он, Астиаг, предложил на угощение ему, Гарнагу, мясо его же сына. За это то злодеяние он, Астиаг, и стал теперь из царя рабом. Астиаг же посмотрел на Гарнага и в свою очередь заметил: не приписывает ли Гарнаг себе деяние Кира. А Гарнаг возразил, что он сам написал Киру об этом, побуждая его к восстанию, и потому по справедливости – это его заслуга. Тогда Астиаг стал приводить доводы в доказательство того, что Гарнаг глупейший и самый

негодный человек на свете. Самый глупый – потому что возложил царский венец на другого, хотя мог бы сам стать царем (если, действительно, как он уверяет, переворот – дело его рук). Самый же негодный оттого, что “из-за своего пренебрежения” он сделал мидян рабами. Если уж непременно нужно было кого-нибудь другого облечь царской властью вместо него, Астиага, то справедливее было бы по крайней мере предоставить эту честь мидянину, а не персу. Отныне же ни в чем не повинные мидяне стали из господ рабами, а персы – прежние рабы – теперь владыки.

130. Итак, Астиаг после 35 летнего царствования лишился власти. Из-за его жестокости мидянам пришлось подчиниться персам. Владычество же мидян над Азией по ту сторону Галиса продолжалось 128 лет, исключая время господства скифов(94). Впоследствии мидяне раскаялись в том, что покорились персам и подняли восстание против Дария. Однако они потерпели поражение в битве и вынуждены были вновь подчиниться. Персы же, отложившись при Астиаге от мидян, под предводительством Кира с тех пор владычествовали над Азией. Кир между тем не причинил Астиагу никакого зла, но держал при себе до самой его кончины. Такова история рождения, детства и Восшествия Кира на престол. Затем Кир победил также и Креза, который, как я уже сказал, первым напал на него. Так-то после победы над Крезом Кир стал владыкой Азии.

131. Что до обычаем персов, то я могу сообщить о них вот что. Воздвигать статуи, храмы и алтари богам у персов не принято. Тех же, кто это делает, они считают глупцами, потому, мне думается, что все не считают богов человекоподобными существами, как это делают эллины. Так, Зевсу(95) они обычно приносят жертвы на вершинах гор и весь небесный свод называют

Зевсом(96). Совершают они жертвоприношения также солнцу, луне, огню, воде и ветрам(97). Первоначально они приносили жертвы только этим одним божествам, затем от ассирийцев и арабов персы научились почитать Уранию (ассирийцы называют Афродиту Милиттой, арабы – Алилат, а персы – Митра)(98).

132. Этим же богам персы совершают жертвоприношения вот как. Персы не воздвигают алтарей и не возжигают огня(99). Нет у них ни возлияний, ни игры на флейте, как нет и венков, и жертвенног ячменя. Если кто-нибудь пожелает принести жертву указанным богам, то приводит жертвенное животное в “неоскверненное” место и призывают бога, причем чаще всего украшает свою тиару(100) миртовыми ветвями. Приносящему жертву не дозволяется просить о даровании благ только себе одному: он молится за всех персов и за царя, так как и сам принадлежит к персам. Затем он разрезает жертву на части и варит мясо, а потом подстилают самую свежую траву (чаще всего – трилистник) и кладут на нее мясо. Тогда подходит маг с песнопением “теогонии”(101), как они называют это заклинание. Ведь без мага совершать жертвоприношение у них не положено. Через некоторое время приносящий жертву уносит мясо домой и поступает с ним, как ему вздумается.

133. Самым большим праздником у персов признается день рождения каждого человека. В этот день они считают нужным устраивать более обильное, чем в другие дни, угощение. Люди богатые тогда подают на стол целиком зажаренного в печи быка(102), коня, верблюда или даже осла, а бедные выставляют лишь голову мелкого рогатого скота. Обеденных яств у них немного, зато в изобилии подаются десертные блюда одно за другим. Поэтому персы утверждают, что эллины встают из-за стола голодными, так как

у них после обеда не подают ни одного стоящего блюда. Если бы у эллинов подавался десерт, то они бы ели не переставая. Персы – большие любители вина. В присутствии других людей у них не принято извергать пищу и мочиться. Эти обычай персы строго соблюдают. За вином они обычно обсуждают самые важные дела. Решение, принятное на таком совещании, на следующий день хозяин дома, где они находятся, еще раз предлагает на утверждение гостям уже в трезвом виде. Если они и трезвыми одобряют это решение, то выполняют. И наоборот: решение, принятное трезвыми, они еще раз обсуждают во хмелью(103).

134. При встрече двух персов на улице по их приветствию легко можно распознать, одинакового ли они общественного положения: ведь в таком случае вместо приветствия они целуют друг друга в уста. Если один лишь немного ниже другого по положению, то целуются в щеки. Если же один гораздо ниже другого, то низший кланяется высшему, падая перед ним на лицо. Наибольшим почетом у персов пользуются (разумеется, после самих себя) ближайшие соседи, затем – более отдаленные, а потом уважением пользуются в зависимости от отдаленности. Менее же всего в почете у персов народы, наиболее от них отдаленные. Сами они, по их собственному мнению, во всех отношениях далеко превосходят всех людей на свете, остальные же люди, как они считают, обладают доблестью в зависимости от отдаленности: людей, живущих далее всего от них, они считают самыми негодными. Во время владычества мидян один народ также господствовал над другим, а мидяне – над всеми, а также и над своими ближайшими соседями; эти же последние – опять над своими соседями и т. д. Так же и персы ныне оценивают народы. Ведь этот народ постепенно распространял свое влияние сначала непосредственно, а затем с помощью других народов.

135. Персы большие всех склонны к заимствованию чужеземных обычаев. Они носят ведь даже мидийскую одежду, считая ее красивее своей, а на войну надевают египетские доспехи. Персы предаются всевозможным наслаждениям и удовольствиям по мере знакомства с ними. Так, они заимствовали от эллинов любовное общение с мальчиками. У каждого перса много законных жен, а, кроме того, еще большие наложницы.

136. Главная доблесть персов – мужество. После военной доблести большой заслугой считается иметь как можно больше сыновей. Тому, у кого большие всех сыновей, царь каждый год посыпает подарки. Ведь главное значение они придают численности. Детей с пяты до двадцатилетнего возраста они обучают только трем вещам: верховой езде, стрельбе из лука и правдивости. До 5 летнего возраста ребенка не показывают отцу: он среди женщин. Это делается для того, чтобы в случае смерти ребенка в младенческом возрасте не доставлять отцу огорчения(104).

137. Я одобряю этот обычай, хвалю также и том, что у них даже и сам царь не имеет права казнить человека за один определенный проступок, да и вообще никто из персов не может казнить своих слуг за единичное преступление. Только если по зреому размышлению он найдет, что слуга совершил большие важных преступлений, чем оказал услуг, тогда господин может излить свой гнев на него(105). По утверждению персов, у них не было случаев убийства родного отца или матери. В каждом подобном случае, по их словам, при ближайшем рассмотрении оказывается, что это дело или незаконнорожденных детей или подкидышей: ведь совершиенно противоречественно, чтобы настоящего отца, говорят они, убил собственный сын.

138. О том, что им запрещено делать, персы даже и не говорят. Нет для них ничего более позорного, как лгать, а затем делать долги. Последнее – по многим другим причинам, а особенно потому, что должник, по их мнению, неизбежно должен лгать. Кто из горожан страдает проказой или белыми лишаями, тот не входит в город и не вступает в сношения с другими персами. Эти недуги персы приписывают какому-нибудь греху человека по отношению к Солнцу. Всякого чужеземца, страдающего этими недугами, они изгоняют из своей страны. По этой же причине многие убивают также белых голубей(106). В реку персы не мочатся и не плюют; рук они и сами не моют в реке и никому другому не позволяют этого делать. К рекам вообще персы относятся с глубоким благоговением.

139. Вот еще с какой своеобразной особенностью приходится встречаться у персов, которой сами они не замечают, а для нас она, разумеется, ясна. Собственные имена их, по значению соответствующие их телесной силе и величию, все оканчиваются на одну и ту же букву, которую дорийцы называют сан, а ионяне – сигма. На эту же букву оканчиваются не только некоторые их имена, а решительно все(107), как это можно обнаружить при ближайшем рассмотрении.

140. Эти известия о персах я могу сообщить как безусловно достоверные. Напротив, сведения о погребальных обрядах и обычаях персы передают как тайну. Лишь глухо сообщается, что труп перса предают погребению только после того, как его растерзают хищные птицы или собаки. Впрочем, я достоверно знаю, что маги соблюдают этот обычай. Они ведь делают это совершенно открыто. Во всяком случае персы предают земле(108) тело покойника, покрытое воском(109). Маги(110) в значительной

степени отличаются (одним своим обычаем) как от остальных людей, так особенно от египетских жрецов. Последние полагают свою обрядовую чистоту в том, что не убивают ни одного живого существа, кроме жертвенных животных. Маги же собственоручно убивают всех животных, кроме собаки и человека. Они даже считают великой заслугой, что уничтожают муравьев, змей и (вредных) пресмыкающихся и летающих животных. Впрочем, пусть этот обычай существует, как он был искони, я же возвращусь к своему прежнему рассказу.

141. Тотчас после завоевания Мидии персами ионяне и эолийцы отправили вестников в Сарды к Киру. Они велели объявить ему, что желают подчиниться персам на тех же условиях, как ранее Крезу. Выслушав их предложение, Кир рассказал им басню: "Какой-то флейтист увидел в море рыбу и принял играть на флейте, надеясь, что рыба выскочит на сушу. Обманувшись же в своих ожиданиях, он закинул невод, поймал много рыбы и вытащил ее на берег. И вот, увидев бьющуюся в неводе рыбу, он сказал: «Прекратите теперь у меня пляску! Вы ведь даже не захотели выйти поплясать под мою флейту!»". Этую басню Кир рассказал ионянам и эолийцам потому, конечно, что те прежде отклонили предложение Кира отложитьсь от Креза, а теперь, когда все было уже кончено, изъявили готовность подчиниться Киру. Таков был ответ разгневанного Кира. Когда весть об этом пришла в ионийские города, то ионяне обнесли каждый город стеной и все, кроме милетян, собрались в Панионий (ведь только с одними милетянами Кир заключил союз на тех же условиях, что и мидийский царь). Остальные ионян единодушно решили послать вестников в Спарту с просьбой о помощи.

142. Эти то ионяне, которым также принадлежит Панионий, основали свои города, насколько я знаю, в стране под чудесным небом и с самым благодатным климатом на свете. Ни области внутри материка, ни на побережье (на востоке или на западе) не могут сравниться с Ионией. Первые страдают от холода и влажности, а вторые – от жары и засухи. Ионяне говорят не на одном языке, а на четырех различных наречиях(111). Дальше всего к югу лежит Милет, затем идут Миунт и Приена. Эти города находятся в Карии, и жители их говорят на одном наречии. Напротив, следующие города расположены в Лидии: Эфес, Колофрон, Лебед, Теос, Клазомены, Фокея. В этих городах также говорят на общем наречии, отличном от наречия вышеназванных городов. Кроме того, есть еще три ионийских города: два из них – на островах, именно Самос и Хиос, а один – Эрифры – на материке. Хиосцы и эрифрейцы говорят на одном наречии, самосцы же – на своем особом. Это и есть четыре ионийских наречия.

143. Итак, из этих ионян милетянам нечего было страшиться, так как они заключили союз с Киром. Впрочем, и островитянам не грозила (непосредственная) опасность: ведь персы еще не покорили финикиян, а сами они не были мореходами. От остальных ионян эти (азиатские) ионяне отделились потому лишь, что ионийское племя было самым слабым и незначительным среди вообще слабого еще тогда эллинского народа. Кроме Афин, вообще не существовало ни одного значительного ионийского города. Поэтому как остальные ионяне, так и афиняне избегали имени “ионяне”, не желая называться ионянами. И поныне даже, как я думаю, многие из них стыдятся этого имени. А те двенадцать [азиатских] городов(112), напротив, гордились своим именем. Они воздвигли общее святилище, назвав его Панионий, и постановили не допускать туда других ионян (о чем, конечно, кроме смирнейцев, никто и не просил).

144. Точно так же и дорийцы(113) из нынешней области пятиградья (которая прежде называлась шестиградьем) не только запретили соседним дорийцам доступ в Триопийское святилище, но даже не допускали и своих сограждан участвовать (в религиозных обрядах) за непочтительность к храму. При состязаниях в честь Аполлона Триопийского они издревле, по обычаю, давали победителям в награду медные треножники. Победители, однако, не должны были брать с собой эти треножники из святилища, но посвящать их богу. Как-то раз победу одержал один галикарнассец по имени Агасикл, который пренебрег этим обычаем, унес треножник домой и повесил там на гвозде на стену. В наказание за это пять городов – Линд, Иалис, Камир, Кос и Книд – отстранили шестой город – Галикарнас от участия (в религиозных обрядах). Так наказали они этот город.

145. Так вот, ионяне, как я думаю, основали двенадцать городов и не пожелали больше никого допускать в свой союз вот по какой причине. Когда они жили еще в Пелопоннесе, у них, как и у ахейцев, которые их изгнали(114), было двенадцать городов. Ахейцы же еще и поныне занимают двенадцать областей в Пелопоннесе. Это, во-первых, Пеллена, лежащая близ Сикиона, затем Эгира и Эги (где течет неиссякающая река Крафис, по имени которой названа и река в Италии); потом Бура и Гелика (куда бежали ионяне после неудачной битвы с ахейцами), далее Эгий, Рипы, Патры, Фары и Олен (где течет большая река Пир); наконец, Дима и Трити – единственные из этих городов, расположенные внутри страны. Эти двенадцать областей теперь принадлежат ахейцам, а прежде были ионийскими.

146. По этой же причине ионяне и основали двенадцать городов. И было даже очень глупо утверждать, что эти азиатские ионяне чистокровнее и благороднее остальных ионян. Добрую часть их составляют абанты с Евбеи, которые ничего общего не имеют даже

В имени с ионянами. Кроме того, ионяне смешались с орхоменскими минийцами(115), с кадмейцами, дриопами, фокейцами, отделившимися от своего народа, молоссами, пеласгическими аркадцами, дорийцами из Эпидавра и многими другими племенами. Те же ионяне, которые высступали прямо из афинского пританея и считали себя самыми благородными, не привели с собой на новую родину женщин, но женились на кариянках, родителей которых они умертвили. Из-за этой то резни [родителей] карийские женщины под клятвой ввели у себя обычай и передали своим дочерям: никогда не вкушать пищи вместе со своими мужьями и не называть мужей по имени за то, что те умертвили их отцов, мужей и детей, а затем взяли их в жены. Все это произошло в Милете.

147. Царями же одни из этих ионийских городов выбрали себе ликийцев, отпрысков Главка, сына Гипполоха, другие – кавконов из Пилоса, потомков Кодра, сына Меланфа; иные, наконец, – потомков и того и другого. Конечно, они несколько более держались за свое имя (ионян), чем остальные ионяне, и их, пожалуй, все же можно назвать чистокровными ионянами. Впрочем, все они ионяне, поскольку происходят из Афин иправляют праздник Аматурей. Это празднество устраивают все ионяне, кроме эфесцев и колофонаян. Это – единственные ионийские города, где не празднуют Аматурей, будто бы из-за какого то убийства.

148. Панионий – это священное место на Микале, посвященное ионийским союзом Посейдону Геликонию (расположено оно на северной стороне горной цепи). Микале же – это мыс на западе [малоазийского] материка, напротив Самоса. Туда собирались ионийские города на праздник, названный ими Панионии. <Так обстоит дело не только с ионийскими празднествами, но и вообще

все названия эллинских праздников, так же как и имена персов, оканчиваются на эту букву»(116).

149. Это – ионийские города. Эолийские же города вот какие: Кима, называемая также Фриконидой, Ларисы, Неон Тихос, Темнос, Килла, Нотий, Эгиросса, Питана, Эгей, Мирина, Гриния. Это – одиннадцать древних эолийских городов. Один из них – Смирну – ионяне отняли у эолийцев. Первоначально ведь на азиатском материке было, (так же, как и ионийских), двенадцать эолийских городов(117). Эти эолийцы заняли область плодороднее ионийской, но не обладающую столь благодатным климатом.

150. Смирну же эолийцы потеряли вот таким образом. Жители Смирны дали убежище беглецам из Колофона, побежденным при восстании и изгнанным из своей родины. Впоследствии эти колофоны изгнанники воспользовались случаем, когда горожане справляли за городскими стенами праздник в честь Диониса, закрыли ворота и овладели городом. Остальные эолийцы поспешили на помощь городу, но заключили (с колофоны изгнанниками) соглашение, по которому эолийцы оставили город, после того как ионяне отдали им домашнее имущество. Затем одиннадцать ионийских городов поделили между собой смирнейцев и даровали им гражданские права.

151. Это – эолийские города на (азиатском) материке, кроме поселений на Иде, которые составляют особую группу. Из островных городов пять находятся на Лесбосе (шестой город на Лесбосе – Арисбу – покорили мефимнейцы, хотя жители ее были их кровными родственниками). На Тенедосе есть также один город, а другой – на так называемых “Ста островках”(118). Итак, лесбосцам и тенедосцам (так же, как и островным ионянам) нечего

было пока опасаться (персов). Остальные эолийские города решили сообща во всем следовать ионянам.

152. По прибытии же в Спарту ионийских и эолийских послов (а они очень спешили) они выбрали своим представителем фокейского посла по имени Пиферм. Пиферм надел на себя пурпурное одеяние, чтобы спартанцев, если они услышат об этом, собралось бы как можно больше. Затем он выступил (в собрании лакедемонян) с длинной речью, прося помощи. Лакедемоняне даже не стали и слушать его, но решили отказать ионянам в помощи. Послы возвратились домой, а лакедемоняне, несмотря на отказ ионянам, все же послали 50 весельный корабль, как я думаю, чтобы наблюдать за ходом борьбы Кира с ионянами. По прибытии лакедемонского корабля в Фокею спартанцы отправили в Сарды самого уважаемого человека из своей среды по имени Лакрин объявить Киру от имени лакедемонян, что они не позволят ему разорить ни одного эллинского города.

153. После этих слов глашатая, как говорят, Кир спросил эллинов из своей свиты, что это за люди лакедемоняне и сколь они многочисленны, что осмеливаются говорить такие речи. Получив ответ, Кир сказал спартанскому глашатую: "Я не страшусь людей, у которых посреди города есть определенное место, куда собирается народ, обманывая друг друга и давая ложные клятвы. Если я останусь жив, то им придется толковать не о делах ионян, а о своих собственных". Эти презрительные слова Кир бросил в лицо всем эллинам за то, что у них покупают и продают на рынках (ведь у самих персов вовсе нет базарной торговли и даже не существует рынков). Затем Кир отдал город Сарды (в управление) персу Табалу, а золото Креза и прочих лидийцев поручил хранить(119) лидийцу Пактию. Сам же он вместе с Крезом возвратился в Акбатаны, пока что не обращая никакого внимания на ионян. Ведь помехой Киру были

Вавилон, бактрийский народ, саки и египтяне. Против этих трех народностей Кир и намеревался лично выступить в поход(120), а против ионян послать другого полководца.

154. После отъезда Кира из Сард Пактий поднял восстание против Табала и Кира и затем двинулся к морю, захватив с собой все золото из Сард. Ему удалось навербовать наемников и убедить жителей приморских (городов) присоединиться к походу. Потом Пактий направился в Сарды и осадил Табала, который заперся в акрополе(121).

155. Получив в пути весть об этих событиях, Кир сказал Крезу Вот что: "Крез! Чем кончится все это? Лидийцы, видимо, не перестанут доставлять хлопот и беспокойства себе и другим. Я думаю, не лучше ли всего будет продать их в рабство? Я поступил, кажется, столь же глупо, как тот человек, который убил отца и затем оставил жизнь его детям. Так вот и я: веду в плен тебя, который был лидиям даже больше, чем отец, а столицу оставил самим лидиям, и после этого еще удивляюсь, что они восстали против меня!". Так Кир высказал, что у него было на душе, а Крез в страхе, что персидский царь разрушит Сарды, отвечал ему такими словами: "Царь! Ты совершенно прав, но все-таки не следует гневаться по всякому поводу и разрушать древний город, который совершенно невинен ни в прежних, ни в теперешних событиях. Ведь за прошлое вина моя, и я поплачусь за это головой. Виновник же теперешнего восстания – Пактий, которому ты отдал Сарды. Его то ты и покарай! А лидиям окажи снисхождение. Для того же, чтобы они вновь не подняли мятежа и тебе не нужно было их опасаться, сделай так: пошли вестника и запрети им иметь боевое оружие(122) и прикажи носить под плащами хитоны и высокие сапоги на ногах. Затем повели им обучать своих детей игре на

кифаре и лире и заниматься мелочной торговлей. И ты увидишь, царь, как скоро они из мужей обратятся в женщин, так что тебе никогда уже не надо будет страшиться восстания”.

156. Крез дал Киру этот совет, полагая, что такая часть предпочтительнее лидийцам, чем продажа в рабство. Крез был убежден, что без веской причины нельзя заставить Кира изменить свое намерение. Он опасался также, как бы лидийцы, даже избежав на этом раз грозной опасности, вновь не восстали против персов и затем не были бы обречены на гибель. Кир, однако, очень обрадовался словам Креза, умерил свой гнев и сказал, что последует его совету. Затем царь велел призвать мидянина Мазареса и приказал передать лидийцам совет Креза. Кроме того, Кир повелел обратить в рабство всех, кто вместе с лидийцами пошел на Сарды, а самого Пактия непременно схватить и привести к нему живым.

157. Отдав эти приказания прямо с дороги, Кир затем двинулся далее в персидские пределы. Пактий же при вести о приближении высланного против него персидского войска в страхе бежал в Киму. Между тем мидянин Мазарес во главе части персидского войска направился в Сарды, но не нашел там уже сообщников Пактия. Прежде всего он заставил лидийцев подчиниться повелениям Кира, в силу чего лидийцам пришлось изменить весь уклад своей жизни. Затем Мазарес отправил вестника в Киму с требованием выдать Пактия. Кимейцы, однако, решили обратиться за советом к богу (в святилище) в Бранхидах. Там издревле было прорицалище, которое обычно вопрошали все ионяне и эолийцы. Местность же эта лежит в Милетской области выше гавани Панорма.

158. Итак, кимейцы отправили послов к Бранхидам⁽¹²³⁾ Вопросить бога: как им поступить с Пактием, чтобы умилостивить богов. Послы вопросили бога и получили ответ: выдать Пактия персам.

Услышав такое изречение оракула, кимейцы постановили выдать Пактия. Однако, когда народ уже собирался это сделать, Аристодик, сын Гераклида, один из уважаемых граждан, сумел удержать их от этого. Он усомнился в правильности изречения оракула, полагая, что послы говорят ложь. В конце концов кимейцы отправили других послов к оракулу вопросить о Пактии (среди них был также и Аристодик).

159. Когда (новые) послы прибыли в Бранхиды, то Аристодик от имени всех обратился к богу с таким вопросом: "Владыка! Пришел к нам, умоляя о защите, лидиец Пактий, чтобы избежать лютой смерти от персов. Персы же требуют у кимейцев его выдачи. А мы, хотя и страшимся персидской мощи, не смеем выдать просящего защиты, пока ты ясно не укажешь, что нам делать". Так спрашивал Аристодик, а бог изрек им опять тот же самый ответ, повелевая выдать Пактия персам. Тогда Аристодик, обдумав заранее свои действия, поступил так: он стал обходить вокруг святилища и разорять гнезда воробьев и разных других птиц, которые нашли себе приют при храме. В это время, как говорят, из святилища послышался голос, взывавший к Аристодику так: "О нечестивейший из смертных! Зачем дерзаешь ты на такое деяние? Зачем изгоняешь ищущих защиты из моего храма?". Аристодик же не смущился, но возразил богу так: "Владыка! Сам ты помогаешь прибегающим к твоей защите, а кимейцам приказываешь выдать молящего о защите!"(124). А бог опять возразил ему такими словами: "Да, так я повелеваю, чтобы вы скорее погибли из-за вашего нечестия и впредь не приходили спрашивать оракул о выдаче молящих о защите".

160. После такого ответа оракула кимейцы не захотели выдать Пактия из страха погибнуть или, оставив у себя, подвергнуться осаде. Поэтому они отослали его в Митилену. Митиленцы же, когда

Мазарес послал вестника к ним с приказанием выдать Пактия, выражали готовность сделать это за некоторую мзду (точно не знаю какую, так как сделка не состоялась, потому что кимейцы, проведав намерение митиленцев, отправили корабль на Лесбос и доставили Пактия оттуда на Хиос). Там хиосцы силой вытащили Пактия из святилища Афины Полиухос и выдали персам. Выдали же его хиосцы в обмен на Амарней (местность, где расположен этот Амарней, находится в Мисии, напротив Лесбоса). Получив в свои руки Пактия, персы содержали его в темнице, чтобы потом привести к Киру. Однако еще долго после этого ни один хиосец не посыпал богам в жертву ячменя и не выпекал жертвенных лепешек из урожая плодов в Амарнене. Вообще ничего из того, что рождала эта земля, не употреблялось для жертвоприношений.

161. Так хиосцы выдали Пактия. Мазарес же после этого выступил в поход против всех городов, которые участвовали в осаде Табала. Сначала он подчинил приенцев, потом прошел всю долину Меандра, отдав ее на разграбление своему войску, так же, как и город Магнесию. Вслед за тем Мазарес занемог и скончался.

162. После кончины Мазареса преемником его в должности военачальника стал Гарнаг, как и он, родом мидянин. Это был том самый Гарнаг, которому мидийский царь Астиаг устроил нечестивое приречество и который помог Киру вступить на престол. Этот то человек, назначенный Киром в военачальники, прибыл в Ионию и стал захватывать города, окружая их валом. Он запирал жителей в стенах города, возводил у стен насыпи и затем брал город приступом. Первым ионийским городом, подвергшимся его нападению, была Фокея.

163. Жители этой Фокеи первыми среди эллинов пустились в далекие морские путешествия. Они открыли Адриатическое море,

Тирсению, Иберию и Тармесс. Они плавали не на "круглых" торговых кораблях, а на 50 весельных судах(125). В Тармессе они вступили в дружбу с царем той страны по имени Арганфоний. Он царствовал в Тармессе 80 лет, а всего жил 120. Этот человек был так расположен к фокейцам, что сначала даже предложил им покинуть Ионию и поселиться в его стране, где им будет угодно. А затем, когда фокейцы не согласились на это, царь, услышав об усилении могущества лидийского царя, дал им денег на возведение стен в их городе. Дал же он денег, не скучаясь, так как окружность стен [Фокеи] составляет немало стадий, а вся стена состоит целиком из огромных тщательно приложенных камней.

164. Таким-то образом фокейцы воздвигли стену своего города. А Гарнаг, когда привел свое войско и начал осаду города, то велел сказать фокейцам, что удовольствуется, если горожане разрушат один только бастион на стене и "посвятят" [в знак покорности царю] один дом. Фокейцы же, которые ненавидели рабство, объявили, что просят один день на совещание и затем дадут ответ, а на время совещания пусть Гарнаг отведет свое войско от города. Гарнаг же велел им ответить, что прекрасно понимает их замысел, но тем не менее дает им время на размышление. Однако, когда Гарнаг отвел войско от города, фокейцы спустили на воду свои 50 весельные корабли, погрузили на них жен и детей, и все пожитки, а также изображения богов и прочие посвятительные дары из храмов, кроме мраморных и медных статуй и картин. Погрузив затем и все остальное имущество, они взошли сами на борт и отплыли по направлению на Хиос. Фокею же, оставленную жителями, заняли персы.

165. Хиосцы, однако, не захотели продать фокейцам так называемые Энусские острова, опасаясь, что эти острова станут

торговым центром, а их собственный остров из-за этого лишился торговых выгод. Поэтому фокейцы отправились на Кирн. Ведь на Кирне за двадцать лет до этих событий они по велению божества основали город по имени Алалия (Арганфоний тогда уже скончался). Отправляясь на Кирн, фокейцы сначала возвратились в Фокею и перебили там персидскую стражу, оставленную Гарпагом в городе. После этого они изрекли страшные проклятия тем, кто отстанет от похода. Затем погрузили в море кусок железа и поклялись, что не вернутся в Фокею прежде, чем это железо не всплывет (на поверхность). Во время приготовлений к отплытию на Кирн большие половины граждан охватила мучительная тоска по родному городу и насиженным местам. И вот, нарушив данную клятву, они отплыли назад в Фокею. Те же, кто остался верен клятве, покинули Энуссы и отплыли (на Кирн).

166. По прибытии на Кирн фокейцы пять лет жили там вместе с прежними поселенцами и воздвигли святыни богам. Так как они стали (потом) разорять окрестности и грабить жителей, то тирсены и карфагеняне, заключив союз, пошли на них войной (те и другие на 60 кораблях). Фокейцы также посадили своих людей на корабли числом 60 и поплыли навстречу врагам в так называемое Сардонское море. В морской битве фокейцы одержали нечто вроде Кадмейской победы(126): 40 кораблей у них погибло, а остальные 20 потеряли боеспособность, так как у них были сбиты носы. После этого фокейцы возвратились в Алалию. Там они посадили жен и детей на корабль и, погрузив затем сколько могло на него поместиться имущество, покинули Кирн и отплыли в Регий.

167. Что до людей с погибших кораблей, то по крайней мере большую часть их захватили в плен карфагеняне и тирсены и, высадившись на суши, побили камнями (...)(127) С тех пор у

агиллайцев все живые существа — будь то овцы, рабочий скот или люди, проходившие мимо места, где лежали трупы побитых камнями фокейцев, — становились увечными, калеками или паралитиками. Тогда агиллайцы отправили послов в Дельфы, желая искупить свое преступление. Пифия повелела им делать то, что агиллайцы совершают еще и поныне: они приносят богатые жертвы фокеям, как героям, и устраивают в их честь гимнастические состязания и конские ристания. Вот какая участь постигла этих фокейцев. Другие же, которые нашли убежище в Регии, двинулись оттуда и захватили в земле Энотрии город, ныне носящий имя Гиела. А заселили они этот город потому, что какой-то человек из Посейдонии объяснил им, что Пифия в своем изречении подразумевала героя Кирна, а не заселение острова Кирна.

168. Такова была судьба Фокеи в Ионии. Почти так же, как фокеи, поступили и жители Теоса. После того как Гарпаг, возведя насыпь, захватил стены (их города), все теосцы сели на корабли и отплыли во Фракию. Там они поселились в городе Абдерах. Город этот основал ранее Тимесий из Клазомен; основав же город, он, однако, не сумел воспользоваться плодами своих трудов, потому что был изгнан фокеями. Теперь зато теосцы, поселившись в Абдерах, воздают ему героические почести.

169. Эти два ионийских города были единственными, которые предпочли покинуть свою родину, чем терпеть рабство. Остальные ионяне, кроме милемян, так же, как и те, что покинули родину, вступили в борьбу с Гарпагом и доблестно сражались каждый за свой родной город. Однако они потерпели поражение и были покорены. Все они остались на месте и платили наложенную на них дань. Милемяне же, как я сказал выше, заключили союз с самим Киром и сохранили мир (и спокойствие). Так-то Иония вторично потеряла

свободу. После покорения Гарнагом материковых ионян островные ионяне, устрашившись подобной же части, добровольно подчинились Киру(128).

170. Несмотря на понесенное поражение, ионяне все же собрались в Панионий. Там, как я слышал, Биант из Приены подал им весьма полезный совет. Последуй ионяне этому совету, они стали бы, пожалуй, самыми счастливыми и богатыми среди эллинов. Биант предложил им всем вместе отплыть на Сардон и там основать один общий для всех ионян город. Так они избежали бы порабощения, достигли бы процветания, живя на самом большом из всех островов на свете, и даже подчинили бы себе другие племена. Оставаясь же в Ионии, они, по его словам, потеряют надежду получить когда-нибудь свободу. Этот совет дал ионянам Биант из Приены уже после их подчинения персам. Но еще раньше, когда Иония была свободной, Фалес из Милета (по происхождению финикиянин) подал им вот такой полезный совет. Он предложил ионянам построить один общий дом для совещаний, именно на Теосе, так как Теос лежит в середине Ионии. Отдельные города тем не менее должны были сохранить самостоятельность, но только как местные общинны. Такие советы подали эти два человека ионянам.

171. Покорив Ионию, Гарнаг пошел войной на карийцев, кавниев и ликийцев, взяв с собой ионян и эолийцев. Карийцы пришли на материк с островов(129). В глубокой древности они были подвластны Миносу, назывались лелегами и жили на островах. Впрочем, лелеги, по преданию, насколько можно проникнуть в глубь веков, не платили Миносу никакой дани. Они обязаны были только поставлять по требованию гребцов для его кораблей. Так как Минос покорил много земель и вел победоносные войны, то и народ карийцев вместе с Миносом в те времена был самым могущественным народом на

свете. Карицы изобрели три вещи, которые впоследствии переняли у них эллины (130). Так, они научили эллинов прикреплять к своим шлемам султаны, изображать на щитах эмблемы и первыми стали приделывать ручки на щитах (до тех пор все народы носили щиты без ручек и пользовались ими с помощью кожаных перевязей, надевая их на шею и на левое плечо). Затем, много времени спустя, карийцев изгнали с их островов дорийцы и ионяне, и таким-то образом они переселились на материк. Так-то рассказывают о карийцах критяне. Сами же карийцы, впрочем, не согласны с ними: они считают себя исконными жителями материка, утверждая, что всегда носили то же имя, что и теперь. (В доказательство этого) они показывают в Миласах древнее святилище Зевса Карийского, принадлежащее мисийцам и лидийцам, так как это родственные карийцам племена. Ведь, по их преданию, Лид и Мис были братьями Кара. Им то, (лидийцам и мисийцам), конечно, и принадлежало святилище, а не племенам другого происхождения, даже если те и говорили на одном языке с карийцами.

172. Что до кавниев, то они, мне думается, — исконные жители (материка); сами же они тем не менее считают себя пришельцами с Крита. Похож ли их язык на карийский или, наоборот, карийский схож с кавнийским, я не могу это точно решить. По обычаям же они сильно отличаются не только от карийцев, но и от всех прочих народов. Так, для кавниев самое высокое удовольствие — это собираться на многолюдные пирушки сверстникам и друзьям, именно мужчинам, женщинам и детям. Они воздвигли у себя храм чужеземным богам, а затем раскаялись в этом и решили почитать только отеческих богов. Тогда все кавнии, способные носить оружие, вооружились: ударяя копьями по воздуху, они или до калиндийских пределов и восклицали при этом, что изгоняют чужеземных богов.

173. Таковы (странные) обычай кавниев. Ликийцы же первоначально пришли из Крита (весь Крит в древности целиком занимали варвары)(131). Когда на Крите сыновья Европы Сарпедон и Минос поссорились из-за Верховной власти, то в борьбе Верх одержал Минос и изгнал Сарпедона с его приверженцами. Изгнанники прибыли в землю Милиаду в Азии. Страна, где ныне обитают ликийцы, в древности называлась Милиадой, а жители ее именовались солимами. Ведь, пока царем изгнанников был Сарпедон, они сохраняли свое имя – термилов, принесенное с Крита, как еще и поныне соседи называют ликийцев. Когда же к Сарпедону в страну термилов прибыл из Афин Лик, сын Пандиона, также изгнанный своим братом Эгеем, то они с течением времени стали называться по его имени ликийцами. Обычай их частью критские, частью карийские. Есть, впрочем, у них один особенный обычай, какого не найдешь больше нигде: они называют себя по матери, а не по отцу. Если кто-нибудь спросит ликийца о его происхождении, тот назовет имя своей матери и перечислит ее предков по материнской линии. И если женщина гражданка сойдется с рабом, то дети ее признаются свободнорожденными. Напротив, если гражданин – будь он даже самый влиятельный среди них – возьмет в жены чужестранку или наложницу, то дети не имеют прав гражданства.

174. Итак, карийцы покорились Гарпагу, не покрыв себя славой: ни сами карийцы, ни эллины, живущие в их стране, при этом не совершили никаких подвигов. Среди других эллинов живут там и кидяне – поселенцы из Лакедемона. Область кидян простирается до моря и носит название Триопий. Кидия начинается от части Херсонеса у города Бибасса и вся окружена морем, кроме незначительной местности. Так, на севере она граничит с заливом Керамик, на юге – с морем у острова Симы и Родоса. Когда Гарпаг завоевывал Ионию, кидяне стали прокапывать упомянутую выше

узкую полосу земли (шириной почти 5 стадий), чтобы превратить свою землю в остров. Ведь вся область кидян лежит по эту сторону полуострова. Как раз там, где конец кидской земли, и находится перешеек, который они начали прокапывать. И вот, когда множество кидян взялось за работу, оказалось, что рабочие стали получать ранения на теле, и особенно (повреждения) глаз (от осколков камней), когда приходилось пробивать скалу. (Ранения эти) указывали на более прямое, явно сверхъестественное воздействие божества. Тогда кидяне отправили послов в Дельфы вопросить бога о том, что препятствует им (в работе). Пифия же, по их словам, изрекла такой ответ стихами в трехстопном размере:

Не ройте Истма! Стен не воздвигайте!

Зевс создал остров тут, коль только б захотел.

Получив такое прорицание, кидяне прекратили работы, и, когда Гарнаг с войском подошел (к городу), они сдались без боя.

175. По ту сторону Галикарнасса в глубине страны жили педасийцы. Всякий раз, когда им самим или их соседям угрожало какое-нибудь несчастье, у жрицы Афины вырастала длинная борода. И так бывало уже у них трижды. Эти то педасийцы – единственные карийцы, которые некоторое время оказывали сопротивление Гарнагу, доставив ему немало хлопот. Они укрепили место на горе под названием Лида.

176. Со временем, однако, педасийцы все же были покорены. Ликийцы же, когда Гарнаг вошел с войском в долину Ксанфа, вышли ему навстречу и доблестно сражались небольшими отрядами против огромного войска. Потерпев поражение, они были оттеснены в город (Ксанф). Тогда ликийцы собрали на акрополе жен, детей, имущество и рабов и подожгли акрополь, отдав его в жертву пламени. После

этого Ксанфии страшными заклятиями обрекли себя на смерть: они бросились на врага и все до единого пали в бою. Ведь среди нынешних жителей Ксанфа, которые выдают себя за ликийцев, большинство – пришельцы, за исключением 80 семей. Эти 80 семей в то время случайно находились в чужом kraю и потому избежали этой страшной участи. Так-то Гарнаг овладел Ксанфом. Подобным же образом он захватил и город Кавн, так как большинство кавниев последовало примеру ликийцев.

177. В то время как Гарнаг разорял (города) приморской области Передней Азии, сам Кир покорял народ за народом внутри страны, не минуя ни одного. О большей части этих походов я умолчу и расскажу только о тех, которые доставили ему больше всего хлопот и особенно достойны упоминания.

178. После завоевания всего (азиатского) материка Кир обратился против ассирийцев. В Ассирии есть много и других больших городов, но самым знаменитым и наиболее могущественным городом, где у ассирийцев после разрушения Нина находился царский дворец, был Вавилон. Построен Вавилон вот как. Лежит он на обширной равнине, образуя четырехугольник, каждая сторона которого 120 стадий длины. Окружность всех четырех сторон города составляет 480 стадий (132). Вавилон был не только очень большим городом, но и самым красивым из всех городов, которые я знаю. Прежде всего город окружен глубоким, широким и полным водой рвом, затем идет стена шириной в 50 царских локтей, а высотой в 200. Царский же локоть на 3 пальца больше обычного.

179. Здесь я должен рассказать, куда употребили землю, вынутую изо рва, и как была возведена стена. Лишившись только выкопали ров, то взятую оттуда землю стали употреблять для выделки кирпича. Изготавлив достаточное количество сырых кирпичей, обжигали их в

нечах. Вместо цемента строители пользовались горячим асфальтом и через каждые тридцать рядов кирпича закладывали между камнями камышовые пленки. Сначала таким образом укрепили края рва, а затем и саму стену. На верху стены по краям, возвели по две одноэтажные башни, стоявшие друг против друга. Между башнями оставалось пространство, достаточное для проезда четверки лошадей. Кругом на стене находилось 100 ворот целиком из меди (в том числе их косяки и притолоки). Есть и другой город в восьми днях пути от Вавилона по имени Иса. Там протекает небольшая река также под названием Иса. Впадает она в реку Евфрат. Эта же река Иса выносит своим течением комочки асфальта. Отсюда и был доставлен асфальт для постройки вавилонской стены.

180. Таким-то образом были возведены стены Вавилона. Город же состоит из двух частей. Через него протекает река по имени Евфрат, берущая начало в Армении. Эта большая, глубокая и быстрая река впадает в Красное море. По обеим сторонам реки стена, изгибаясь, доходит до самой реки, а отсюда по обоим берегам идет стена из обожженных кирпичей. Город же сам состоит сплошь из трех- и четырехэтажных домов и пересечен прямыми улицами, идущими частью вдоль, а частью поперек реки. На каждой поперечной улице в стене вдоль реки было столько же маленьких ворот, сколько и самих улиц. Ворота эти были также медные и вели к самой реке.

181. Эта (внешняя) стена является как бы панцирем города. Вторая же стена идет внутри первой, правда, ненамного ниже, но уженее. В середине каждой части города воздвигнуто здание. В одной части – царский дворец, окруженный огромной и крепкой стеной; в другой – святилище Зевса Бела(133) с медными вратами, сохранившимися

еще до наших дней. Храмовой священный участок – четырехугольный, каждая сторона его длиной в 2 стадии. В середине этого храмового священного участка воздвигнута громадная башня, длиной и шириной в 1 стадию. На этой башне стоит вторая, а на ней – еще башня, в общем восемь башен – одна на другой. Наружная лестница ведет наверх вокруг всех этих башен. На середине лестницы находятся скамьи, должно быть, для отдыха. На последней башне воздвигнут большой храм. В этом храме стоит большое, роскошно убранное ложе и рядом с ним золотой стол. Никакого изображения божества там, однако, нет. Да и ни один человек не проводит здесь ночь, за исключением одной женщины, которую, по словам халдеев, жрецов этого бога, бог выбирает себе из всех местных женщин.

182. Эти жрецы утверждают (я, впрочем, этому не верю), что сам бог иногда посещает храм и проводит ночь на этом ложе. То же самое, по рассказам египтян, будто бы происходит и в египетских Фивах. И там в храме Зевса Фиванского также спит какая-то женщина. Обе эти женщины, как говорят, не вступают в общение со смертными мужчинами. Точно так же, впрочем, и прорицательница – жрица бога в Патарах Ликийских (спит в храме), когда является бог и изрекает оракул (что бывает не всегда, а лишь по временам). Но при явлении бога жрицу запирают с ним по ночам в храме.

183. Есть в священном храмовом участке в Вавилоне внизу еще и другое святилище, где находится огромная золотая статуя сидящего Зевса. Рядом же стоят большой золотой стол, скамейка для ног и трон – также золотые. По словам халдеев, на изготовление (всех этих вещей) пошло 800 талантов золота. Перед этим храмом воздвигнут золотой алтарь. Есть там и еще один огромный алтарь; на нем приносят в жертву взрослых животных; на золотом же алтаре можно приносить в жертву только сосунков. На большом

алтаре халдеи ежегодно сжигают 1000 талантов ладана на празднике в честь этого бога. Была еще в священном участке в то время, о котором идет речь, золотая статуя бога, целиком из золота, 12 локтей высоты. Мне самому не довелось ее видеть, но я передаю лишь то, что рассказывали халдеи. Эту же статую страстно желал Дарий, сын Гистаспа, но не дерзнул захватить ее. Однако Ксеркс, сын его, похитил статую, повелев умертвить жреца, который не позволял (прикасаться к статуе) и двигать ее с места. Так роскошно украшен этот (храм) и священный участок, где также есть много посвятительных даров от частных лиц.

184. Много и других царей правила в Вавилоне, о которых я расскажу в моей истории Ассирии(134). Они еще более укрепили стены (города) и украсили святилища. Среди этих же царей были и две женщины. Старшая по имени Семирамида, которая царствовала за пять поколений до младшей, велела построить в долине достопримечательную плотину. Прежде ведь река обычно при разливах затопляла всю долину.

185. Вторая царица, которую звали Нитокрис(135), была еще более мудрой, чем ее предшественница, и оставила памятники, о которых я расскажу. Кроме того, эта царица видела, как велико могущество мидян, сколь это беспокоит народ и как много городов они уже завоевали (среди них даже Нин). Поэтому же она и решила принять заранее все возможные меры предосторожности. Прежде всего она изменила течение реки Евфрат, который протекал раньше прямо через середину города. Для этого Нитокрис велела прокопать канал выше города, и таким образом река стала настолько извилистой, что, например, мимо одного селения в Ассирии она протекала трижды (название этого селения, куда Евфрат подходит три раза, Ардерикка). Еще и поныне, совершая путешествие из Нашего моря в

Вавилон вниз по Евфрату, приходится трижды проезжать мимо этого селения в течение трех дней. Это было одно деяние Нитокрис. Затем по ее повелению по обеим сторонам реки насыпали плотину поразительной величины и высоты. Потом на значительном расстоянии выше Вавилона она приказала выкопать водоем для озера неподалеку от реки такой глубины, чтобы повсюду высступили подпочвенные воды. Ширина же этого водоема достигла в окружности 420 стадий. Вырытую из ямы землю царица велела употреблять для речной плотины. Когда бассейн был готов, она приказала привезти камень и облицевать им края водоема. Произвела же царица обе эти работы – именно сделала реку излучистой и обратила всю прокопанную местность в болото – не только для того, чтобы множеством излучин замедлять течение реки, но и затем, чтобы сделать речной путь в Вавилон более извилистым и, наконец, чтобы после плавания путешественникам нужно было делать еще большой объезд озера по суше. Эти работы производились в той части страны, где были проходы и самый короткий путь из Мидии. Целью этих мероприятий было затруднить мидянам проникновение в страну при торговых сношениях и не позволить им точно разузнать положение дел в стране.

186. Эти сооружения царица воздвигла (против мидян) из земли, добывшей при рытье водоема. Кроме того, она воспользовалась этими работами еще и для другой, побочной цели. Город состоял из двух частей, разделенных рекой. При прежних царях, чтобы попасть из одной половины города в другую, нужно было переправляться на лодке, что, мне думается, было неудобно. Нитокрис позаботилась и об этом. Когда был вырыт водоем для озера, она оставила в память об этих работах вот еще что. Она повелела вырубить огромные камни. Когда эти камни были изготовлены и водоем выкопан,

Нитокрис отвела весь речной поток в этот водоем, и по мере наполнения водоема старое русло высыхало. Затем Нитокрис приказала укрепить берега реки вдоль города и спуски, ведущие от стенных ворот к реке, облицевать обожженным кирпичом таким же способом, как и городские стены. Потом приблизительно в середине города она велела построить мост из вырубленных камней (камни были скреплены железом и свинцом). Днем на мост настилали поперек четырехугольные доски, по которым вавилоняне переходили через реку. На ночь же этот настил убирали, для того чтобы люди не бродили туда и сюда и не грабили друг друга. После сооружения моста, когда выкопанное озеро наполнилось водой, царица велела отвесить реку Евфрат из озера в старое русло. Таким образом, озеро превратилось в болото, для чего и было предназначено, а горожанам, кроме того, был построен мост.

187. Эта же царица обманула потомство вот какой хитростью. Она повелела воздвигнуть себе гробницу над воротами в самом оживленном месте города (гробница находилась непосредственно над самими воротами) и вырезать на ней надпись, гласящую вот что: “Если кто-нибудь из вавилонских царей после меня будет иметь нужду в деньгах, то пусть откроет эту гробницу и возьмет сколько пожелает денег. Однако без нужды пусть напрасно не открывает ее. Но лучше бы все (не открывать гробницы)”. Так эта гробница оставалась нетронутой, пока вавилонское царство не перешло к Дарию. Дарию казалось даже странным, почему он не воспользовался (этой гробницей над) воротами, хотя там лежат сокровища, которые к тому же (как бы) сами приглашают завладеть ими. Царь, однако, не захотел пройти через эти ворота, потому что над головой (у него) оказался бы мертвец. Открыв же гробницу, он не нашел там никаких сокровищ, а только покойника и вот такую

надпись: “Если бы ты не был столь жадным, то не разорял бы гробниц покойников”. Вот что рассказывают об этой царице.

188. Против сына этой же женщины(136) (его звали, как и отца, Лабинетом, и он был царем Ассирии) Кир и пошел войной. Всякий раз, когда великий царь выступает в поход, то, сделав дома хороший запас хлеба и мелкого скота, он берет с собой, кроме того, еще воду из протекающей у Сус реки Хоаспа(137) (единственной реки, откуда он пьет воду). Множество четырехколесных повозок, запряженных мулями, с этой же кипяченой водой из Хоаспа в серебряных сосудах всегда следует за царем, куда бы он ни отправлялся в поход.

189. Двигаясь на Вавилон, Кир достиг реки Гинда. Истоки этой реки находятся в Матиенских горах, течет же она через землю дарданов, а впадает в другую реку – Тигр. Тигр же протекает мимо города Опиды и впадает в Красное море. Когда Кир хотел перейти эту судоходную реку Гинд, один из его священных белых коней от ревности прыгнул в воду, чтобы переплыть реку. Однако река поглотила коня и унесла его своим течением. Тогда Кир страшно разгневался на реку за такую дерзость и повелел сделать ее столь мелкой, чтобы вперед даже женщины могли легко переходить, не замочив колена. После такой угрозы Кир отложил пока что поход на Вавилон. Разделив затем свое войско на две части, царь расположил воинов по берегам реки и велел на каждом берегу наметить по всем направлениям 180 прямых, как стрела, каналов, ведущих к реке. Потом он расставил воинов и приказал копать. При большом числе рабочих рук работа была быстро завершена, но все же на нее пришлось затратить целое лето.

190. Так-то покарал Кир реку Гинд, разделив ее на 360 каналов. А когда вновь наступила весна, царь выступил в поход на Вавилон. Вавилоняне вышли из города с войском и ожидали Кира. Когда царь

подошел к городу, вавилоняне бросились в бой, но, потерпев поражение, были оттеснены в город. Вавилонянам было уже заранее известно, что Кир теперь не будет бездействовать: они видели ведь, как персидский царь нападал на один народ за другим. Поэтому, запасшись продовольствием на очень много лет, они не обращали никакого внимания на осаду. Между тем Кир оказался в затруднительном положении, так как прошло уже много времени, а дело (осады) никак не подвигалось вперед.

191. Наконец, — другой ли кто подал совет в затруднении или же сам Кир сообразил, как ему поступать, — но сделал он вот что(138). Он поставил часть своего войска в том месте, где река входит в город, а другую часть — ниже по течению, у ее выхода из города. Затем он приказал воинам, как только увидят, что русло стало проходимым вброд, вступать по этому руслу в город. После этого сам царь с нестроевой частью войск отступил. По прибытии к упомянутому выше озеру Кир сделал с рекой приблизительно то же самое, что некогда совершила и вавилонская царица. Персидский царь отвел реку с помощью канала в озеро, которое, собственно, было болотом, а таким образом старое русло сделалось проходимым. После того как вода в реке спала настолько, что доходила людям приблизительно до колена, персы по старому руслу вошли в Вавилон. Если бы вавилоняне заранее узнали замысел Кира или вовремя заметили его действия, то, конечно, не только не позволили бы персам проникнуть в город, но даже совершенно уничтожили бы врага. Ведь они могли просто запереть все ведущие к реке ворота и, взойдя на стены по обоим берегам реки, поймать персов, как в ловушку. Однако теперь персы внезапно напали на вавилонян. Город же Вавилон столь огромный, что, по рассказам тамошних людей, горожане, жившие в центре, не знали, что враги уже заняли окраины. В это время они по случаю праздника плясали и веселились до тех пор, пока слишком хорошо не

узнали (свое ужасное положение). Так-то Вавилон был взят тогда в первый раз.

192. Сколь велико богатство Вавилона, я могу ясно показать на многих других примерах, но ограничусь следующим. Вся страна, подвластная великому царю, обязана, кроме обычной подати, еще содержать царя и его войско. Итак, вавилонская земля из двенадцати месяцев четыре месяца в году поставляет царю продовольствие, а восемь месяцев – вся остальная Азия. Таким образом, одна эта Ассирия по богатству занимает третье место во всей Азии. И наместничество в этой стране, которое персы называют сатрапией, безусловно самое доходное из всех наместничеств. Тритантихм, сын Артабаза, которому царь пожаловал эту область в управление, каждый день собирал с нее полную артабу серебра (артаба – персидская мера, вмещающая 1 аттический медимн и 3 аттических хеника). У самого Тритантихма, кроме боевых коней, было еще 800 жеребцов, покрывающих кобылиц, а кобылиц было 16 000 (каждый жеребец покрывал по 20 кобылиц). Он держал также так много собак индийской породы, что четыре больших селения на равнине должны были доставлять пищу для них и за это были освобождены от прочих повинностей. Так богат был правитель Вавилона.

193. Дождей в Ассирийской земле выпадает мало, но и этих незначительных дождей достаточно для первоначального питания и роста корней злаков. При этом посевы орошаются из реки, зреют и злак расстеп. Сама река, однако, здесь не заливает поля, как в Египте, но орошение производится вручную водочерпательными приспособлениями (журавлями). Вся Вавилония, подобно Египту, всюду перерезана каналами. Самый большой из этих каналов судоходен; в юго-восточном направлении он течет из Евфратта в

другую реку – Тигр, на которой лежал город Нин. Из всех стран на свете, насколько я знаю, эта земля производит безусловно самые лучшие плоды Деметры. Напротив, плодовые деревья там даже вообще не произрастают: ни смоковница, ни виноградная лоза, ни маслина. Что же до плодов Деметры, то земля приносит их в таком изобилии, что урожай здесь вообще сам двести, а (в хорошие годы) даже сам триста. Листья пшеницы и ячменя достигают там целых четырех пальцев в ширину. Что просо и сесам(139) бывают там высотой с дерево, мне хорошо известно, но я не стану рассказывать об этом. Я знаю ведь, сколь большое недоверие встретит мой рассказ о плодородии разных хлебных злаков у тех, кто сам не побывал в Вавилонии. Оливкового масла вавилоняне совсем не употребляют, но только из сесама. Повсюду на равнине растут там финиковые пальмы, в большинстве плодоносные. Из плодов пальм приготавливают хлеб, вино и мед. Выращивают вавилоняне финиковые пальмы тем же способом, как и смоковницы. Они привязывают плоды так называемых у эллинов “мужских” пальм к плодоносным деревьям, чтобы орехотворка, проникнув в финик, помогла ему созреть и он преждевременно не опал. Ведь орехотворки сидят в плодах “мужских” пальм, так же, как и в зимних смоквах.

194. Теперь я перейду к рассказу о самом удивительном из всего, что есть в этой стране (кроме самого города Вавилона). Суда, на которых плавают вниз по реке в Вавилон, совершенно круглые и целиком сделаны из кожи(140). В Армении, которая лежит выше Ассирии, вавилоняне нарезают ивовые прутья для остова корабля. Снаружи (остов) обтягивают плотными шкурами наподобие (круглого) днища корабля. Они не расширяют кормовой части судна и не заостряют носа, но делают судно круглым, как щит. Затем набивают все судно соломой (для обертки груза) и, нагрузив,пускают плыть вниз по течению. Перевозят они вниз по реке

главным образом глиняные сосуды с финикийским вином. Управляют судном с помощью двух рулевых весел, которыми стоя загребают двое людей. Один из них при этом тянет судно веслом к себе, а другой отталкивается. Такие суда строят очень большого размера и поменьше. Самые большие вмещают до 5000 талантов груза. На каждом судне находится живой осел, и на больших – несколько. По прибытии в Вавилон купцы распределяют свой товар, а затем с публичных торгов сбывають и (плетеный) остов судна, и всю солому. А шкуры потом навьючивают на ослов и возвращаются в Армению. Вверх по реке ведь из-за быстрого течения плыть совершенно невозможно. Поэтому и суда строят не из дерева, а из шкур. Когда же купцы на своих ослах прибывают в Армению, то строят новые суда таким же способом. Таковы у них (речные) суда.

195. Одеждие же у вавилонян вот какое. (На теле) вавилонянин носит льняной хитон, доходящий до ног, а поверх – другой шерстяной. Затем поверх накидывает еще тонкую белую хламиду. Обувь у них – общепринятая (в этой стране), похожая на беотийских сапоги. Отпуская длинные волосы, вавилоняне повязывают на голове тюрбаны и все тело умащают миррой. У всякого вавилонянина есть перстень с печатью и посох искусственной работы. На каждом посохе вырезаны яблоко, роза, лилия, орел или что-либо подобное. Носить посох без такого изображения у них не принято. Таково внешнее обличье вавилонян, а о нравах и обычаях их я расскажу вот что.

196. Самый благоразумный обычай, который, как я знаю, бытует также и у иллирийских энетов, по моему мнению, у них вот какой. Раз в году в каждом селении обычно делали так: созывали всех девушек, достигших брачного возраста, и собирали в одном месте. Их обступали толпы юношей, а глашатай заставлял каждую девушку поодиночке вставать и начиналась продажа невест. Сначала

выставляли на продажу самую красивую девушку из всех. Затем, когда ее продавали за большие деньги, глашатай вызывал другую, следующую после нее по красоте (девушки же продавались в замужество). Очень богатые вавилонские женихи наперебой старались набавлять цену и покупали наиболее красивых девушек. Женихи же из простонародья, которые вовсе не ценили красоту, брали и не красивых девиц, и в придачу деньги. После распродажи самых красивых девушек глашатай велел встать самой безобразной девушке или калеке и предлагал взять ее в жены за наименьшую сумму денег, пока ее кто-нибудь не брал с наименьшим приданым. Деньги же выручались от продажи красивых девушек, и таким образом красавицы выдавали замуж дурнушек и калек. Выдать же замуж свою дочь за кого хочешь не позволялось, а также нельзя было купленную девушку уводить домой без поручителя. И только, если поручитель установит, что купивший девушку действительно желает жить с ней, ее можно было уводить домой. Если же кто не сходился со своей девушкой, то по закону требовалось возвращать деньги. Впрочем, женихам можно было являться и из других селений и покупать себе девушек. Этот прекраснейший обычай теперь у них уже не существует(141). Зато недавно они нашли другое средство оградить девиц от обиды и не допустить увода их на чужбину (...). После завоевания страны и разорения ее персами жители лишились своего имущества, и все простые люди из народа были вынуждены по бедности заставлять своих дочерей заниматься развратом.

197. Есть у вавилонян еще и другой весьма разумный обычай. Страдающих каким-нибудь недугом они выносят на рынок (у них ведь нет врачей)(142). Прохожие дают больному советы (о его болезни) (если кто-нибудь из них или сам страдал подобным недугом, или видел его у другого). Затем прохожие советуют больному и объясняют, как сами они исцелились от подобного недуга или видели

исцеление других(143). Молча проходить мимо больного человека у них запрещено: каждый должен спрашивать, в чем его недуг.

198. Покойников вавилоняне погребают в меду(144), и похоронные обряды у них одинаковы с египетскими. Всякий раз как вавилонянин сходится со своей женой, он садится перед жертвенным сосудом, воскуряя фимиам; так же поступает и жена. На следующее утро оба они совершают омовение. Перед этим омовением они не должны прикасаться ни к какому сосуду. Такой же обычай существует и у арабов(145).

199. Самый же позорный обычай у вавилонян вот какой. Каждая вавилонянка однажды в жизни должна садиться в святилище Афродиты и отдаваться (за деньги) чужестранцу. Многие женщины, гордясь своим богатством, считают недостойным смешиваться с (толпой) остальных женщин. Они приезжают в закрытых повозках в сопровождении множества слуг и останавливаются около святилища. Большинство же женщин поступает вот как: в священном участке Афродиты сидят множество женщин с повязками из веревочных жгутов на голове. Одни из них приходят, другие уходят. Прямые проходы разделяют по всем направлениям толпу ожидающих женщин. По этим то проходам ходят чужеземцы и выбирают себе женщин. Сидящая здесь женщина не может возвратиться домой, пока какой-нибудь чужестранец не бросит ей в подол деньги и не соединится с ней за пределами священного участка. Бросив женщине деньги, он должен только сказать: "Призываю тебя на служение богине Милитте!". Милиттой же ассирийцы называют Афродиту. Плата может быть сколь угодно малой. Отказываться брать деньги женщине не дозволено, так как деньги эти священные. Девушка должна идти без отказа за первым человеком, кто бросил ей деньги. После соития, исполнив священный долг богине, она уходит

домой и затем уже ни за какие деньги не овладеешь ею вторично. Красавицы и статные девушки скоро уходят домой, а безобразным приходится долго ждать, пока они смогут выполнить обычай. И действительно, иные должны оставаться в святынице даже по три четыре года(146). Подобный этому обычай существует также в некоторых местах на Кипре.

200. Таковы обычаи вавилонян. Есть среди них три племени, которые питаются только рыбой. Пойманную рыбу они вялят на солнце и затем поступают так: бросают рыбу в ступку и раздробляют пестиком, а затем пропускают через кисейное сито. Потом из этой массы по желанию замешивают сырое тесто или пекут хлеб.

201. После покорения этого народа Кир задумал подчинить массагетов. Эти массагеты(147), как говорят, многочисленное и храброе племя. Живут они на Востоке по направлению к восходу солнца за рекой Араксом напротив исседонов. Иные считают их также скифским племенем.

202. По рассказам некоторых, Аракс(148) больше Истры; другие же, напротив, считают эту реку меньше. На Араксе, как передают, много островов величиной с Лесбос. На этих то островах живут люди, летом питающиеся разными кореньями, выкапываемыми из земли. В летнюю же пору они собирают спелые плоды с деревьев и затем сохраняют их про запас. Там есть будто бы также и другие деревья, приносящие особого рода плоды. Собравшись толпой в одно место, массагеты зажигают костер и затем усаживаются вокруг и бросают эти плоды в огонь. От запаха сжигаемого плода они приходят в состояние опьянения, подобно тому как эллины пьянятся от вина. Чем больше плодов они бросают в огонь, тем сильнее их охватывает опьянение; пока наконец они не вскакивают, пускаются

в пляс и начинают петь песни(149). Так рассказывают об образе жизни этого племени. Река же Аракс берет начало в Матиенских горах, откуда течет и Гинд, который Кир разделил на 360 упомянутых выше каналов. Аракс извивается, (образуя) 40 рукавов, из которых все, кроме одного, теряются в болотах и топях. В этих то болотах, по рассказам, обитают люди, питающиеся сырой рыбой(150) и обычно носящие одежду из тюленых шкур. Одно единственное устье Аракса течет по открытой местности, (падая) в Каспийское море. Каспийское же море – это замкнутый водоем, не связанный ни с каким другим морем. Ведь море, по которому плавают эллины, именно то, что за Геракловыми Столпами, так называемое Атлантическое и Красное море, – все это только одно море(151).

203. Напротив, Каспийское море – это море совершенно особого рода. Длина его – пятнадцать дней плавания на гребном судне, а ширина в самом широком месте – восемь дней. На западе оно граничит с Кавказским хребтом – самой обширной и высокой из всех горных цепей. Много разных племен обитает на Кавказе, большинство которых питается дикими древесными плодами. В этой стране есть, как говорят, деревья с удивительными листьями. Из этих то листьев изготавливают краску, растирая их и смешав с водой(152), и затем наносят ею узоры на свою одежду. Узоры эти не смываются, а исчезают только вместе с шерстяной (материей, на которую их наносят), как будто бы они были втканы в материю с самого начала. Совокупление у этих людей происходит совершенно открыто, как у скота.

204. Так вот, с запада Кавказ граничит с так называемым Каспийским морем, а на востоке по направлению к восходу солнца к нему примыкает безгранична необозримая равнина. Значительную

часть этой огромной равнины занимают упомянутые массагеты, на которых Кир задумал идти войной. Много было у Кира весьма важных побудительных причин для этого похода. Прежде всего – способ его рождения, так как он мнил себя сверхчеловеком, а затем – счастье, которое сопутствовало ему во всех войнах. Ведь ни один народ, на который ополчался Кир, не мог избежать своей участии.

205. Царицей массагетов была супруга покойного царя. Звали ее Томирис. К ней то Кир отправил послов под предлогом сватовства, желая будто бы сделать ее своей женой. Однако Томирис поняла, что Кир сватается не к ней, а домогается царства массагетов, и отказалась ему. Тогда Кир, так как ему не удалось хитростью добиться цели, открыто пошел войной на массагетов. Для переправы войска царь приказал построить понтоные мосты(153) через реку (Аракс), а на судах, из которых состояли мосты, воздвигнуть башни.

206. Пока войско Кира было занято этими работами, Томирис велела через глашатая сказать Киру вот что: “Царь мидян! Отступись от своего намерения. Ведь ты не можешь знать заранее, пойдет ли тебе на благо или нет сооружение этих мостов. Оставь это, царствуй над своей державой и не завидуй тому, что мы властивем над нашей. Но ты, конечно, не захочешь последовать этому совету, а предпочтишь действовать как угодно, но не сохранять мир. Если же ты страстно желаешь напасть на массагетов, то прекрати работы по строительству моста через реку. Переходи спокойно в нашу страну, так как мы отойдем от реки на расстояние трехдневного пути. А если ты предпочитаешь допустить нас в свою землю, то поступи так же”. После этого Кир призвал к себе персидских вельмож на совещание, изложил им дело и спросил совета, как ему поступить. Все единогласно сошлись

на том, что следует ожидать Томирис с ее войсками здесь на этой земле.

207. Присутствующий на совещании лидер Крез не одобрил, однако, это решение. Он высказал свое возражение в таких словах: "Царь! Я уже раньше (после того как Зевс предал меня в твои руки) обещал тебе сколь возможно отвращать всякую беду, грозящую твоему дому. Мои столь тяжкие страдания послужили мне наукой. Если ты мнишь себя бессмертным и во главе бессмертного войска, то мое мнение, пожалуй, тебе бесполезно. Если же ты признаешь, что ты только человек и царствуешь над такими же смертными людьми, то пойми прежде всего вот что: существует круговорот человеческих дел, который не допускает, чтобы одни и те же люди всегда были счастливы. Так вот, в настоящем деле я держусь другого мнения, противоположного мнению твоих вельмож. Ведь если ты допустишь врагов в нашу собственную землю, то вот какая грозит нам опасность: потерпев поражение, ты погубишь всю свою державу. Ведь совершенно ясно, что, одолев тебя, массагеты не побегут в свою сторону, но вторгнутся в твои владения. В случае же победы над врагом твой успех, думаю, будет вовсе не так велик, как если бы ты победил массагетов в их стране и стал преследовать бегущих. Я хочу сравнить твои преимущества и их: ведь, разбив неприятеля, ты сможешь прямым путем вторгнуться во владения Томирис. Да и, кроме того, Киру, сыну Камбиса, было бы постыдно и нестерпимо подчиниться женщине и позволить ей вторгнуться в твою страну. Так вот, по-моему, нам следует перейти реку и затем проникнуть в глубь страны, насколько враги отступят, а затем попытаться одолеть их, поступив вот как. Как я узнал, массагетам совершенно незнакома роскошь персидского образа жизни и недоступны ее великие наслаждения. Поэтому то нужно, думается мне, устроить в нашем стане обильное угощение

для этих людей, зарезав множество баранов, и сверх того выставить огромное количество сосудов цельного вина и всевозможных яств. Приготовив все это, с остальным войском, кроме самой ничтожной части, снова отступить к реке. Ведь если я не обманываюсь (в своем суждении), то враги при виде такого обилия яств набросятся на них и нам представится возможность совершить великие подвиги”(154).

208. Так мнения советников разошлись. Кир же отверг первое мнение и принял совет Креза. Царь велел объявить Томирис, чтобы она отступила, так как он намерен переправиться в ее владения. И царица отступила (с войском), верная своему прежнему обещанию. Тогда Кир вверил Креза своему сыну Камбису, которого он назначил своим наследником. При этом царь настоятельно внушил сыну почитать Креза и покровительствовать ему (в случае неудачи переправы и похода в страну массагетов). С таким поручением Кир отпустил Камбиса и Креза и отправил их в Персию, а сам с войском начал переправу через реку.

209. После переправы через Аракс уже на земле массагетов ночью Кир увидел вот какой сон. Царю представилось, что он видит старшего из сыновей Гистаспа(155) с крыльями на плечах, осеняющим одним крылом Азию, а другим Европу. Самым старшим из сыновей Гистаспа, сына Арсама, из рода Ахеменидов был Дарий, в то время еще юноша около двадцати лет (юноша оставался в Персии как негодный еще по молодости лет к военной службе). Пробудившись, Кир стал размышлять о смысле сновидения. Царь решил, что сон имеет важное значение. Он велел затем позвать Гистаспа и без свидетелей сказал ему: “Гистасп! Сын твой уличен в кознях против меня и моей державы. Мне это точно известно, и я скажу тебе откуда. Боги пекутся обо мне и заранее открывают мне

грозящую беду. И вот теперь прошлой ночью я видел во сне старшего из твоих сыновей с крыльями на плечах, причем одним крылом он осенял Азию, а другим Европу. Во всяком случае из моего сновидения совершенно ясно, что твой сын посягает на мою жизнь. Поэтому возвращайся как можно скорее в Персию и позаботься представить твоего сына к ответу, после того как я покорю эту страну и возвращусь домой”.

210. Кир говорил так, полагая, что Дарий имеет против него злой умысел. Однако божество этим сновидением желало лишь открыть, что царь примет смерть здесь(156), в стране массагетов, а его царство перейдет к Дарию. Гистасп же отвечал царю такими словами: “Царь! Лучше бы не родиться тому персу, который посягнет на твою жизнь! А если есть такой, то да погибнет он и как можно скорее! Ведь это ты из рабов сделал персов свободными и из данников другим народам – владыками всех. А если сновидение возвестило тебе, что сын мой замышляет мятеж, то я отдаю его в твои руки: поступай с ним как тебе угодно!””. Такой ответ дал царю Гистасп. Затем он, переправившись через Аракс, возвратился в Персию, чтобы (в угоду Киру) схватить и держать сына под стражей.

211. А Кир между тем проник с войском за Аракс на один дневной переход и затем поступил по совету Креза. Оставив на месте только слабосильных воинов, сам царь с лучшей частью войска снова отступил к Араксу. Тогда третья часть войска массагетов напала на оставленных Киром воинов и, несмотря на храброе сопротивление, перебила их. (После победы), увидев выставленные в стане персов яства, массагеты уселись пировать. Затем они наелись досыта, напились вина и улеглись спать. Тогда пришли персы, перебили большую часть врагов, а еще больше захватили в

плен. В числе пленников был и сын царицы Томирис, предводитель массагетов, по имени Спаргапис.

212. А царица Томирис, узнав об участии своего войска и сына, велела отправить вестника к Киру с такими словами: "Кровожадный Кир! Не кичись этим своим подвигом. Плодом виноградной лозы, которая и вас также лишает рассудка, когда вино бросается в голову и когда вы, персы, (напившись), начинаете извергать потоки недостойных речей, — вот этим то зельем ты коварно и одолел моего сына, а не силой оружия в честном бою. Так вот, послушайся теперь моего доброго совета: выдай моего сына и уходи подобру-поздорову из моей земли, после того как тебе нагло удалось погубить третью часть войска массагетов. Если же ты этого не сделаешь, то клянусь тебе богом солнца, владыкой массагетов, я действительно напою тебя кровью, как бы ты ни был ненасыщен".

213. Кир, однако, не обратил никакого внимания на слова глашатая. А сын царицы Томирис Спаргапис, когда хмель вышел у него из головы и он понял свое бедственное положение, попросил Кира освободить его от оков. Лишь только царевич был освобожден и мог владеть своими руками, он умертвил себя. Так он скончался.

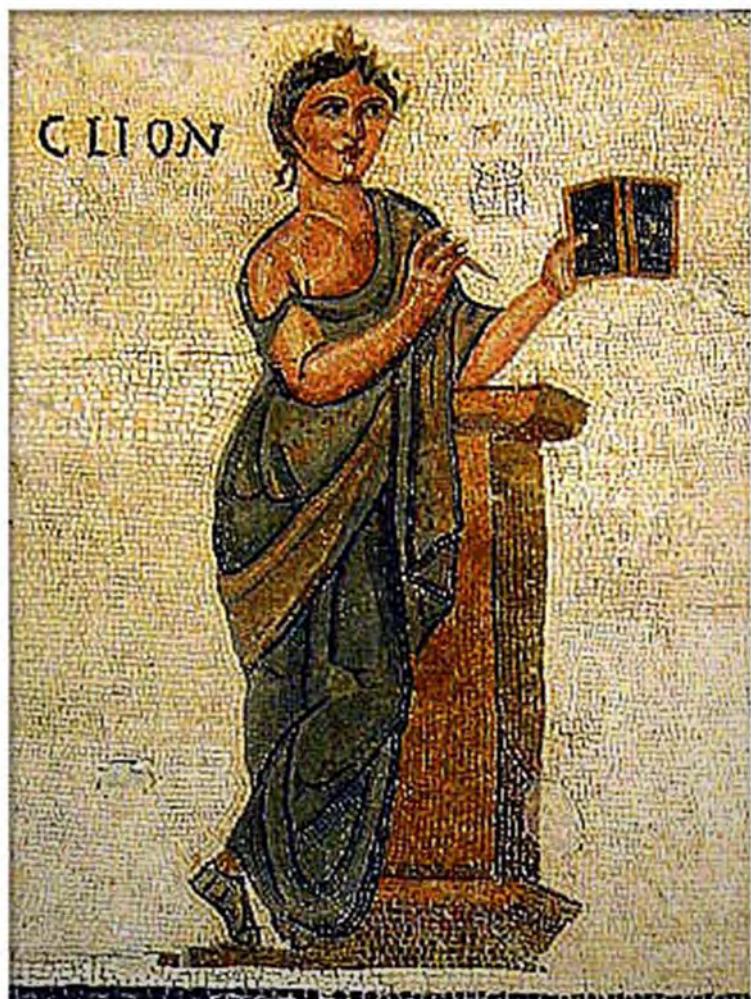
214. Томирис же, узнав, что Кир не внял ее совету, со всем своим войском напала на персов. Эта битва, как я считаю, была самой жестокой из всех битв между варварами. О ходе ее я узнал, между прочим, вот что. Сначала, как передают, противники, стоя друг против друга, издали стреляли из луков. Затем исчерпав запас стрел, они бросились врукопашную с кинжалами и копьями. Долго бились противники, и никто не желал отступать. Наконец, массагеты одолели. Почти все персидское войско пало на поле битвы, погиб и сам Кир. Царствовал же он полных 29 лет. А Томирис наполнила винный мех человеческой кровью и затем велела отыскать

среди павших персов тело Кира. Когда труп Кира нашли, царица велела всунуть его голову в мех. Затем, издеваясь над покойником, она стала приговаривать так: “Ты все же погубил меня, хотя я осталась в живых и одолела тебя в битве, так как хитростью захватил моего сына. Поэтому то вот теперь я, как и грозила тебе, напою тебя кровью”. Из многих рассказов о кончине Кира этом мне кажется наиболее достоверным(157).

215. Массагеты носят одежду, подобную скифской, и ведут похожий образ жизни. Сражаются они на конях и в пешем строю (и так и эдак). Есть у них обычно также луки, копья и боевые секиры. Из золота и меди у них все вещи. Но все металлические части копий, стрел и боевых секир они изготавливают из меди, а головные уборы, пояса и перевязи украшают золотом. Так же и коням они надевают медные панцири, как нагрудники. Уздечки же, удила и нашёчники инкрустируют золотом. Железа и серебра у них совсем нет в обиходе, так как этих металлов вовсе не встретишь в этой стране. Зато золота и меди там в изобилии.

216. Об обычаях массагетов нужно сказать вот что. Каждый из них берет в жены одну женщину, но живут они с этими женщинами сообща. Ведь рассказы эллинов о (подобном) обычве скифов относятся скорее к массагетам. Так, когда массагет почует влечение к какой-нибудь женщине, то вешает свой колчан на ее кибитке и затем спокойно сообщается с этой женщиной. (Никакого) предела для жизни человека они не устанавливают. Но если кто у них доживет до глубокой старости, то все родственники собираются и закалывают старика в жертву, а мясо вариют вместе с мясом других жертвенных животных и поедают. Так умереть – для них величайшее блаженство. Скончавшегося же от какого-нибудь недуга они не поедают, но предают земле. При этом считается

несчастьем, что покойника по его возрасту нельзя принести в жертву. Хлеба массагеты не сеют, но живут скотоводством и рыбной ловлей (в реке Аракс чрезвычайное обилие рыбы), а также пьют молоко. Единственный бог, которого они почитают, это – солнце. Солнцу они приносят в жертву коней, полагая смысл этого жертвоприношения в том, что самому быстрому богу нужно приносить в жертву самое быстрое существо на свете.

KLIO IS THE MUSE OF HISTORY

Примечания Г.А.Стратановский

1. В подлиннике *ιστορίης ἀπόδεξις* – изложение сведений, полученных путем расспросов.
2. В подлиннике *ἔργα* – действия, постройки, вообще все результаты деятельности, успехи.
3. Здесь: Персидский залив. Наше море – Средиземное море.
4. Имеется в виду арамейское переселение народов (ок. 1400-1200 гг. до н.э.) из Восточной Аравии в северную Сирию. Арамеи основали там города, упоминаемые в Библии.
5. В шахматных микенских (Аргос) гробницах (XVII в. до н.э.) найдены золотые украшения, алебастровые сосуды и страусовые яйца. Упомянутые Геродотом торговые сношения могли существовать уже во второй половине II тысячелетия до н.э.
6. Такая причины войны греков с варварами пародируется Аристофаном (*Ахарнене* 330 сл.).
7. Ядром сказания является, быть может, похищение ахейцами кумира малоазиатской богини в эпоху падения хеттского царства (ок. 1170 г. до н.э.). На хеттских печатях цилиндрах встречается изображение нагой богини, сидящей на быке. Так изображали Европу и греки.
8. Критяне или родственные им “морские народности” высадились около 1200 г. до н.э. на сирийском и палестинском побережье и

основали там много городов (например, Газа, Аскалон). Библия называют их “филистимлянами”.

9. Причины войны греков с варварами – это взаимные обиды. Первый нанес обиду Крез, подчинивший эллинов в Малой Азии. Обида и месть часто встречается у Геродота для объяснения исторических событий (см.: А. И. Доватур. Стиль, стр. 113).

10. Они, по-видимому, относятся к индоевропейским народностям. Язык лидийцев принадлежит к хетто лувийской группе или к хетто лидийской подгруппе (см.: В. В. Шеворошкин. Лидийский язык. М., 1967, стр. 17). Лидийцы упоминаются в египетских надписях (ок. 1234–1225 гг. до н.э.) как “турши” среди “морских” народов, напавших на Египет.

11. Под сирийцами здесь имеются в виду халибы (у Гомера – гализоны. Илиада II, 856).

12. Геродот упоминает только часть греческих племен, осевших на западном побережье Малой Азии. Греческие племена переселились в Малую Азию после падения хеттского царства (ок. 1170 г. до н.э.). Сначала пришли эолийцы, потом ионяне и последними дорийцы.

13. Нашествие киммерийцев относится ко времени ок. 700 г. до н.э. Аккадская версия персидских царских надписей знает киммерийцев как саков на западе совр. Туркестана. Они обитали к северу от Окса и назывались “гимир”, или “гиммири”.

14. Геродот дает мифическую генеалогию лидийских царей. Он, видимо, не знает лидийских преданий. Так, имя царя Кандавл – не собственное имя определенного царя, но скорее означает “властитель”.

15. В хронологии Геродотом придерживается принципа своих предшественников: три поколения равны ста годам (см.: С. Я. Лурье. Геродот, стр. 112).

16. Имя основателя новой лидийской династии интерпретируется исследователями по-разному. Одни считают его термином рода ("дед"), другие – названием птицы (см.: В. В. Шеворошкин. Лидийский язык, стр. 56). Отец Гигеса, быть может, происходил из вифинского города Даскилиона и потому назван Даскилом. Царь Гигес создал могущественное и независимое государство, благодаря чему лидийцы сосредоточили в своих руках всю сухопутную торговлю в Передней Азии (С. Я. Лурье. История, стр. 97).

17. Смысл: "В том момент, когда женщина снимает свой хитон, она лишается подобающего ей уважения" (ср.: R. Harder. Herodot I 8, 3. Herodot. Eine Auswahl aus der neueren Forschungen. München, 1962, S. 374).

18. Как неэллин, Гигес не мог иметь в Дельфах своей сокровищницы.

19. Имя Мидас встречается в древнефригийской надписи VII в. до н.э. в форме Мидай.

20. Гигес пал в битве с киммерийцами ок. 654 г. до н.э. (см.: В. В. Струве. Этюды, стр. 91).

21. Лидийские цари вели упорную войну с Милетом (из-за торговых интересов), но взять город им не удалось. Во внутренние дела городов они, однако, не вмешивались и оставили в руках греков всю морскую торговлю. Лидийское господство было для греков скорее выгодным (см.: С. Я. Лурье. История, стр. 98).

22. По аккадскому (ассирийскому) преданию, с киммерийцами сражался уже Гигес (Ги гу), отец Ардиса. Лидийский царь сначала вступил в союз с ассирийским царем Ассурбанипалом, а потом с царем Египта Псамметихом.

23. Ок. 720 г. до н.э. скифы пришли в причерноморские степи из севр. Западного Туркестана и затем ок. 623 г. завоевали мидийское царство Киаксара.

24. Пектида – 20 струнный инструмент вроде арфы, обнимал 2 октавы. Флейта низкого тона называлась мужской, а высокого – женской.

25. Ассес – место, где стоял храм. Лидийское имя богини Афины Асви (В. В. Шеворошкин. Лидийский язык, стр. 54).

26. Дифирамб – собственно, культовое прозвище Диониса. Впоследствии слово стало обозначать торжественную песнь в честь бога или героя. Она пелась под аккомпанемент главным образом флейты.

27. Νόμος ὄρθιος – напев, мелодия, исполняемая очень высоким голосом.

28. Иначе: “спаивать железо”.

29. Для греков Крез – тип царя филэллина, для лидийцев царствование Креза – время расцвета и блеска лидийской державы; в глазах дельфийцев Крез – почитатель авторитета оракула. В рассказе о Крезе соединены две концепции: одна – дельфийская, по которой возмездие за преступления Гигеса падает на пятого потомка – Креза; другая – переносит вину на самого Креза, который навлек на себя “зависть” (или “ревность”) богов (ср.: А. И. Доватур. Стиль, стр. 191).

30. Пимтак не мог встретиться с Крезом в 560 г., так как умер в 570 г. до н.э. (см.: В. В. Струве. Этюды, стр. 93).

31. Этот рассказ отражает попытку лидийцев заняться морской торговлей и покорить острова (см.: С. Я. Лурье. История, стр. 98, прим. 1).

32. Из отсутствия в этом перечне подвластных Крезу народностей – ликийцев и киликийцев – заключают, что малоазийское побережье Средиземного моря, за исключением Памфилии, было независимо от Креза. Подданными Креза были памфилы, ионяне, эолийцы и дорийцы.

33. В этом ошибка Геродота, ибо путешествие Солона падает на 594–584 гг., Крез же царствовал с 560 г. до н.э.; поэтому Солон не мог встретиться с Крезом. Посещение Солоном Амасиса (егип. Аб мосе), который царствовал с 569 по 526 г., также противоречит хронологии.

34. Имя Атис встречается в древнефригийских надгробных надписях в форме Амес.

35. Очистительный обряд у греков состоял в следующем: руки убийцы обливали кровью животного (поросенка) и затем обтирали в знак освобождения от кровавого греха; потом божество умилостивляли жертвами и молитвами (В. В. Латышев. Очерк греческих древностей. Ч. II. СПб., 1899. С. 78). «Скверна», лежащая на убийце (по-гречески μίδοντα, мыслилась в виде живого существа), поражает прежде всего родичей, а затем распространяется на весь город, заражая его (см.: С. Я. Лурье. История, с. 89).

36. Эта женщина раскрыла покушение мачехи Креза погубить его отравленным хлебом.

37. Руководящая роль Лидии в малоазийской торговле и щедрые дары Креза в дельфийский храм были причиной того, что дельфийские жрецы прославляли царя как любимца богов и толкнули на борьбу с Персией, предвещая победу. После же покорения Лидии Дельфы изменили свою политику и советовали грекам не сопротивляться персам (см.: С. Я. Лурье. История, с. 184).

38. Этот почетный декрет взят Геродотом из документального источника (см.: А. И. Доватур. Стиль, с. 28, 30).

39. Иначе диакриев. Писистрат опирался на крестьян, жителей северовосточной Аттики. Вся экономическая политика Писистрата была направлена на защиту интересов беднейшего крестьянства (С. Я. Лурье. История, с. 154).

40. Мегакл – глава афинского знатного рода Алкмеонидов – стоял во главе городских ремесленников и торговцев. Алкмеониды имели основные торговые интересы в Малой Азии и потому были сторонниками персофильской политики (С. Я. Лурье. История, с. 159).

41. Геродот и Аристотель видели в триумфальном вступлении Писистрата в Афины с девушкой, изображавшей богиню Афину Эргану (покровительницу городских ремесленников), простое одурачивание афинян. В действительности же актер, игравший роль бога, воспринимался как воплощение бога (см.: С. Я. Лурье. История, с. 152).

42. Демы – округа в Аттике.

43. Писистрат не желал иметь детей от дочери Мегакла, чтобы не навлечь на свое потомство родовое проклятие, тяготевшее над Алкмеонидами (см.: С. Я. Лурье. История, с. 152, примеч. 2).

44. Обычно принимают двукратное изгнание Писистрата, но теперь большинство ученых считает, что здесь имеем дело с дублированием одного и того же изгнания (см.: С. Я. Лурье. История, с. 151, примеч. 3).

45. Возможно, что число лет изгнания Писистрата Геродот взял из городской хроники Афин.

46. Прорицатели пользовались в то время в Афинах большим влиянием.

47. Предсказание оракула (или прорицателя) не всегда безусловно исполняется: его можно принять или отвергнуть. Так, Писистрат принимает пророчество Амфилита, т.е. это значит, что он нашел правильное его истолкование. Напротив, Гиппарх в ночь перед убийством, увидев сон, предсказавший ему несчастье, отверг предсказание, т.е. старался неправильно его понять (см.: М. Р. Nilsson. *Geschichte der griechischen Religion*. I. München, 1955. S. 165).

48. Здесь имеются в виду доходы с серебряных лаврийских рудников в Аттике и с рудников на р. Стимоне во Фракии (у Эйона и Амфиполя).

49. «Очищение» о. Делоса, национальной святыни ионийского племени, Писистрат произвел, чтобы снискать милость дельфийского бога, который (в лице жрецов) санкционировал его владычество в Афинах.

50. Эномотии в спартанском войске – подразделение из 25 – 36 человек, связанных взаимной клятвой.

51. Триакады – подразделения из 30 человек.

52. Сисситии – совместные трапезы у спартанцев.

- 53.** Эфоры – коллегия из 5 человек, выбиравшаяся на один год. Первоначально они выполняли, по-видимому, судебские функции, а позднее – функции надзора и контроля. Они узурпировали даже часть царской власти.
- 54.** Совет старейшин (или герусия) – из 28 членов. Вместе с двумя царями совет был высшим органом власти в Спарте.
- 55.** Соответственно делению дорийцев на два племени – гиллеев и диманов у них было два вождя (царя), которые стояли во главе двух отрядов войска.
- 56.** Описываемые здесь события падают, вероятно, на вторую половину VI в. до н.э.
- 57.** Агатоерги – 5 членов спартанского корпуса из 300 всадников, которые ежегодно по возрасту выбывали из его состава и назначались послами за границу.
- 58.** Лидия была для греков того времени страной, откуда привозили золото. Лидийцы первыми стали чеканить золотую монету. Так же и персы (согласно древнеперсидским надписям) получали большую часть золота из Лидии.
- 59.** Рассказ о предостережении Крезу мудрого Санданиса возник среди состоятельных слоев местного населения. В греческих рассказах предостережения Крезу делались греческими мудрецами – Солоном, Биантом или Питтаком (ср. I 27, 32). Политический смысл рассказа: нападение нелено, если нападающий находится на вершине материального благополучия (ср.: А. И. Доватур. Стиль, с. 141).
- 60.** См. выше I 73, примеч. 9.

61. Это солнечное затмение произошло 28 мая 585/4 г. до н.э. Геродот же взял другое затмение, именно 30 сентября 610 г., и поэтому отодвинул на 25 лет смерть Гигеса и включил в число исторических фактов свидания Креза с Солоном, Питтаком и Алкмеоном (В. В. Струве. Этюды, с. 98). Таким образом, неправильная датировка событий в Малой Азии и Греции VII – VI вв. до н.э. обусловлена не субъективными религиозно моральными воззрениями Геродота, а неправильной датировкой предсказанного Фалесом солнечного затмения (В. В. Струве. Этюды, с. 100).

62. Описание похода Креза на кappадокийских сирийцев показывает, что Крез думал только об экспансии на Черноморское побережье. Но так как кappадокийцы были подвластны Киру, то дело дошло до войны с Киром.

63. Ядром лидийского войска была прекрасная конница.

64. Упоминание р. Гилла позволяет думать, что решительная битва произошла не при Сардах, а к северу от Магнесии.

65. Город Сарды не был обнесен стенами. Персы осаждали только городской кремль (акрополь).

66. Рассказ о льве Мелеса – местный лидийский; к нему добавлен персидский рассказ, героем которого был мэрд Гиреад (см.: А. И. Доватур. Стиль, с. 85). Лев – геральдическое животное Сард (быть может, древний тотем), изображается на лидийских монетах. Он был атрибутом божества – хранителя Сард.

67. Взятие Сард персами произошло в 546 г. до н.э. Рассказ об этом заимствован из персидской традиции (А. И. Доватур. Стиль, с. 92).

68. Сожжение Креза на костре – это скорее самосожжение. Крез приносит себя в жертву богу солнца Аполлону, который затем тушит костер. Вместе с Крезом возведены на костер «дважды семь» юношей (семь – священное число). На древних вазах сохранилось изображение Креза, сидящего на костре и приносящего жертвы.

69. Вмешательство божественных сил в ход исторических событий – довольно частый мотив у Геродота.

70. Судьба (Рок) и кара богов за преступления привлекаются для объяснения широкого круга явлений: падение и гибель городов и царств, смерть политических деятелей, государственные перевороты, битвы, войны и пр.

71. Богини Судьбы – Мойры, дочери Зевса и Фемиды. Их было три – Атропа, Клото и Лахесис.

72. Т.е. в храме Афины Пронии, находящемся перед храмом Аполлона.

73. «Чесальный гребень» – орудие пытки. В рассказе о расправе Креза со своим братом отражается эпизод борьбы между сторонниками и противниками греческой ориентации (см.: А. И. Доватур. Стиль, с. 83).

74. Описанный Геродотом курган существует еще и теперь.

75. Речь идет о так называемой священной проституции, связанной с культом вавилонской богини Иштар.

76. Здесь Геродот передает древнейшее известие о переселении этрусков в Италию. Даже в эпоху Римской республики, когда язык этрусков еще существовал, малоазийское происхождение их считалось общепризнанным.

77. Ассирийская держава пала в 612 г. до н.э. Таким образом, возникновение ассирийского царства, по Геродоту, следует отнести ко времени незадолго до царствования Тиглатпеласара I (1116 – 1090 гг. до н.э.). Геродот пользуется здесь аккадскими источниками.

78. К числу покоренных Ассирией народностей принадлежали вавилоняне, сирийцы, киликийцы, народности Урарту и Египет (до 669 г. до н.э.).

79. Новелла о Деиоке решает вопрос о возникновении монархической власти: умный человек создает себе славу справедливейшего; затем, отойдя от дел, дает почувствовать народу контраст между его справедливой властью и воцарившейся анархией и, наконец, при содействии своих агентов получает власть, к которой он давно уже стремился (см.: А. И. Доватур. Стиль, с. 138). В 715 г. до н.э. Саргон II покорил мидийского царя Даиуку.

80. Речи обычно сочинены самим историком, но в новеллах не принадлежат ему (см.: А. И. Доватур. Стиль, с. 190, примеч. 2).

81. Сандараковый цвет – оранжево красный (сандарак – сернистый мышьяк).

82. Мидяне, по-видимому, в X – IX вв. до н.э. переселились из Бактрии и Согдианы, заняли северо-западную часть Ирана и покорили местное, неиндоевропейское население.

83. Быть может, скифов изгнали из южнорусских степей киммерийцы, которые перешли Босфор и вторглись в Малую Азию. Скифы же через Дербентский проход по пути между Кавказом и Каспийским морем проникли в Мидию.

84. Это был знаменитый храм филистимлян, посвященный Астарте (Иштар).

85. Энареи (иранск. «анаарья» – немужественный) – кастрамы, гермафродиты – жрецы богини Иштар. Скифы во время вторжения в Сирию познакомились с культом богини Иштар.

86. Ассирийские «логосы» Геродота до нас не дошли. Возможно, что Геродот их не успел написать.

87. Завоевание ассирийского царства царем Мидии Киаксаром подтверждается табличками летописи царя Набупаласара (см.: В. В. Струве. Этюды, с. 67). О царствовании Киаксара сведения Геродота противоречивы: по одному варианту (I 73), гибель скифов произошла перед войной Киаксара с Лидией, а по-другому (I 106) – она непосредственно предшествовала завоеванию Нина (Ниневии).

88. Новелла о рождении и воспитании Кира взята Геродотом из легенд царского рода Ахеменидов. В действительности Кир был вассалом Астиага, восстал и низверг этого царя. Мотивы легенды о Кире напоминают легенду о Ромуле и Реме и др.

89. «Оком» и «ушами» царя назывались чиновники при дворе персидского царя, выполнявшие полицейские функции.

90. Гомеровское слово. Гомеризмы Геродота – одна из особенностей устных ионийских рассказов, перешедших вместе с этими рассказами в «Историю» Геродота (см.: А. И. Доватур. Стиль, с. 180, примеч. 5).

91. Собака у иранцев была посвящена верховному богу Ахурамазде и считалась священным животным.

92. Некоторые из упомянутых народностей, например, даи, только впоследствии были покорены Киром. По Беросу, Кир пал (530 г. до н.э.) в битве с даями, кочевавшими на р. Оксусе (совр. Амударья).

93. Это сообщение подтверждается летописью вавилонского царя Набонида: Астияг был выдан Киру его собственными восставшими воинами.

94. Данные Геродота о времени господства мидян восходят к аккадским источникам. Основание мидийского царства относится к 671 г., а его падение – к 553 г. до н.э.

95. Геродот отождествляет греческого Зевса с персидским Ахурамаздой (мудрый владыка).

96. Эти слова напоминают одно место из гат (песней Авесты), по которому Мазда «несет мощные небеса подобно одеяниям» (ср.: В. В. Струве. Этюды, с. 117).

97. Перечисленные здесь божества: солнце (Митра), луна (Магх), земля (Зам), огонь (Атар), вода (Ан), ветер (Вата) принадлежат древней арийской религии. Поклонение этим божествам сохранила и религия Заратуштры.

98. Геродот смешивает здесь бога солнца Митру с богиней воды Анаитой. В пограничной вавилонско-иранской области рано произошло смешение Анаиты с богиней Иштар, что, по-видимому, указывает на то, что осведомитель Геродота происходил оттуда.

99. В культе Ахурамазды священный огонь считался вечным, и поэтому персы «не возжигают огня» (ср.: В. В. Струве. Этюды, с. 120).

100. Головной убор персов в виде усеченного конуса.

101. При жертвоприношении маг пел гату (песнь из Авесты), содержание которой Геродот совершенно произвольно сопоставляет с эллинской теогонией (поэмой о происхождении богов).

102. Слухи о таких обильных угощениях персов были распространены в Греции еще в V в. до н.э. (см.: Аристофан. *Ахарнене*, с. 86).

103. Здесь речь идет о ритуальных, а не о бытовых оргиях. Опьяняющий напиток «хаома», который употребляли персы, должен делать «знающими» участников оргии (ср.: В. В. Струве. *Этюды*, с. 26). В Авесте опьянение «златоцветной хаомой» дарует «всестороннее знание».

104. Подобное же известие о воспитании юношей содержится в надгробной надписи Дария I (В. В. Струве. *Этюды*, с. 84).

105. В Накширустемской надписи Дария царь требует тщательно обсудить, кто подлинный враг, а кто нет (ср.: В. В. Струве. *Этюды*, с. 82).

106. Белые голуби были посвящены Иштар. Персы считали их носителями проказы.

107. Очевидно, персидские имена были известны Геродоту лишь в греческой транскрипции.

108. Погребение в земле считалось у персов одним из способов почитания богини земли (ср.: В. В. Струве. *Этюды*, с. 144).

109. Обмазывание тела покойника воском – вавилонский обычай, принятый персами. Тела персидских царей после бальзамирования помещались в саркофаги. Выставление трупов на расстерзание диким зверям в это время было в обычae только у североиранских племен и у магов.

110. Обычай магов оставлять трупы на расстерзание зверям восходит к способу погребения каспиев (см.: Страбон XI, 9,3,8).

111. Геродот говорит здесь о местных говорах отдельных местностей и городов. Они отличались от того ионийского диалекта, на котором писал Геродот.

112. 12 ионийских городов возникли из 12 областных союзов ионян. У них было общее святилище в Панионии.

113. 6 дорийских городов возникли из 6 дорийских областных союзов. Их общее святилище находилось на мысе Триопии у Книда.

114. По Геродоту, дорийское переселение вынудило ахейцев отступить на север. Ахеи вытеснили тогда ионян, живших у Патрасского залива, и заставили их переправиться в Малую Азию.

115. Минийцы первоначально жили в Фессалии в области Иолка. Под давлением пеласгов (эолийцев) часть их двинулась на юг и основала Орхомен в Беотии. Другая часть заняла о. Лемнос, откуда их впоследствии изгнали пеласги. Тогда минийцы перешли в южную часть Пелопоннеса, но под написком дорийцев вынуждены были отступить в горную область Тайгета.

116. Фразу «так обстоит дело... оканчиваются на эту букву» некоторые ученые считают позднейшей вставкой.

117. Эти 12 эолийских городов первоначально были племенными округами. Имена некоторых городов (например, Лариса) встречаются в Фессалии и в Малой Азии. Эолийцы переселились из Фессалии раньше ионян под написком дорийцев.

118. «Сто островков» – многочисленная группа островков между Лесбосом и материком.

119. В подлиннике χομίζειν. Вместе со Штейном и Мищенко я перевожу «поручил хранить», а не «перевозить», как предлагает Пауэлл (J. E. Powell. A lexicon to Herodotus, s. v. χομίζειν).

120. После завоевания лидийского царства Кир намеревался покорить Вавилон, бактрийцев, саков и египтян. Вавилон был взят в 539 г. Дата завоевания Бактрии неизвестна. Сатрапом Бактрии был поставлен Гистасп, отец царя Дария I. В 529 г. до н.э. Кир погиб в битве с саками массагетами (скифами).

121. Восстание Пактия охватило только Сарды и греческие приморские города. Остальная Лидия оставалась спокойной. Пактий опирался на греческих наемников (ср.: А. И. Доватур. Стиль, с. 88).

122. Запрещение ливийцам носить оружие нельзя понимать буквально. Лидийская конница с тех пор исчезла, потому что был уничтожен общественный слой, который составлял ядро вооруженной силы независимой Лидии (ср.: А. И. Доватур. Стиль, с. 90).

123. Геродот разоблачает обман жрецов. Бранхиды и жрецы Аполлона поддерживали персов.

124. Все люди, прибегавшие к храму, алтарю или статуе божества, считались неприкасаемыми под защитой божества, и выдача их была святотатством. Пактий явился в Киму «умоляющим о защите».

125. Круглые корабли – торговые суда, имевшие малую скорость, 50 весельные военные корабли и триеры (с тремя рядами весел) развивали большую скорость. Техника плавания на парусах была несовершенна, и рулевое управление плохое, компас был неизвестен. Навигация продолжалась 50 дней после летнего солнцестояния. Торговые корабли не были так связаны с берегом, как триеры. За день корабль мог пройти 500 – 700 стадий.

126. Кадмейская победа (поговорка) – гибельная для обеих сторон, как в битве Этеокла с Полиником.

127. Далее в тексте лакуна.

128. Нуждаясь в греках (как в мореходах), Кир не ухудшил условий, в которых они находились под властью Креза (ср.: <ЕМС.< ет>Я. Лурье. История, с. 184).

129. По критскому преданию, первоначальные жители Крита (по Геродоту, карийцы лелеги) поставляли экипажи для кораблей критского царя Миноса. Теснимые ионянами и дорийцами, критяне частично высыгались в Малую Азию. Носители дворцовой культуры Кносса и Феста частично остались на Крите, подчинившись ахейцам. Легендарный Минос, по Геродоту, был царем ахейцев на Крите и предпринял походы в Египет и Сирию. Критяне переселились в Малую Азию после вторжения на остров ионян и дорийцев.

130. На микенских вазах (ок. 100 г. до н.э.) изображаются ахейские воины ионян и дорийцев.

131. Быть может, рассказ Геродота основан на ликийском предании, связанном с историческим фактом завоевания Крита ахейцами и последующего захвата его ионянами и дорийцами.

132. Геродот сильно преувеличил размеры Вавилона. По данным раскопок, окружность города не превышает 18 км.

133. Царский дворец, теперь раскопан. Храм Зевса Бела, вероятно, святилище бога Мардука.

134. Эта история до нас не дошла.

135. Царице Нитокрис Геродот приписывает сооружения царя Набукааднебура II (605 – 562 гг. до н.э.).

136. Ладинем (вав. Набу на'ид), по происхождению арамей из Харрана, не мог быть сыном царицы Нитокрис.

137. Город Сусы был конечным пунктом царского пути от Эфеса на Восток.

138. Описание осады Вавилона относится ко второму завоеванию города Дарием I (18 декабря 522 г. до н.э.). Уровень воды в р.

Евфрате в это время самый низкий, и поэтому персам не надо было прибегать к искусственным сооружениям, описанным Геродотом. Город был взят в день храмового праздника. Первое взятие города Киром произошло в 539 г. до н.э. после победоносной битвы. Аккадцы восстали против царя Набу на'ида, так что персидский полководец Гобрий занял затем город без сопротивления.

139. Сесам – кунжут (*Sesamum indicum* L.).

140. Еще и теперь в Иране употребляются подобные круглые суда под названием куфа.

141. О подобных обычаях в Вавилоне из других источников ничего не известно.

142. Напротив, медицинская наука была высоко развита в Вавилоне и там было много врачей.

143. Подобные обычай еще долго существовали на Востоке.

144. Вавилоняне пропитывали тело покойника особого рода смолой (бальзам), которую Геродот называет медом. Обычно покойников погребали под полом домов.

145. Подобные обычай очищения существовали у древних иудеев. Отсюда некоторые делают заключение, что под арабами Геродот

имеет в виду иудеев. Но Геродот, по-видимому, не знал иудеев. По крайней мере он нигде о них не упоминает.

146. Обычай священной храмовой проституции описан у Геродота неправильно. Священной проституцией на службе богини Иштар занимались только девушки – жрицы богини Иштар (принадлежавшие, правда, к знатнейшим семьям Вавилона), а вовсе не все девушки вавилонянки.

147. Массагеты саки делились на две большие группы: 1) северные саки – «большие саки» (т.е. большая орда) проникли в Маргиану с севера; 2) саки амиргийцы (перс. сака гаума варга – «хаому изготавливающие») жили в долине совр. р. Мургаба и в походе носили остроконечные шапки. В конце царствования Дария их стали называть «даха», «дая». О массагетах у Геродота есть два различных известия (аккадское и скифско эллинское). Согласно скифско эллинскому источнику Геродота, массагеты жили против исседонов на западном берегу Каспийского моря севернее совр. р. Курьи.

148. Реку Аракс Геродот описывает по двум источникам: по аккадскому, р. Аракс (совр. Кызылсу) начинается в Матиенских горах (на северо востоке Мидии), затем главная река течет с Бингол дага (в совр. Армении) и, наконец, (совр. Кура), впадает на западе в совр. Каспийское море. По скифско эллинскому источнику, р. Аракс впадает с востока в Каспийское море (в настоящее время высохшее устье Амударьи – Узбой).

149. Здесь, по-видимому, идет речь об изготовлении опьяняющего напитка «хаома». В надписях царя Дария I упоминаются амиргийские саки массагеты (см.: В. В. Струве. Этюды, с. 30).

150. Имеются в виду саки массажеты (от иранск. «масъя» – рыба), собственно, «рыболовы» или «рыбоеды».

151. Это утверждение Геродота показывает, что он уже принимает во внимание сведения, добывшие финикиянами при обвезде вокруг Африки при фараоне Неко.

152. Геродот описывает здесь изготовление краски из растения синильный красильник (*Isatis tinctoria L.*).

153. Сооружение мостов было нужно Киру для обеспечения коммуникации с плодородными областями юга.

154. Совет Креза не имеет, конечно, исторического значения и выражает собственные взгляды Геродота.

155. Гистасп (перс. Висташпа) – почитатель и покровитель пророка Заратуштры; поддерживал народное движение против знати в Маргиане. Он был ненавидим знатью и потому должен был уступить престол сыну Дарию (см.: В. В. Струве. Этюды, с. 38).

156. В рассказе о сне Кира отразилась легенда, объясняющая поражение Кира не мощью противника, а волей Ахурамазды (см.: В. В. Струве. Этюды, с. 65).

157. Кир пал в 530 г. до н.э. Рассказ о гибели Кира напоминает рассказ Плутарха о гибели Красса в битве с парфянами. По сообщению Бероса (эпоха первых Селевкидов), Кир нашел смерть после 9 летнего царствования «в долине Даас», т.е. «в стране даха даев» (ср.: Б. А. Тураев. История Древнего Востока. II. Л., 1954, с. 118).

Содержание:

Геродот.История. Книга первая.Клио (обложка)	стр.1
Геродот. История. В девяти книгах – 1972	стр.2
От редакционной коллегии	стр.4
Бюст Геродота. Музей в Неаполе	стр.7
Книга первая. Клио	стр.9
Примечания. Г.А.Стратановский	стр.126
Вкладка «Карта мира по Геродоту»	стр.146
Содержание	стр.148
Форзац	стр.149
Обложка	стр.150

Геродот. История

От редакционной коллегии

Книга первая. КЛИО

Карта мира по Геродоту

Редактор: Амидала

Художественный редактор: Амидала

Технический редактор: YODA

Ответственный за выпуск: YODA

Оформление: Амидала

Утверждено к публикации: 19.06.2016

Формат документа: (А4) 27,9 x 21; 150 стр.

Тираж: Без ограничений.

«ИЗДРЕВЛЕ ЕСТЬ У ЛЮДЕЙ
МУДРЫЕ И ПРЕКРАСНЫЕ ИЗРЕЧЕНИЯ:
ОТ НИХ СЛЕДУЕТ НАМ ПОУЧАТЬСЯ.»

ГЕРОДОТ